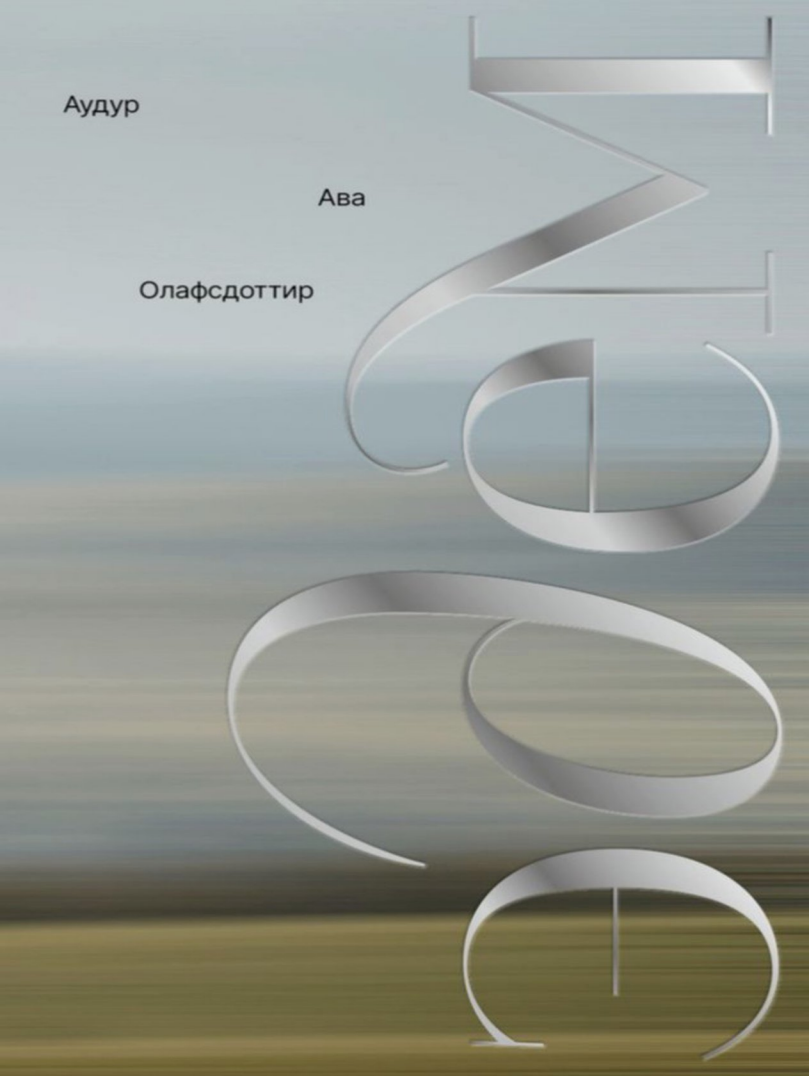
Аудур

Ава

Олафсдоттир



Эдем
Аудур Ава Олафсдоттир

Аннотация
Аудур Ава Олафсдоттир. Эдем
МКС
Якобсдоттир
Мое осознание корневых систем и любви
Каждую пятницу умирает один язык
Дождь со снегом: мокрый снег или моросящий дождь и холодный ветер…
Прекрасная страна
«Расстояние между мной и Плутоном»
а: в детской речи выражает привязанность
Околица: небольшое отклонение от пути, крюк
Этимология сердца
Рыжие полосатые котята в подарок
Мастер слова выражает свое почтение
Мы всегда на полпути в нашей жизни
Светлое дерево
Нехватка крови всех групп
Леди Бьяркан
Значит, вы та, кому моя сестра продала землю
Куст
Магазин Красного Креста

Овечья тропа — это та узкая стежка, что ведет к совершенству
Я знаю о далеких солнцах
Семьдесят три тысячи триста видов деревьев
«Радио Апокалипсис», здравствуйте
Девятьсот девяносто девять штук
То, что поливают, то растет
У нас самый большой в стране выбор материалов для ограды. Мы предлагаем индивидуальный подход и консультирование по всем товарам — от зажимов до укрепленных угловых стоек
Ты и я, два местоимения
ООО «Ночная бабочка»
Верещатник и улица Якасель
«Кафе Фьола»
Дом: жилое помещение с соответствующей мебелью и утварью для регулярного личного пользования
Человек ищет альтернативную планету
Все будет в порядке
Единственный звук, что ты будешь слышать, — это вой ветра
Возвратный глагол «просчитаться»
~
Если умру я — пожалуйста, оставь балкон открытым

~
Небо ступило на землю
Я так старался, чтобы выучить все эти слова
Изгиб позвоночника
Til einskis: «ни к чему»
Язык мой, признание в любви
Пу.п
Спасибо, что одолжили перчатки
Сезон любви
Грипп
В моем царстве нет места языку
«Шекспир»
Отпечатки твоих пальцев на всем моем теле
Опасные игры
Обязательства выгодной дружбы
Ночь спускается в книгах, но не в реальности
Все, что красиво
~
Натиск осадков
Водохозяйственный баланс
Хлинюр: мужское имя собственное и дерево породы клен (acer pseudoplatanus)
Непросто подытожить жизнь
Хлинюр Гардарссон любил деревья
Вот, значит, твое царство
Post mortem: посмертно

Потомки будут крепче родителей
Отель «Укромный уголок»
ИСА35
То, что зовется жизнью
Стихи в бегах
Горы и острова двинулись с мест своих, а град, огонь и сера пали с неба
Ты там, а я — там
Требованиям ты соответствуешь
Я не совсем уверен, куда лежит мой путь дальше и удастся ли мне спасти мир
Первая положительная
Птицы Исландии
«Айскьюб Холдингс»
Чтобы летать, птице нужен воздух под крылья-ми
Там, где слово парит свободно
Выходные данные

Аннотация

Альба работает корректором, преподает в университете, состоит в совете по именам, занимается проблемами исчезающих языков. Она обеспокоена экологией и будущим планеты. Однажды Альба отказывается от привычной жизни в Рейкьявике и начинает возводить собственный Эдем на бесплодной почве из песка и лавы в пустынной исландской местности.

Действительно ли мир находится на грани катастрофы? И есть ли у нас шанс создать Эдем и больше не покидать его?

Нежная, трогательная и глубокая история с исландским колоритом и общечеловеческими смыслами.

Аудур Ава Олафсдоттир
Эдем

NoAge

polyandria

2026

Auður Ava Ólafsdóttir
Eden

Перевел с исландского *Вадим Грушевский*
Дизайн обложки *Анны Стефкиной*

© Auður Ava Ólafsdóttir, 2022
Published by arrangement with Éditions Zulma, Paris
© Грушевский В. С., перевод на русский язык, 2026
© Издание на русском языке, оформление. ООО «Поляндрия Ноу Эйдж», 2026

* * *

Возьмите ученого-лингвиста, такой же редкий вид, как деревья в Исландии, и остров, покрытый лесом всего на 3 %, — не самое лучшее место для возвращения Древа Эдема. Добавьте к этому экзистенциальный кризис (среднего возраста) и цивилизационный кризис. Получится «Эдем».

MARIANNE

* * *

А. Я.

Ты спрашиваешь: что такое жизнь? Это все равно что спросить: что такое морковка? Морковка есть морковка, и больше ничего неизвестно.

***Антон Чехов*[1]**

Назовите мне хорошее слово,

Полезное слово,

Правдивое слово.

Но ради моего слова:

Пусть оно будет коротким.

***Торстейтн фра Хамри*[2]**

---

[1] Примечания: 1

Из письма Ольге Книппер.

[2] Примечания: 2

Торстейтн фра Хамри (Торстейдн фрау Хамри) — исландский писатель и поэт. — *Здесь и далее прим. пер.*

МКС

Самолет проносится по полосе и взлетает, а я придвигаюсь к иллюминатору и вижу, как из дома где-то в пригороде выходит женщина и открывает дверцу машины, в которую садятся двое детей с рюкзаками за спиной; я вижу их так, будто они совсем рядом, — я даже могу разглядеть их лица, но потом самолет стремительно возносится к небу и все уменьшается в размерах. Я вижу, как земля распадается на ровные квадратики, а город преображается в сияющую череду огней; с такой высоты планета кажется необитаемой, а мир выглядит таким, будто люди поспешно покинули его, не погасив свет, не выключив телевизор и даже не сняв кастрюлю с плиты. Пару мгновений я смотрю на реку, которая, пересекая не одну страну и несколько границ, бежит к морю, с той же самой водой и рыбой, которая откладывает икру в одной стране, а вылавливается уже в другой. Я пытаюсь вспомнить вопрос из давнишнего экзаменационного билета по географии, он касался того, чем занимаются люди в городах, где есть реки. Там вроде как производят иголки для

шитья? Вскоре земной пейзаж исчезает под белой пеленой облаков, и я оказываюсь в безграничном пространстве того же сине-ледяного цвета, что послужил фоном иллюстрации из Библии: той, где на берегу реки свои крылья распростирает ангел, а на переднем плане стоят двое босоногих детей. Здесь, наверху, благодать, абсолютная благодать, и я откидываюсь на спинку своего кресла 29F, закрываю глаза и, через мгновение вырвавшись из атмосферы, оказываюсь на орбите Земли, где вокруг меня летает космический мусор, кружа вместе с космическими кораблями миллиардеров и со спутниками, что прочерчивают наши передвижения на карте. Тут я решаю заглянуть на МКС, где полные азарта русские кинематографисты как раз сейчас снимают сцену из фильма о женщине-хирурге, которую играет Юлия Пересильд. Ее отправили на космическую станцию, чтобы она в срочном порядке сделала операцию космонавту, у которого случился сердечный приступ (его сыграл настоящий космонавт Шкаплеров)[3]*. Они хотят выпустить фильм раньше, чем Том Круз закончит свою, голливудскую, картину, сцену из которой также*

---

[3] Примечания: 3

Излагаемые здесь детали несколько отличаются от сюжета фильма.

намечено снять вне земной атмосферы и где речь тоже идет об операции по спасению, но не одного человека, а всего человечества от надвигающейся опасности, и это напоминает мне о кем-то сказанных словах: тот, кто спасает одного человека, спасает все человечество, а тот, кто убивает одного человека, убивает все человечество. Меня пронзает мысль о том, что космонавты будто бы плачут и, когда человек отдаляется на приличное расстояние и больше не различает границ, он забывает обо всех людских склоках на Земле, о том, что земля нагревается, а уровень моря постоянно повышается, и вместо этого видит, как все превращается в единый сплав, где каждый предмет — часть одного целого; и правда, поражаешься тому, насколько мала Земля, раз уж она вращается не только вокруг Солнца со скоростью сто восемь тысяч километров в час, но и вокруг своей оси со скоростью тысяча шестьсот девяносто километров в час, и, когда понимаешь, как мало нужно, чтобы она сошла со своей колеи, верх берут чувства, и люди в обнимку плачут. Затем я начинаю размышлять о том, что в тот же день, когда русские кинематографисты вернутся на Землю, с мыса Канаверал во Флориде к Юпитеру будет запущен косми-

ческий аппарат «Люси», которому предстоит бороздить межзвездные дали двенадцать лет и покрыть расстояние в шесть миллиардов километров, чтобы исследовать восемь троянских астероидов, которые проносятся вокруг Солнца вместе с газовыми планетами, обгоняя Юпитер или слегка отставая от него. «Люси» назвали так в честь самого древнего ископаемого человека, которому вроде как три с лишним миллиона лет, и для меня как лингвиста вполне естественно полагать, что когда я оставлю позади шесть миллиардов километров и буду созерцать третью планету от Солнца — бледно-голубую точку размером с игольное ушко в черноте космоса, то подумаю, что все люди на Земле связаны друг с другом благодаря общей праматери, жившей в Африке и, вероятно, говорившей на каком-то палатальном языке.

Якобсдоттир

Так повелось, что симпозиумы по исчезающим малым языкам проводятся в захолустных деревнях вдали от проторенных маршрутов, зачастую где-нибудь в лесу или высоко в горах (на языке вертятся такие выражения, как «на отшибе» или «у черта на рогах», — это сильнее меня), что для лингвиста, живущего на острове к северу от Полярного круга, обычно означает два перелета, а потом, возможно, и три пересадки с поезда на поезд. Мне даже как-то случилось проехать последний отрезок пути на автобусе, а еще помню один симпозиум, на который я шла пешком из одной горной деревни в другую, таща на спине рюкзак, в котором лежал ноутбук, где в PowerPoint был сохранен доклад на тему: «Каким должно быть минимальное количество носителей языка, чтобы имело смысл его сохранять? И какой ценой?» (один из тех предметов, что обсуждается на всяком симпозиуме без того, чтобы прийти к каким-либо выводам). Еще одна традиция заключается в том, что в месте, где проводится симпозиум, почти нет жителей, за

исключением двух-трех стариков, говорящих на практически вымершем диалекте (на конференциях мы также вели дискуссии без конца и края о том, включать ли исчезающие диалекты в ту же категорию, что и исчезающие национальные языки).

Деревня, в которой проводится симпозиум, находится в горах, на приличной верхотуре, и женщина, что по поручению организаторов встречает меня на вокзале, держит листок, на котором от руки написано «Якобсдоттир». На женщине необычайно большие солнечные очки. Она здоровается и сообщает, что до места нам добираться полчаса на машине. Я сажусь впереди, и дорога петляет и извивается через лес, становясь все более крутой. Мне в голову приходит глагол «нарезáть». Моя сопровождающая объясняет, что лес, вообще-то, простирается по обе стороны границы, которую за последние сто лет не раз переносили, так что деревни по соседству не всегда принадлежали одному и тому же государству. Женщина, которая то и дело убирает руки с руля, дабы на что-то указать и сделать свои объяснения нагляднее, добавляет, что в последнее время в этой местности возникло определенное напряжение, но не между жителями, которые говорят

на одном диалекте и имеют родственников и друзей по обе стороны границы, а из-за терок между властями. Я не могу не заметить в лесу обширные участки опаленной земли и почерневшие пеньки, о чем сообщаю моей попутчице; та подтверждает, что лес понес серьезный ущерб в результате пожаров, полыхавших прошлым летом из-за аномальной жары в сочетании с сильной засухой.

— Огонь распространился с ужасающей скоростью, и мы ничего не смогли предпринять, — говорит она, сбрасывает скорость и опускает окно, чтобы я смогла обозреть следы разрушений и почувствовать запах горелой древесины. Еще она рассказывает мне, как жители деревень по обе стороны границы объединили усилия, чтобы спасти самый старый дуб в лесу, обмотав его ствол противопожарной пленкой.

— Говорят, что ему четыреста лет, — поясняет она, и я слежу за ее рукой, указывающей в глубь выгоревшего леса, где высится «могучий старец».

Когда мы въезжаем в деревню, бросается в глаза, что некоторые дома на ее краю тоже пострадали от огня, и сопровождающая рассказывает мне, что есть намерение обезлесить территорию,

прилегающую к деревне, поскольку пожары, судя по всему, повторятся и в следующем году. Трудно сказать, таится ли какая-то жизнь за закрытыми дверями и запертыми оконными створками. Женщина, которой приходится проявлять недюжинную сноровку, ведя машину по узеньким улочкам, объясняет, что начальная школа и большая часть магазинов, за исключением продовольственного, уже не первый год как закрылись.

Мужчина за стойкой ресепшен протягивает мне ключ от номера и сообщает, что пансион открылся специально для участников симпозиума и что отопление в номерах включили накануне.

— Добро пожаловать. Ваш номер — семь.

Не считая узкого круга лингвистов, которые являются либо представителями исчезающих языков, либо специалистами по вымершим языкам, на симпозиумах крайне мало участников из местных. Обычно я отношусь к самому молодому крылу, но за время пандемии некоторые из наиболее пожилых ученых отошли отдел (два известных лингвиста скончались: один — специалист в области сравнительной грамматики, второй — в области морфологии и анализа речи), так что группа несколько обновилась. Самые

изолированные языковые регионы своих представителей не присылают, но среди участников симпозиума постоянно возникает некоторая напряженность вокруг того, кто прибыл из самого малонаселенного языкового региона. Когда у моего коллеги из Университета Фарерских островов не получается приехать (что в данном случае не так), со всей вероятностью это именно я. Но если учитывать официальные языки ста девяноста трех государств, входящих в ООН, то я говорю на национальном языке, на котором говорит наименьшее число людей в мире.

Солдаты и врачи рождаются каждый день, но не поэты и не лингвисты, — слышу я слова одного из организаторов симпозиума, которые она произносит в приветственной речи во время приема в лобби пансиона. На фуршете предлагаются напитки и закуски, включая местные деликатесы, среди которых копченая и вареная свиная лопатка (народных танцев нам на этот раз не показывают, хотя раньше такое случалось). Не совсем справедливо утверждать, что специалисты в узких областях языкознания асоциальны и испытывают трудности в отношениях с окружающими, если только они не в стельку пьяны (как однажды заявил один из моих университетских

коллег), однако на коктейльных вечеринках люди общаются в основном с теми, кто принадлежит к их же языковой семье. А это значит, что моим собеседником оказывается фарерский лингвист. Фарерцы не говорят television и helikopter[4], как датчане, а идут по тому же пути, что исландцы, создавая собственные неологизмы, и используют tyrla и sjónvarp[5]. Поскольку представитель Гренландии говорит на полисинтетическом языке, а не на флективном, к нашей языковой семье он не принадлежит. Несмотря на то что я понимаю по-фарерски лишь каждое третье слово, нам, островитянам, все же удается подискутировать о причинах почти полного выхода из употребления сослагательного наклонения в фарерском языке, что как раз является темой доклада моего соседа по бурному морю на завтрашнем заседании.

---

[4] Примечания: 4
Телевидение… вертолет (*дат.*).

[5] Примечания: 5
Вертолет… телевидение (*фар.*).

Мое осознание корневых систем и любви

Выложенный плиткой пол в номере семь ледяной, но постельное белье чистое и идеально выглаженное, и, улегшись в постель по окончании первого дня симпозиума, я умозрительно возвращаюсь к поездке через выжженный лес. Это навевает мысли о том, насколько тесно связан духовный мир поэтов, родившихся в землях, где деревьям четыреста лет, с прогулками по лесным тропинкам. В отличие от исландских поэтов, которые сочиняют стихи о дриадах, время от времени об иван-чае, что расцветает посреди черных песков, или о вереске, ползущем наравне с землей и вспыхивающем всеми оттенками осени, переводные авторы (и это я говорю как литературный редактор рукописей, который сотрудничает с двумя издательствами) прислушиваются к шелесту в кронах деревьев, что тянутся на десятки метров к небесам, в тени густых кущей созерцают блики света, танцующие в листве, или останавливаются на затененных прогалинах и вслушиваются в шорох прозрачных

листьев, пишут о ветвях, что *вьются* косами, и о небе, что стекает по древесным венам до самого дерна, а потом сбиваются с пути в темной чаще. Если я думаю о Лорке, любимом поэте моей мамы, то картину дополняют апельсиновые деревья и цитрусовые. Она репетировала роль Аделы, младшей дочери Бернарды в «Доме Бернарды Альбы», когда познакомилась с папой, и тридцать лет спустя, когда пьесу вновь поставили на сцене Национального театра, сыграла в ней саму Бернарду.

Отсюда и мое имя. От испанского поэта.

— Я согласился на Альбу, но не на Бернарду, — то и дело ударяется в воспоминания папа, а я отвечаю, мол, помню-помню, папа, ты уже об этом рассказывал.

Если подумать, мимо моего внимания не прошел тот факт, что деревьев резко стало больше в рукописях, которые я правила в последнее время, что наверняка можно посчитать любопытной склонностью у писателей, выросших на острове, практически лишенном деревьев. А если еще поразмышлять, обнаруживается, что именно та часть дерева, что находится под землей, то есть корни и корневые системы или даже переплетение корневых систем, и является определяющей

темой у молодых авторов (настолько, что можно даже говорить о смене поколений). Мне приходит на ум рукопись «Моего осознания корневых систем и любви» — первого романа молодого писателя, которого признали многообещающим за его сборник рассказов «Ключ от комода Коперника» (в комментарии я указала на то, что Коперник родился в пятнадцатом веке, в то время как первый комод был изготовлен только в конце семнадцатого, однако издатель сказал, что это неважно). Речь в романе шла о лесе, который рос на границе между двумя странами, и о корнях деревьев, которые расползались по обе стороны и *говорили* между собой, посылая друг другу электрические импульсы. Во время чтения во мне поднял голову языковед, и я задалась вопросом, говорили ли разные виды деревьев на разных *языках*, и если да, требовался ли им переводчик, который передавал бы сообщения от одного другому. В этой связи мне в голову приходит и интервью одного орнитолога; оно привлекло мое внимание, поскольку специалист утверждал, что птицы щебечут с разными *акцентами* в зависимости от того, в каких краях обитают. Дома на рабочем столе у меня также лежит черновик романа (правда, никак не могу дочитать его)

об одном ученом, который борется с большими проблемами в личной жизни и одновременно работает над картой-схемой сложной грибной сети, что простирается на много километров под землей. Книга так и называется — «Сеть», и, как объясняет писатель, связанные с корнями растений и деревьев грибы всасывают углерод и выделяют питательные вещества, что делает их чрезвычайно важными для окружающей среды. В романе грибы переживают трудные времена из-за загрязнения и нехватки воды. *Каждому дереву необходимо найти свой гриб* — это предложение из рукописи засело у меня в голове вместе с названием главы «Будущее — под землей». *Все происходит под землей, а мы об этом ничего не знаем* — такие слова произносит мать главного героя в той главе.

В дверь стучат, и я подозреваю, что это прибывший на симпозиум новичок, специалист в области фонологии туземных языков. Он одного возраста со мной и по собственной инициативе угостил меня парой бокальчиков на приеме в лобби. Я также заметила, что он взял меня на мушку, пока читал свой доклад, а я сидела в первом ряду полупустого зала. Улыбнувшись мне, он сказал: *сегодня кто-то говорит на каком-то*

языке, что любит или хочет есть, а завтра на нем уже никто не говорит.

Каждую пятницу умирает один язык

Особый упор делается на то, чтобы каждый участник читал свой доклад на своем же языке малых народов: мол, пусть языки звучат вслух, даже если мы друг друга не понимаем. Насколько мне известно, изначально, еще до того, как я начала посещать симпозиумы, приглашали переводчиков, которые переводили выступления на языки участников, однако это выходило слишком накладно и проблематично с точки зрения организации. Теперь же доклады представляют на английском и выводят на экран в конференц-зале (который, по сути, является рестораном пансиона), а еще их печатают в материалах симпозиума в двуязычной редакции. Поскольку английский считается одной из главнейших угроз для малых языков, перевод на него выступлений вызвал раздражение у многих особо непримиримых коллег.

Во второй день симпозиума был прочитан доклад на тему: «Что такое язык и что такое диалект?», по окончании которого состоялась

дискуссия о том, следует ли диалекты относить к категории малых языков или их надо рассматривать наравне с официальными языками. Затем наступила очередь доклада об одном из туземных языков Амазонии, находящемся на грани исчезновения из-за вырубки лесов, а потом было заслушано еще одно выступление, на этот раз о корнском языке, на котором до момента его исчезновения в восемнадцатом веке говорили в Корнуолле, после чего была предпринята попытка его возрождения в двадцатом веке, приведшая к тому, что интерес к нему постоянно растет. Напоследок специалист в области контекстной лингвистики выступил с докладом о ругательствах в валлийском языке. Ну и уже в самом конце слово взял эксперт по историческому синтаксису, проиллюстрировавший позицию глаголов в структуре предложения в бретонском языке семнадцатого века.

В завершение каждого симпозиума мы принимаем резолюцию в форме обращения к ЮНЕСКО, занимающейся вопросами языков при ООН. Резолюция составляется примерно в схожих формулировках, что и на прошлом симпозиуме, за исключением того, что мы пополняем новейшими данными список ООН, где приводятся языки,

которым грозит исчезновение. В резолюции указывается, что количество языков, на которых говорят в мире, варьируется от шести тысяч пятисот до семи тысяч ста, в зависимости от того, как их классифицировать (мы не достигли согласия относительно критерия подсчета диалектов: если применять самые узко-избирательные стандарты, то к диалектам следовало бы причислить норвежский и датский языки), и упоминается о том, что каждую неделю в мире вымирает один язык (кто-то говорит, что каждые полмесяца). «Каждую пятницу умирает один язык» — именно так была озаглавлена речь, прозвучавшая на открытии симпозиума; в ней подчеркивалось, что, пока мы дискутируем об исчезающих языках, в тот же самый момент какой-то из них уже на ладан дышит. Завершающее предложение резолюции то же, что и на предыдущем симпозиуме: «Если все продолжит развиваться в подобном ключе, вполне вероятно, что девяносто процентов языков вымрет к концу следующего века».

Отредактировав резолюцию, мы решаем, где проводить очередной симпозиум, и приступаем к его организации и привлечению финансирования. Пока у нас не возникало проблем с доступом к международным фондам, и мы могли

оплачивать транспортные расходы, размещение, суточные и перевод докладов на английский.

Дождь со снегом: мокрый снег или моросящий дождь и холодный ветер…

Приземлившись, я включаю телефон и вижу, что папа звонил пять раз. На календаре шестнадцатое ноября — День исландского языка и *дождя со снегом*. Словосочетание мне это очень по душе, а вот сочетание этих погодных явлений — нет: струи белесого дождя бьют со всех сторон и, пока я ищу свою машину на парковке аэропорта, по волосам стекают мне за шиворот. Замок на дверце обледенел, и мне требуется некоторое время, чтобы вставить ключ и повернуть его, а когда это наконец удается, я не могу найти в машине скребок, чтобы очистить стекла от ледяной корки. Я смахиваю основную массу снега с лобового стекла рукавом пальто и замечаю, что пора менять резину на дворниках. Выезжая с парковки задним ходом, звоню папе и включаю громкую связь. Первым делом он интересуется, как прошел полет, и я отвечаю, что, исключая турбулентность, возникшую, когда мы пролетали над Фарерами, и порывы ветра, сотрясавшие

самолет во время посадки, он прошел хорошо. Потом папа спрашивает, летел ли вместе со мной кто-нибудь из знакомых, и я докладываю, что на борту была премьер-министр; ну да, замечает папа, в новостях упоминали, что она летала на заседание Арктического совета.

— А еще знакомые были?

— Управляющий Банком Исландии сидел прямо за премьер-министром, — говорю я.

— А он опять повысил ключевую процентную ставку, — замечает папа.

Тут я припоминаю, что не так давно читала рукопись одного детектива, присланную в издательство под псевдонимом Долли, за которым, как мне поведали, скрывался управляющий Банком Исландии.

Каждый год я читаю около тридцати рукописей детективов, что приходят в два издательства, с которыми я сотрудничаю, и поражаюсь количеству чиновников и политиков, стремящихся реализовать свои литературные амбиции в этом жанре. В прошлом году вышел роман министра сельского хозяйства, чей бессвязный сюжет вращался вокруг двух убийств, к обоим из которых имели отношение оппозиционные депутаты. Читатель с самого начала знал, кто убийца, повествование

изобиловало уликами, а в конце виновного убили и читатель остался с ощущением недосказанности. Теперь сиквел этого опуса дожидается моей правки в домашнем компьютере. Похоже, на детективную ниву выходят многие литераторы. Мне хватает опыта, чтобы распознать их по тому, как чрезмерно сложно сконструированы у них персонажи — настолько, что читатель теряет интерес непосредственно к сюжетной линии. Развязка у таких авторов получается довольно скверной: они пускаются в размышления о природе преступления, о понятии вины и даже о душевных терзаниях. Книжки зачастую получают неплохие отклики, но в списки бестселлеров не попадают.

— А еще кого-нибудь в самолете ты узнала?

Я задумываюсь.

— Сборная по плаванию возвращалась с Игр малых государств Европы.

Спортсмены в своей официальной форме расположились в самом хвосте самолета, где мирно и посапывали.

— Мы выиграли золото в плавании на спине, — говорит папа, — это тоже в новостях сообщили.

Я посильнее включаю обогреватель.

Передо мной сидел средних лет мужчина с

подростком, который в течение всего полета не снимал с головы шапку. Выйдя из самолета, они, как я заметила, стали оглядываться по сторонам, будто кого-то искали. Я увидела, как они обратились к работнику аэропорта, а потом появились двое полицейских, которые отвели их в сторону. Однако папе я о беженцах не рассказываю.

— А еще в самолете была муха.

— Да?

Мы уже заходили на посадку, когда мужчина, что сидел в моем ряду через проход, отстегнул ремень безопасности и вскочил с места, размахивая в воздухе рукой. В тот же момент я увидела муху, которая присела на спинку кресла передо мной, сложила крылышки и замерла. На борту возникло некоторое возбуждение, и я увидела, как пассажиры заерзали на своих сиденьях, а кто-то даже повысил голос. Мгновение спустя по проходу пронеслась стюардесса, потрясая в воздухе свернутым в трубочку рекламным проспектом бутика «Сага», и прихлопнула муху. Я проследила за тем, как она наклоняется в своей обтягивающей юбке, двумя пальчиками поднимает с пола насекомое, точно какую-то черную песчинку, и исчезает в глубине салона.

Папа находит примечательным тот факт,

что мухе удалось проникнуть на борт «Лаутрабьярг»[6] (о названии самолета он уже успел у меня осведомиться), и теперь выясняет, что это был за вид. Я отвечаю, что, по-моему, простая домашняя муха.

— Получается, на борту самолета оказался безбилетник, — замечает папа.

Также сообщаю ему, что стюардесса, прикончившая муху, раньше работала с моей сестрой Бетти в неврологии, до того как та перешла на станцию переливания крови. Сестра в системе здравоохранения где только не поработала, а одно время занималась уходом за онкобольными на дому. Периодически она напоминает мне о сдаче крови. У меня четвертая отрицательная группа, что, по словам сестры, замечательно, поскольку такая кровь редкая и раздобыть ее сложнее, чем кровь других групп.

Папа полагает, что понимает, о ком я говорю, и спрашивает, не подрабатывает ли она еще и в стендапе по выходным.

— Да-да, — подтверждаю я. — Это она и есть.

Краем уха слушаю папин рассказ, как он встретился с Хлинюром сегодня утром в джакузи с

---

[6] Примечания: 6

Лаутрабьярг — полуостров в Исландии, самая западная точка Европы, не считая Азорских островов.

термальной водой, а потом они попили у того кофейку и сразились в шахматы.

— Да, но вы ведь каждый день видитесь? — спрашиваю я.

Хлинюр — папин сосед, что живет этажом выше в его доме в районе Квассалейти. Бывший капитан корабля и тоже вдовец, как и папа. Каждое утро они встречаются в бассейне «Сюндхетль», и, если верить папе, Хлинюр нежится в джакузи, в то время как он сам проплывает двухсотметровку. Папа не раз отмечал, что у Хлинюра и у него дочери медсестры, которые о них беспокоятся. И если с его здоровьем порядок, то Хлинюр, будучи на десять лет старше, перенес операцию стентирования, а еще страдает от лишнего веса. По этой причине дочь Хлинюра волнуется за него больше, чем Бетти за папу. Она работает в урологическом отделении, и папа говорит, что благодарен за то, что, в отличие от Хлинюра, его миновала чаша отвечать на расспросы своей дочери о том, *не прерывистое ли у него мочеиспускание*. Распрощавшись с морскими далями, Хлинюр посвятил себя садоводству, и в частности лесонасаждению, к которому он питает самый живой интерес, будучи казначеем Ассоциации лесоводства Рейкьявика. По папиным словам, его

друг первый человек в Исландии, кого окрестили Хлинюром[7].

— В честь дерева, — поясняет папа. — Первым Хлинюром был именно он.

Сейчас это имя на шестьдесят втором месте среди популярных мужских имен, а всего в стране шестьсот четыре Хлинюра, уточняет мой папа-бухгалтер.

Цифры — это папина вотчина. Завидев на улице машину со знакомым номером, он тут же вспоминает ИНН ее владельца, а также его номер телефона и различные числа из декларации о доходах, заполнение которой папа взял на себя. Он недавно вышел на пенсию, но по-прежнему занимается декларациями о доходах своих друзей, которые десятки лет были его клиентами. Среди них и Хлинюр.

Когда я сворачиваю на Ойдарстрайти, мне вдруг вспоминается сон, что я видела, задремав в парящем над океаном самолете, и я рассказываю о нем папе:

— Мне снилось, будто я лечу прямо у земли, над какой-то каменистой пустошью, где нет ни деревца, и в полете оглядываю окрестности и

---

[7] Примечания: 7

Хлинюр (*hlynur*) в переводе с исландского означает «клен».

размышляю, не стоит ли мне там поселиться и попытаться что нибудь посадить. Потом мне неожиданно почудилось, что я стою посреди картофельного поля в маминых сапогах и вскапываю землю. Мне показалось, будто у меня в руке картофельный стебель, я им потряхиваю, и на землю падают белые, как снег, картофелины. Потом я наклонилась, чтобы собрать их и сложить в красное пластмассовое ведро. Тогда я заметила, что одна картофелина крупнее других и формой напоминает сердце. Тут вдруг возле меня появилась мама, и я спросила у нее, не опасно ли, по ее мнению, есть картошку в форме сердца. Она посчитала, что опасности нет.

Я также даю папе понять, что это не единственный сон из тех, что мне довелось увидеть в полете за последнее время.

На несколько мгновений повисает тишина, и я думаю, не прервалась ли связь.

— Твоя мама тоже видела сны. Ей снились те роли, что она получит. Как-то ей приснились белки и ее брат Торвальдюр, который украшал елку, и она уверилась, что грядет постановка «Кукольного дома», где она сыграет Нору. В другой раз ей снилось, что она ходит во сне, а уже через несколько месяцев она репетировала роль

леди Макбет. Когда же ей приснилось, будто я ей изменяю, в уме всплыло сразу несколько пьес, однако сон оказался предвестником того, что театр поставит «Медею».

Попрощавшись с папой, я вспоминаю, что где-то прочитала, мол, будто, когда человек вымрет, его переживет домашняя муха. Вернее, домашняя муха и таракан, если мне память не изменяет.

Прекрасная страна

Я дочитала лекцию по исторической лингвистике и выходила из университетской аудитории, когда позвонила ответственный редактор из издательства, с которым я сотрудничаю, и поинтересовалась, прочитала ли я рукопись, которую она прислала мне две недели назад. Она тогда связалась со мной и сказала, что пришлет рукопись книги стихов, которая, по ее мнению, меня заинтересует, добавив, что это первая проба пера автора. В тот же день я обнаружила распечатку в своем почтовом ящике на Ойдарстрайти. «Мы хотели бы дать тебе возможность прочесть рукопись, прежде чем книга выйдет», — пояснила редактор, и эта формулировка — «дать тебе возможность» — показалась мне любопытной. Она дважды повторила, что рукопись меня заинтересует.

— Нас она весьма впечатлила, — сообщила редактор. — Необычно, что молодой автор — мужчина — рассказывает о любовных переживаниях так непосредственно и откровенно.

Потом она добавила на полтона ниже:

— Там бурлят чувства.

И вот теперь Тюра звонит вновь, чтобы выяснить, прочитала ли я текст.

Я ставлю ее в известность, что внесла кое-какие исправления.

— Исправления?

— Да, по ходу.

— Нам не нужна от тебя вычитка текста, хотелось бы узнать лишь твое мнение.

Я собираюсь сказать ей, что неделя выдалась в университете насыщенной, мол, на носу сессия и меня ждет целая стопка работ на проверку. Но вместо этого напоминаю Тюре, что как раз сейчас читаю другую рукопись, полученную из их издательства, которая, по ее же словам, в приоритете, — роман молодой писательницы «Расстояние между мной и Плутоном». Неожиданно выясняется, что это не так и срочно.

Кашлянув, она спрашивает:

— Ты вроде знакома с Мани Имиром? Он ведь твой бывший студент?

— Да, верно.

Я могла бы добавить, что у меня на курсе учились и другие начинающие поэты.

— Произведение называется «Опасные игры». В качестве подзаголовка, по мысли автора, подхо-

дит «Любовная лирика».

Она колеблется.

— Есть, правда, и другие варианты названия.

— Вот как?

— Например, «Прекрасная страна». На самом деле это было бы аллюзией к поэтическому «я» автора, который сравнивает тело своей возлюбленной с прекрасной страной…

— В общем, я пока не дочитала рукопись.

— Это начальное стихотворение, — доносится из трубки.

«Расстояние между мной и Плутоном»

Вернувшись домой, я завариваю себе чай и ем сэндвич, что купила в минимаркете по дороге. Потом принимаюсь за вычитку романа «Расстояние между мной и Плутоном» с того места, на котором остановилась. Сюжет разворачивается вокруг звезды соцсетей, которая приходит в себя после разрыва романтических отношений и тусуется в ночном клубе «Плутон» в самом сердце Рейкьявика, где встречается со своими подругами. Хотя Плутон в названии не является прямой отсылкой к планете, я невольно обращаю внимание на то, как часто фигурируют космос и небесные тела в рукописях, что я прочитала за последнее время. Припоминаю сразу новость, на которую натолкнулась в Сети пару дней назад: в Международном астрономическом союзе вроде как решили, что Плутон больше не подпадает строго под категорию планет, и объявили его карликовой планетой. В то же время ученые полагают возможным, что на самом краю Солнечной системы по орбите вращается девятое

астральное тело, хотя в телескоп его еще не видно. Получается, оно приходит на смену Плутону, и считается, что для полного оборота вокруг Солнца ему требуется семь тысяч четыреста лет.

Вообще-то, редактор упоминала, что писательница подумывает над тем, чтобы заменить ночной клуб «Плутон» на караоке «Нептун», так что роман, возможно, будет называться «Расстояние между мной и Нептуном».

а: в детской речи выражает привязанность

Папа не принимает возражений и настаивает, чтобы я осталась на ужин, когда я заезжаю к нему по пути домой с собрания Исландской языковой комиссии, на котором мы определились с возможной программой Международного дня родного языка. Папа говорит, что пожарит камбалы, повязывает фартук и отмахивается от моего предложения ему помочь, поэтому я устраиваюсь на табурете и болтаю с ним, пока он готовит.

У мамы получались простые блюда (один раз она попыталась приготовить омлет по-испански, что оказалось громким провалом), но ей не нравилось стоять у плиты. На моей памяти у плиты колдовал всегда папа. Он же будил нас с сестрой по утрам и намазывал маслом бутерброды, которые я брала с собой в школу. А вот актриса возвращалась из театра поздно вечером и спала чуть ли не до полудня.

— Когда тебе было восемь лет, ты попросила в подарок на день рождения словарь, и я купил тебе толковый словарь исландского языка. Ты

даже брала его с собой в постель, — говорит папа, чистя картошку. — Ты проштудировала его от корки до корки: читала вслух каждое слово, произносила по буквам толкования и переходила на следующую страницу. Я слушал, как ты читаешь: *a: в детской речи выражает привязанность*, и смотрел, как ты переворачиваешь страницы. Со времен магистратуры в Дрездене у меня остался немецко-исландский словарь, к которому ты тоже проявляла интерес и изучала его тем же образом: начинала с самой первой страницы и читала слова по слогам: *abarbeiten, Abart, abblocken*[8].

Он ставит на стол салатницу с картошкой, садится напротив меня и придвигает ко мне тарелку с камбалой.

— Твоей маме иногда было трудно заснуть после спектакля, и она выходила прогуляться ночью, — говорит он, немного поев в тишине. — Вернувшись, она ложилась в постель и поворачивалась ко мне спиной.

Я понимаю, в каком направлении пойдет разговор.

— Она бросала меня дважды: увлекалась свои-

---

[8] Примечания: 8
Обрабатывать, разновидность, блокировать (*нем.*).

ми партнерами по сцене.

— Я знаю, папа. Мы об этом уже говорили.

— И в обоих случаях она вернулась.

Он делает глоток воды.

— Когда она уходила, я говорил: «Стелла, не хлопай дверью — девочек разбудишь».

Я киваю, встаю, убираю тарелки со стола и кладу их в посудомоечную машину. Пока готовлю кофе, папа рассказывает, что заходила Бетти и интересовалась, есть ли новости из Исследовательского центра малых языков, куда я подавала заявку на один проект.

Бетти Бринья О'Доннелл, папина падчерица и моя единоутробная сестра, на десять лет меня старше, она дочь моей мамы и шотландского актера ирландского происхождения, с которым мама познакомилась, когда играла эпизодическую роль — ирландскую невольницу — в фильме о викингах, который снимали на Шотландском высокогорье и поблизости от Данглоу в Ирландии. Критики разнесли картину в пух и прах, и после премьеры о ней больше никто не упоминал, как и об отце девочки, который некоторое время спустя переквалифицировался в агента по недвижимости и не поддерживал контактов с дочерью, пока та не достигла подросткового

возраста. Однако в исландской прессе о съемках фильма писали много, поскольку это была первая лента, где исландская актриса играла за рубежом. «Голливуд за углом» — так было озаглавлено интервью Стеллы Бьяркан, которое хранилось в мамином альбоме с вырезками. За плечами папиной падчерицы два долгих сожительства, и у нее есть взрослый сын, Якоб Лиам, который изучает инженерное дело в магистратуре в Ставангере. Она называет папу папой, а своего биологического отца — Лиамом.

Я ввожу папу в курс дела, мол, сформирована специальная комиссия, которая рассматривает все заявки, но ответа пока нет. Ясность должна наступить в ближайшие недели, уточняю я.

— Значит, твоя заявка на стадии рассмотрения?

— Да, ее рассматривают.

— Я сказал Хлинюру, что место должна получить ты, поскольку это твоя сфера научных интересов и твоя кандидатура самая подходящая.

Когда я встаю и собираюсь распрощаться, папа вдруг вспоминает об одной вещи, по поводу которой его сосед сверху просил обратиться ко мне.

— Хлинюр спрашивает, не могла бы ты про-

бежать глазами статью, которую он планирует опубликовать в журнале Ассоциации лесоводства. И тебе от него большой привет, — добавляет папа.

Не так давно я правила статью Хлинюра о свободном выпасе овец, которая вышла в «Моргюнбладид»[9]. Заметка, появившаяся под заголовком «Об ущербе свободного выпаса овец лесонасаждениям», по сути, была посвящена кампании Хлинюра против овец, которые бродят «по горам, как дикие звери» — именно так он и выразился — и поедают не только уязвимую высокогорную флору, но и грызут верхушки только что высаженных деревец.

— О чем статья?

— О клене.

— О клене?

Интерес папиного соседа к лесонасаждению проснулся только после того, как он распрощался с мореходством, а по-настоящему глубоким стал после того, как Хлинюр овдовел. К тому же его жена была страстным садоводом и часы напролет проводила в саду возле дома в Квассалейти. Прежде вклад Хлинюра и папы в основном сводился к

---

[9] Примечания: 9

Исландская газета, выходит ежедневно, кроме воскресенья.

тому, что летом они время от времени по очереди косили в саду траву. Я слышала различные версии истории о клене, который капитан корабля посадил посреди сада пятнадцать лет назад, когда в последний раз сошел на сушу. Согласно одной из интерпретаций, во время дружеской попойки в Норвегии команда корабля раздобыла веточку acer pseudoplatanus[10] и шутки ради вручила ее Хлинюру в качестве прощального сувенира. В другом варианте этой истории упоминаются семена шотландского клена, которые Хлинюр сам приобрел в Эдинбурге.

— Во всяком случае, речь идет о континентальном клене, — сказал как-то папа.

Два приятеля внимательно наблюдали за ростом дерева, периодически измеряя его высоту, и в семидесятый день рождения папы прошлым летом Хлинюр сообщил мне, что клен вырос до ста сорока двух сантиметров.

Папа говорит, что распечатка статьи лежит на столике в гостиной, и не мешкая идет за ней.

— Длинная статья? А то у меня еще несколько рукописей до конца не вычитано, а в издательстве торопят, — замечаю я.

---

[10] Примечания: 10
Клен белый (*лат.*).

— То же самое я и Хлинюру говорил: ты человек занятой. Но он сказал, что до следующей недели терпит.

Хлинюр заразил своим интересом к лесонасаждениям и папу, который вместе с другом принял участие в нескольких собраниях Ассоциации лесоводства Рейкьявика. Он даже ни с того ни с сего стал высказываться в плане того, что *у Земли два легких: тропические леса Амазонки и хвойные леса Сибири — именно там вырабатывается больше всего кислорода на планете*. А еще, бывает, он мне звонит, болтает о всякой всячине, а потом вдруг заявляет: *если каждый человек на куске земли своей сделал бы все, что он может, как прекрасна была бы земля наша!* (Я вроде где-то читала, что это Горький, по памяти цитирующий Чехова.)

По своему обыкновению, папа провожает меня до порога и, когда я уже спускаюсь до середины лестницы, спрашивает:

— Ты подала декларацию о доходах?

По пути домой я задаюсь вопросом, сколько деревьев мне пришлось бы посадить, чтобы снизить вредное воздействие выбросов углекислого газа всех тех самолетов, которыми я летала за последний год. Если память мне не изменяет,

речь идет о трехстах пятидесяти деревьях на каждый межконтинентальный перелет. Я приняла участие в двух симпозиумах по малым языкам, а также в двух совещаниях за границей в качестве представителя комиссии ЮНЕСКО о срочных мерах по сохранению и возрождению исчезающих языков. Таким образом, с учетом стыковочных рейсов, перелетов туда и обратно получается шестнадцать полетов.

Я подсчитываю в уме.

Выходит пять тысяч шестьсот деревьев.

Околица: небольшое отклонение от пути, крюк

Когда я просматривала газету объявлений о недвижимости, две орфографические ошибки и два не совсем обычных оборота привлекли мое внимание в объявлении о продаже земельного угодья с *ý**v**erustað* (вместо *í**v**erustað*), «жилищем», требующим *значительного ремонта.* В объявлении говорилось, что площадь угодья составляет двадцать два гектара и он предоставляет *mögule**y**ka* (вместо *mögule**i**ka*), «возможности», *fyrir rétta manneskju,* «для достойного человека». Прочесть объявление дважды меня заставили не только орфографические ошибки, но и выбор двух слов, с которыми я никогда раньше не сталкивалась в рекламе недвижимости: «жилище» вместо «жилой дом» или «дача» и «достойный человек» вместо «заинтересованный покупатель».

(Мне нравится слово *manneskja*, «человек», которое происходит не из датского, как кое-кто полагает, а является древнесаксонским заимствованием — *mennisco*, образованным от прилагательного *mennisc*, что, по сути, равнозначно

исландскому *mennskur* — «человеческий».)

Также я заметила, что речь идет не о *больших* возможностях, открывающихся с приобретением земельного угодья, как это обычно формулируется, а просто о возможностях. Я позвонила по номеру, указанному в объявлении, и, поскольку во второй половине дня в пятницу лекций у меня не было, в полном одиночестве поехала на своем «пежо» по асфальтированной горной дороге на встречу с риелтором.

Снега на дороге почти нет, температура воздуха — восемь градусов. Я включаю радио и слушаю дневной выпуск новостей, в котором информируют, что в Австралии температура поднялась до пятидесяти градусов. Сообщается также, что сегодня Международный день переписи птиц, в связи с чем в эфир выдают интервью с орнитологом, который рассказывает, что из-за климатических изменений все меньше перелетных птиц мигрируют на зиму в теплые страны, превращаясь в неперелетных. *Поэтому количество видов пернатых, которые зимуют здесь, постоянно увеличивается*, говорит он. Я переключаю канал и слушаю группу Eagles, исполняющую «Отель „Калифорния“»: *On a dark desert highway, cool wind in my hair.*

Я прибавляю звук.

And I was thinking to myself

«This could be Heaven or this could be Hell»…

Such a lovely place.

Риелтор сказал, что вдоль угодья (вообще-то, он употребил слово «участок») тянется длинная второстепенная дорога и что на последнем отрезке сориентироваться трудно, поэтому мы договорились встретиться на заправке, при которой имеется также магазинчик, на перекрестке прямо перед выездом с шоссе. Кстати, говоря о дороге, риелтор назвал ее околицей — довольно редким по нынешним временам словом, поэтому можно предположить, что человек он уже пожилой. Он спросил, какая у меня машина, и я ответила, что «пежо». И тут же уточнил, на летней я резине или на зимней, и я сказала, что на зимней, но не шипованной. Он заметил, что, мол, не страшно, поскольку этой зимой снега не было. Еще он поинтересовался, одна ли я буду, и я подтвердила.

Включив поворотник, въезжаю на заправку; риелтор стоит возле синего «лендкрузера» и ест хот-дог. Он подает мне знак рукой, запихивает в рот остаток еды, торопливо озирается в поисках

урны для мусора, чтобы выбросить в нее салфетку, проворно забирается в джип и трогается с места.

Через некоторое время мы сворачиваем с шоссе, пересекаем луг и едем по той самой окольной грунтовой дороге, которая разветвляется и в одну сторону уходит к ферме. Мы продолжаем двигаться по разбитой колее, где двум машинам не разъехаться, и вскоре оказываемся на пустоши, почти начисто лишенной растительности, зато изобилующей плоскими камнями, застывшей лавой и песком. Я замечаю семенящих вдоль дороги белоснежных куропаток и сбрасываю скорость. На ум приходит слово «неприветливый», а поскольку одна ассоциация рождает другую, всплывают и «незащищенный», и «неприкрытый», «нагой». Наконец из-за пригорка появляется то самое «жилище». Вокруг дома лужайка, и, несмотря на пустынный пейзаж, трава и редкие колья ограды свидетельствуют о стремлении облагородить эту землю. А еще поблизости от дома я замечаю то, чего совсем не ожидала увидеть, — остов теплицы. Риелтор выбирается из машины с папкой под мышкой и стряхивает с брюк хлебные крошки.

— Приехали, — сообщает он. — Тут и заканчивается дорога.

Он роется в карманах в поисках ключей от дома, вставляет один из них в замок и пытается открыть дверь, но безуспешно. Повторяет те же манипуляции с другими ключами, но, видимо, он взял не ту связку, поэтому, отказавшись от дальнейших попыток, отходит на пару шагов, размышляя, как бы пробраться в дом иным способом. Одно окно разбито, и риелтор просовывает в него руку. Ему удается сдвинуть шпингалет и открыть.

— Стекло чем-то выбило, — предполагает он. — В этих местах ветер дует такой, что мама не горюй.

Риелтор окидывает меня взглядом.

— Вы постройнее меня будете, — говорит он с улыбкой.

Я пролезаю через окно и оказываюсь на выложенном плиткой полу ванной комнаты, с розовой раковиной, розовой же ванной и золотистыми кранами. Я отпираю входную дверь, и, проскользнув мимо меня, риелтор оказывается в доме.

Внизу есть гостиная с камином, из нее попадаешь в кухоньку и маленькую спальню, там же и ванная с плиточным полом, где, если верить риелтору, недавно заменили все краны. Некоторое время он перелистывает документы в папке и

докладывает, что электричество, похоже, есть, а вот ни отопления, ни воды нет. Он нажимает на выключатель, и свет зажигается.

— Нужно вызвать сантехника, чтобы он взглянул на трубы, — заключает риелтор.

Дом почти пуст, если не считать плюшевого дивана бутылочного цвета, что стоит посреди гостиной, и постера в рамке на стене спальни. Видимо, его повесили прямо над кроватью. Риелтор оказывается возле меня, и, разглядывая изображение — руку с окровавленным ножом, я ощущаю некую напряженность. Судя по надписи и дате на рисунке, это рекламный плакат Фестиваля детективной литературы, состоявшегося в Даларне (Швеция) в августе прошлого года.

Риелтор прочищает горло:

— Хозяйка угодья — Сара Софониасдоттир.

Он смотрит на меня в ожидании реакции.

— Детективщица?

— Да, сама королева детектива. Сара С. Это она продает землю.

— Она здесь жила?

— Не совсем, она унаследовала угодье. Ее брат разводит овец на соседней ферме.

Несколько лет назад я вычитывала первый роман Сары С., и мне совсем не казалось, что у нее

есть перспективы в качестве автора детективов. Но теперь, после выхода четырех романов, ее произведения переведены на десять языков, и недавно я наткнулась на газетную заметку о том, что ее последнюю книгу рекомендовали к прочтению в одном ток-шоу на шведском телевидении.

Шкафчики в кухне светло-зеленые и открываются нажатием металлической шишечки на дверце. Они пусты, если не считать запечатанной зеленой упаковки кофе «Брагакаффи» и фарфоровой сахарницы, расписанной синими цветочками, которые напоминают колокольчики. Я снимаю крышку с сахарницы — там сахар, и мне приходит в голову: *fúkki* — «плесень», смешное слово.

Когда мы завершаем обход нижнего этажа, риелтор лихо взбирается по крутой лестнице, ведущей на чердак, который он определяет как спальную зону. На чердаке вполне можно жить, и там есть большое слуховое окно, которое риелтор открывает ровно настолько, чтобы туда можно было просунуть голову. Карабкаясь по лестнице, он запыхался и некоторое время молча стоит у окна.

— Дом, может, и не в идеальном состоянии, но вид отсюда прекрасный. Да еще в такую погоду,

и особенно для человека со вкусом, — добавляет он, придерживая створку окна, чтобы и я могла посмотреть. Угодье вытянулось до ледниковой речки, которая змеится среди песков, и ее журчание эхом отдается в доме. Высунувшись в окно, я различаю серебристое поблескивание глыбы льда, которая плавает на поверхности воды. Я затворяю окно, а риелтор вновь раскрывает свою папку, напоминает мне о размерах угодья — двадцать два гектара — и обобщает все преимущества владения, которые, очевидно, сводятся к *возможностям для достойного человека*.

— Как видите, в доме требуется кое-какой ремонт, — заключает он.

Я припоминаю, что, когда ехала по окольной дороге, заметила клубы пара, что поднимались из каменистой почвы, и риелтор, полистав свои бумаги, подтверждает, что район действительно геотермальный.

— Тут написано, что землю бурили в поисках холодной воды, а нашли горячую.

Протягивая мне руку на прощание, мужчина сообщает, что сам он не особый книгочей, поэтому Сару С. не читал.

— Дислексия, — добавляет он и вроде как о чем-то размышляет.

Хотя Сара С. жила тут недолго, я предполагаю, что она пользовалась домом для того, чтобы писать здесь книги.

Риелтор глядит на меня с насмешливым выражением:

— Значит, в этом доме произошло немало убийств.

Не Сара ли в книге «Тьма полна трупов» написала о женщине, запертой в летнем доме во время пурги? Если подумать, то в текстах, прочитанных мною за последнее время, было много людей, оказавшихся взаперти, и много тьмы, полной трупов. Насколько я помню, немало страниц в рукописи Сары было посвящено описанию вьюги, там бушевала метель, из-за которой видимость была почти нулевой, стояли вой, свист, скрежет, стенания. В одной из глав героиня ехала по асфальтированной горной дороге, когда на ее машину налетел бешеный вихрь, и град посыпался и застучал, *как пули, по кузову машины*, и героине *было трудно понять, что во вселенной сверху, а что снизу, что впереди, а что позади*. Вероятно, я позволила себе выйти за рамки своей функции исправлений и вмешалась в стиль, но издательство вроде как осталось довольно изменениями.

Этимология сердца

От дома до городишка, что расположен возле устья реки, ехать полчаса, и я могу выбрать один из двух путей: либо тот же, которым добиралась сюда, через мост и по песчаной пустоши, либо дорогу у подножия горы, покороче, но более ухабистую, как мне объяснил риелтор. Я решаю поехать по проселку у подножия горы и осмотреть окрестности.

Когда я возвращаюсь по грунтовке, мне навстречу на довольно высокой скорости едет мужчина на квадроцикле. Он в пуховике, надетом поверх синего рабочего комбинезона, и в резиновых сапогах. Прямо передо мной он резко сворачивает на тропку, что ведет к соседней ферме. Шапки на голове у мужчины нет, а волосы у него такие же огненно-рыжие, как у детективщицы, — скажу больше: в лучах полуденного солнца, что исчезает за горой, они отливают оранжевым, поэтому я вполне могу предположить, что это тот самый овцевод, брат Сары С. Тут мне становится окончательно ясно, что на этой дороге двум машинам точно не разминуться, если только совсем уж не

съехать на песчаную обочину или даже не дать задний ход, чтобы пропустить другого водителя.

Вдруг, пока я еду вдоль горы, оживает мой мобильник, я включаю поворотник и перемещаюсь к краю дороги, где стоит щит, на котором написано: «Пансион „Северное сияние“». Остановив машину, достаю телефон из сумки. Это опять звонит Тюра из издательства по поводу рукописи стихов. Ранее автор принял внезапное решение все переписать, поэтому публикацию сборника отложили. Теперь рукопись вновь оказалась на моем рабочем столе. «Посмотрю ее в субботу», — пообещала я две недели назад, в прошлый разговор по телефону с редактором.

— Это вопрос жизни и смерти? — добавила тогда я.

— Не то чтобы жизни и смерти, — ответила она. — Но мне бы хотелось услышать твое мнение поскорее.

Честно говоря, я с этим несколько затянула, и вот теперь она спрашивает, как продвигается чтение, и повторяет то, что говорила во время нашей последней беседы: мол, издательство интересуется моим мнением. Я выключаю мотор и выхожу из машины. На щите стрелка, указывающая на пансион, однако похоже, что в данный

момент постояльцев там нет. Я поднимаю взгляд на склон горы, что высится над зданием, и в глаза бросаются последствия недавнего оползня.

— До того, как книга выйдет, — повторяет она. Я глубоко втягиваю в легкие воздух.

— То есть вы приняли решение публиковать?

— Да, книга выходит весной.

— Я немного запаздываю с вычиткой.

У подножия горы связь нестабильная, и голос редактора обрывается на середине предложения, но потом возвращается, и я слышу в трубке: *Алло?* Потом она сообщает, что поэт раздумывает над новым названием — «Этимология сердца», и добавляет:

— Он ничего не опускает в описании любовных отношений.

Я объясняю, что сейчас не в городе, связь плохая, но, мол, перезвоню ей. Сев в машину, завожу мотор.

— Будет лучше, если ты прочтешь это сейчас, а не когда книга уже выйдет, — слышатся в трубке слова редактора.

Рыжие полосатые котята в подарок

Центра как такового в городишке нет, но через него проходит трасса, по обеим сторонам которой стоят магазинчики. Продовольственный магазин «Катла Дис» и пекарня «Бринхильдюр» располагаются бок о бок, вблизи начальной школы. Я въезжаю в городок как раз во время перемены, и со школьного двора доносятся серебристо-звонкие детские голоса. Напротив школы — «Лавка Фьолы», магазинчик, где продаются всевозможные шоколадки и газированные напитки. Я паркуюсь у пекарни.

Вообще, это пекарня только наполовину — там есть еще отдел хозтоваров: в одном углу расположены полки со всяким рабочим инструментом и наборами винтов и шурупов. Тут же на вешалках висят спецовки. В той части, что относится к пекарне, стоят два столика и стулья — можно присесть и выпить кофе. Женщина за прилавком осведомляется, не я ли та самая лингвистка из Рейкьявика, которая приехала посмотреть дом детективщицы, и поясняет, что передо мной в

пекарню заходил риелтор. Не дожидаясь ответа, она кивает, словно утверждаясь в своей догадке. Здесь же имеется пробковая доска для сообщений и объявлений. «Рыжие полосатые котята в подарок» — читаю я на написанном от руки листке, что висит возле рекламы автошколы Лены Давидсдоттир, находящейся, видимо, этажом выше. Я просматриваю объявления, и глаз цепляется за фотографию, на которой изображена белая куропатка. Под фото написано: «Требуется помощник для переписи куропаток будущей весной. Предпочтение кандидатам, готовым к длительному нахождению на открытом воздухе в непредсказуемых погодных условиях».

Внутренним коридором пекарня сообщается с продовольственным магазином «Катла Дис», в углу которого расположен филиал банка, где за стеклянной панелью стучит спицами кассирша. В глаза бросается то, что узор на ее вязанье — вскочившие на дыбы лошади — точно такой же, что и на свитерах, которые продаются в продовольственном магазине, из чего я делаю вывод, что кассирша вяжет, когда в банке нет клиентов, а потом здесь же продает свои изделия.

На противоположной стороне дороги мое внимание привлекает торговая точка, на вывеске

которой знак Красного Креста. *ЗАКРЫТО*, мигая красными лампочками, уведомляет табличка на двери. Судя по витрине, это некий гибрид блошиного рынка, секонд-хенда и букинистического магазина. На листке, приклеенном к двери, написано, что магазин открыт по средам и *принимает ВСЕ то, от чего вы хотите избавиться, например торшеры, картины с ангелами, цветочные вазы, комоды, чайные сервизы, платья и книги*.

У меня в голове всплывает фраза из рукописи министра сельского хозяйства, записанная мной когда-то, поскольку она показалась мне знакомой, хотя я не могла вспомнить, где ее вычитала. Позднее меня осенило, что та же самая фраза *«светящаяся табличка с красными лампочками отражалась в черном, блестящем асфальте»* встретилась мне в детективе Сары С., однако издатель решил оставить ее без изменений.

Солнце висит низко и светит мне прямо в глаза, поэтому, проезжая по мосту, я снижаю скорость и включаю радио. Попадаю на середину программы и слышу, что речь идет о таинственном *явлении* в галактике Млечного Пути, которое случайно обнаружил один австралийский студент. Голос (предполагаю, ведущего) информирует, что некий *объект* испускает мощные радиоволны

трижды в час с промежутками точно в восемнадцать минут и восемнадцать секунд, и даже астрофизикам неизвестно другое космическое *явление*, от которого исходили бы волны с такими короткими промежутками. Исключено, что эти волны генерируются разумным существом. Мужчина говорит, что *объект* находится в четырех тысячах световых лет от Земли; очень яркий, окружен мощным магнитным полем, и предположительно речь идет о так называемом белом карлике, то есть о последнем этапе эволюции звезды во Вселенной.

— Когда солнце достигнет финальной стадии своей эволюции, оно завершит свое существование в качестве белого карлика, а спустя длительное время — в качестве черного карлика, — поясняет мужчина.

Я, разумеется, не могу обойти вниманием то, что он настойчиво использует слово *явление*, которое впервые вошло в язык ближе к концу девятнадцатого века как перевод слова *феномен* и использовалось тогда в отношении природы. Случается, что я теряю нить разговора, потому что мой мозг занимает какое-нибудь вылетевшее из уст собеседника слово, и помимо своей воли я начинаю размышлять о его склонении, корне и

однокоренных словах. Бывает даже, что отдельные предложения из разговора выстраиваются у меня в голове в ряд, как текст на листе бумаги или в черновике, который я правлю.

— Ты беспрестанно работаешь, — говорит моя сестра Бетти.

Вернувшись в город, я включаю компьютер и набираю в поисковике фразу *светящаяся табличка с красными лампочками отражалась в черном, блестящем асфальте* из рукописи министра сельского хозяйства, что я читала в прошлом году; насколько помню, с нее-то книга и начиналась. Пробегаю глазами последующие строчки: *Снайдис, глава парламентской фракции левых зеленых, потягивает обжигающий кофе. Черный, как безлунная полночь. По телу разливается тепло после холодной ночи.* Хотя, строго говоря, в мои функции не входит оценка оригинальности произведения, мне все-таки кажется, что некоторое время назад я уже где-то встречала фразу *черный, как безлунная полночь*. Быстрый поиск в Сети, и я обнаруживаю ее на форуме о специальном агенте Дейле Купере из телесериала «Твин Пикс». В посте говорится, что ему хотелось кофе, *черного, как безлунная полночь*.

Мне кажется примечательным, что на следу-

ющий день после того, как я посмотрела угодье, мне звонит риелтор и интересуется, намереваюсь ли я оставить его себе или перепродать.

— Владелица обращается с этим вопросом ко всем потенциальным покупателям, — поясняет он.

— Я подумывала о том, чтобы посадить там деревья, — говорю я.

Мастер слова выражает свое почтение

Звонит риелтор.

— Поздравляю, Альба, — это первое, что он говорит. — Сара С. приняла ваше предложение, так что теперь вы землевладелица.

Ему не удается скрыть, что он и сам немало удивлен.

Когда я являюсь в агентство недвижимости, он усаживает меня за большой стол для собраний и сообщает, что Сара С. находится за границей, где курирует перевод книги, и передает мне горячий привет.

Договор лежит на столе, и риелтор, подвигая его ко мне, признается, что поначалу и не надеялся, что угодье удастся продать. Но он ошибался: значительное количество людей проявило к нему интерес, и в результате было получено не одно предложение.

— И даже не два, — добавляет он, изучая меня взглядом.

Похоже, его изумление, что продавец решила заключить сделку со мной, еще не прошло, и,

честно говоря, я бы не удивилась, если бы узнала, что он обсуждал мою кандидатуру с Сарой С.

— Значит, вы собираетесь посадить там деревья?

— Такой у меня план.

— Хотя ваше предложение было не самым выгодным, выбор владелицы пал на вас.

Подписав документы, я подталкиваю их обратно к нему, и он складывает все бумаги в стопку.

Он подбирает слова.

— Должен сказать, что Сара С. просила найти не столько подходящее предложение, сколько подходящего покупателя, — говорит он, убирая договор в конверт и протягивая его мне.

Поднявшись, пожимает мне руку и вручает ключ:

— Это вроде как тот ключ — надеюсь, вы сможете отпереть дверь.

Мы всегда на полпути в нашей жизни

По пути из агентства я заезжаю в Квассалейти и кладу конверт на стол в кухне. Папа не спеша изучает документ и говорит, что акт купли земли его и удивляет, и не удивляет. Потом он спрашивает, хорошо ли я питаюсь, открывает холодильник и несколько мгновений осматривает его содержимое, размышляя, чем бы ему меня попотчевать. Я говорю, что заехала ненадолго, поскольку во второй половине дня у меня лекции. Он провожает меня до лестничной площадки, и тут я вспоминаю сон, который видела ночью. Мне снилось, рассказываю я, будто еду на «пежо» по пустынной дороге в темноте и единственная светящаяся точка — это кнопка звонка ветхого дома, который стоит на полпути между горой и бурлящей ледниковой рекой. Внезапно я оказываюсь внутри дома, который уже и не дом, а дворец, и поднимаюсь по крутой лестнице, ведущей на чердак. Тогда я замечаю, что в этом дворце нет стен и обратного пути тоже нет. Я в полном одиночестве стою под невероятно огром-

ным небом, в котором светят звезды. Неожиданно возле меня появляется папа, и слышно, как он очень отчетливо говорит: *мы всегда на полпути в нашей жизни, Альба*.

По его словам, этот сон кажется ему весьма примечательным, поскольку Хлинюр произнес то же самое, когда они на днях сидели в джакузи. Он сказал: *мы всегда на полпути в нашей жизни, Якоб*. Однако дальше они эту тему не обсуждали, потому что в джакузи к ним присоединились две женщины.

— То есть ты не знаешь, что он имел в виду?

— Вообще-то, я так до конца и не понял.

Светлое дерево

Я сижу за столом в своем университетском кабинете и готовлюсь к лекции, когда Торкатла, моя коллега по филфаку, специалист по этимологии, чей кабинет расположен напротив моего, стучится в дверь, чтобы вернуть мне степлер.

— Спасибо за одолжение.

Я отвечаю, что не за что, она кладет степлер на стол и вроде как собирается выйти, но лишь прикрывает дверь.

— Ты знаешь, что у Мани Солейярсона выходит сборник стихов?

— Да, я об этом слышала.

Она поправляет ворот своей водолазки, сверху которой надела кулон.

— Хотела только уведомить тебя, что рукопись попала в руки к нашим факультетским. Подруга Ведис, жены Глумюра, работает в издательстве и прислала ей рукопись, а Глумюр переслал ее мне. Кляйнгюр и Торгнир тоже ее прочитали.

Она не отпускает дверную ручку, точно и не собирается уходить.

— Надо полагать, что это всплывет, когда будет

решаться вопрос о назначении.

Моя коллега страдает от мигреней, и фотохромные стекла ее очков темнеют в холодном февральском свете, пробивающемся из окна. Кажется, что на ней солнцезащитные очки.

— Прошло четыре года.

Она теребит свой кулон, подбирая слова:

— Теперь к такому относятся строже. То, что дозволялось четыре года назад, не обязательно допускается сейчас. В обществе многое поменялось.

Я выдвигаю ящик стола, кладу в него степлер и вновь задвигаю. Взглянув на часы, поднимаюсь. Через десять минут у меня лекция.

— Может, ты и не поверишь, но у всех преподавателей случалось такое, что в них влюблялись студенты.

Она открывает дверь, но задерживается на пороге, глядя не на меня, а в окно. Я чувствую, что ее еще что-то гложет.

— В общем, похоже, что он сделал ваше совместное фото на мобильник и оставил телефон без присмотра, а его мать увидела. Дело в том, что фотография распространилась.

Торкатла прочищает горло:

— Не то чтобы там видно все, но нет сомнений,

что она сделана в постели.

Ближе к вечеру звонит папа и сообщает, что переговорил с Хлинюром по поводу моего проекта лесонасаждения. Как и ожидалось, лесовод его одобряет.

Они даже обсудили, какие породы деревьев наиболее подходят для моего землевладения.

— Хлинюр советует начинать с берез, чтобы создать защиту от ветра. По его словам, светлое дерево, вероятно, приживется в северных широтах. Он рекомендует разделить угодье на участки, и там, где есть камни и галька, можно попробовать посадить лиственницу сибирскую. Еще он тебе советует не высаживать по прямой, а кое-где оставлять промежутки. Он говорит, что тогда лет за двадцать-тридцать там появятся поляны.

Папа задумывается.

— Хлинюр сказал, что тебе следовало бы раздобыть такие виды деревьев, которые способны противостоять напастям.

— Так и сказал? Он употребил слово «напасти»?

— Так и сказал. Дескать, нужно выбрать стойкие виды, способные жить в неблагоприятных условиях.

Нехватка крови всех групп

Как и следовало ожидать, моя сестра Бетти заглядывает ко мне на Ойдарстрайти специально, чтобы обсудить покупку участка. Она заехала прямо из парикмахерской, где ее постригли и покрасили, из чего я заключила, что она направляется на телеинтервью, чтобы призвать людей сдавать кровь. Я откладываю черновик романа писателя, который собирается опубликовать свое восьмое произведение под названием «Чувство вины», и включаю электрочайник. Поскольку речь идет об опытном литераторе, мне нужно исправить лишь немногочисленные опечатки, и вычитка проходит гладко. Мне, однако, не ясно, забыл ли писатель поставить кое-где запятые, или это авторский стиль. Зачем ставить запятые? Преподаватель во мне ответил бы: чтобы вынырнуть из проруби и задышать. Оглядеться. Решить, какой дорогой идти дальше. Закончив излагать мне факты о грядущей нехватке крови на станции переливания и спросив, когда я в последний раз сдавала кровь (я сдаю ее трижды в год), завотделением, моя сестра, обращается к

теме покупки земли.

Папа уже успел ввести ее в курс дела.

— Я слышала, что ты купила участок.

— Верно.

— Папа говорит, что ты воспользовалась деньгами из маминого наследства.

— Да, именно.

— И что ты собираешься засадить участок лесом?

— Я собираюсь посадить там деревья. Точнее, березы, — уточняю я.

— И тебе показалось хорошей идеей приобрести пустошь с полуразвалившимся домом? Двадцать два гектара — площадь немаленькая для дачного участка, — добавляет она.

— Да, мне так показалось. Земля досталась мне по хорошей цене, — говорю я.

— А этот интерес к лесоводству — что-то новенькое?

Когда моя сестра устраивает мне допрос, в начале предложения она использует союз «а». А он что сказал? А куда ты поехала? А ты уверена? А завтра ты смогла бы подъехать и сдать кровь?

— Я думала об этом уже некоторое время.

— Если я правильно поняла папу, ты возвращалась с очередного симпозиума по вымершим

или почти вымершим языкам и тебе приснилось, будто ты стоишь посреди картофельного поля в маминых сапогах…

Я ставлю чашки на стол и достаю упаковку чая.

— Значит, можно сказать, что на тебя низошло откровение?

— Я бы не стала называть это откровением, — отвечаю я.

— Хочешь сказать, что ты и сама точно не знаешь, зачем купила землю? — Не дожидаясь ответа, она продолжает: — Испытываешь угрызения совести из-за климата?

Затем формулирует вопрос иначе:

— Пытаешься снизить вредное воздействие углекислого газа благодаря высаженным деревьям? Или мечтаешь заняться ручным трудом? Чего тебе хочется — запаха земли?

Я задумываюсь о том, что все чаще мне приходится сталкиваться в литературе с оборотами, которые еще несколько лет назад были не в ходу, а теперь такие выражения — *угрызения совести из-за климата и снизить вредное воздействие углекислого газа* — встретились мне в «Следах сажи», стихотворной рукописи молодой поэтессы, которую я недавно правила.

Бетти делает глоток чая и продолжает тему:

— Папа говорит, что ты работаешь над собой.

— Да? Так и говорит?

— А успехи какие?

Сложно понять, в каком направлении продвигается наша беседа.

— Даже не знаю.

— Да, не знаешь.

Некоторое время она молчит.

— А ты собираешься переехать туда?

— Нет, об этом я не думала. У меня ведь здесь студенты.

Я перевожу разговор в другое русло и справляюсь, как дела у ее единственного сына Якоба Лиама, а она отвечает, что будущий магистр инженерного дела звонил вчера: он расстался с пассией, и его сердце разбито.

— Когда Якоб Лиам был подростком и я о чем-то спрашивала его мнение, он отвечал: *не знаю*. Ну или: *у меня на этот счет нет мнения*. Я-то полагала, что наступит тот момент, когда он скажет: *спасибо, мамочка, за то, что ты меня вырастила одна*. Я также надеялась, что он добавит: *ты была моей поддержкой и опорой в жизни*. Этого не случилось. Однако с тех пор, как он живет отдельно, он звонит мне три раза в неделю и плачется по

телефону.

Когда Бетти уехала давать интервью, в котором она подробно расскажет о неудачной попытке пополнить запас эритроцитов, чтобы гарантировать безопасность пациентов, и о том, что в стране заканчиваются резервы крови, у меня в голове засело слово «опора», которое также означает «спинной хребет», как и название утерянного манускрипта двенадцатого века об истории норвежских королей.

Леди Бьяркан

Я выезжаю из города, а на заднем сиденье у меня триста пятьдесят саженцев березы в специальных лотках. Каждый из них тридцать сантиметров в высоту. Хотя общее название этого вида «береза», среди саженцев есть единственный, который по-научному называется *betula pubescens* — береза пушистая. Мамина фамилия — Бьяркан — происходит как раз от слова «береза».

Когда я заехала взять мамины сапоги и лопату, которую папа для меня приготовил, ему представился повод, чтобы вспомнить репетиции «Макбета».

— Когда твоя мама репетировала леди Макбет, она едва со мной разговаривала и полагала, что я недостаточно амбициозен.

Романтическое увлечение, о котором папа иногда вскользь упоминал, относилось не к актеру, исполнявшему роль Макбета, а к молодому выпускнику театрального училища, который играл безымянного убийцу в третьем акте. Болтая с папой в прихожей о том, как мама бросала всю себя на алтарь очередной роли и как это отражалось

на их взаимоотношениях, я подумала о том, что имя Макбет — это английская транслитерация гэльского, а точнее, среднеирландского: *mac* «сын» и *betha* «жизнь». То есть Макбет переводится как «сын жизни».

— Твоя мама пользовалась разными духами, чтобы влезть в шкуру своего персонажа, — рассказывал папа. — Она пахла по-разному, когда репетировала Нору из «Кукольного дома» или леди Макбет.

Вчера вечером я кое-что почитала о березе — *betula pubescens*. Латинское *pubescens* означает «покрытый пушком» или «с опушенными листьями», что объясняет, почему на многих других языках березу называют мохнатым деревом: *hairy tree* по-английски и *dunbjørk* по-норвежски. Как и следовало ожидать, фарерцы пользуются словом *birki*, как и мы. Однако его корни следует искать не в родственных нашему языках, а в санскрите, где *bhurjah* означает «светящееся, светлое дерево» из-за его белой, как мел, коры. Погружаясь в этимологию, я забываю обо всем на свете и уже глубокой ночью натыкаюсь на один источник, согласно которому латинское слово *betula*, вообще-то, имеет тот же корень, что и кельтское *bete*, а по-среднеирландски *beithe*, и

поскольку усталость дает о себе знать, у меня в голове все смешалось: *betha* и *beithe*, латинский, среднеирландский и санскрит, мама, жизнь, свет и береза, та, что дала мне жизнь, и ее роли. Выключив наконец компьютер и улегшись в постель, я подумала, что было бы забавно, если бы «Макбет» означало «Березин» — «сын березы», а Стелла Бъяркан в роли леди Макбет была бы тогда леди Березиной.

И вот посреди высокогорной равнины я вспоминаю, что сегодня годовщина смерти мамы, хотя на земле и нет снега, как шесть лет назад, — нет даже морозца, наоборот, в воздухе весна, и утром я проснулась на Ойдарстрайти под щебетание птиц, а вернее, под пение дрозда, примостившегося у меня на балконе.

Прекрасный день, чтобы приступить к посадке деревьев.

Значит, вы та, кому моя сестра продала землю

Я еду по проселочной дороге и там, где она на коротком отрезке пролегает вдоль реки, слышу треск мотора, а в следующий момент мне навстречу на полной скорости несется квадроцикл. Он виляет из стороны в сторону и на повороте прямо передо мной резко тормозит. Мужчина, который чуть не сваливается с квадроцикла, тот самый, с кем мы разминулись, когда я приезжала взглянуть на угодье. Тогда я предположила, что это овцевод, брат Сары. Я опускаю стекло, и, прильнув к окошку, он бросает взгляд на заднее сиденье. Он говорит, что увидел в бинокль машину и решил выяснить, как она тут оказалась, поскольку случается, что водители сбиваются с пути, съезжают на проселочную дорогу и потом им трудно развернуться. Несколько дней назад он, мол, заметил подозрительный черный джип с затемненными стеклами, который доехал до реки, а потом повернул обратно.

— С тех пор, как в прошлом году задавили моего любимого барашка, я начеку, — поясняет он и,

тут же переходя к делу, спрашивает, не я ли новая владелица участка.

Я выключаю мотор и выхожу из машины. В тот же момент из квадроцикла, высунув слюнявый язык, выпрыгивает собака и наскакивает на меня, заливаясь лаем и виляя хвостом. Сообщаю мужчине, что я и есть новая владелица. Представившись, тот подтверждает мою догадку о том, что он разводит овец на соседней ферме.

— Аульвюр Софониасарсон.

— Значит, Сара С. — ваша сестра? — спрашиваю я.

— Именно так говорят люди, когда узнают, что Сара С. моя сестра. «Да? Значит, она ваша сестра?» Людям интереснее королева детектива, чем разведение овец. Их куда больше волнует, что ее перевели на десять языков, среди которых венгерский, чем то, что мой трехцветный барашек получил девяносто два балла на выставке овец. Знаменитость — моя сестра.

Он говорит, что сестра вошла во владение угодьем, когда они согласовали вопросы наследования, и при разделе родового имения (именно так он и выразился) сестра выбрала для себя лишенный растительности земельный участок.

— Ей во что бы то ни стало хотелось заполу-

чить участок, который обращен к реке, и я ей его уступил, — добавляет он. — Сестра выдержала в том доме год. Она упорствовала, и в то же время у нее были запутанные любовные отношения в Рейкьявике. А еще всякие далекие от жизни планы, которые так и остались нереализованными. Например, разведение кур тех пород, что завезли во времена заселения Исландии. Она говорила, что я ее не понимаю. Один из ее бзиков заключался в том, что я якобы должен производить овечий сыр. В конце концов ей надоела темень, она все бросила и взялась писать детективы.

Через мое плечо он глядит на сильное течение реки, и я чувствую, что-то еще тяготит его.

— Я хотел выкупить у нее землю, но она не захотела мне ее продавать.

Он рассматривает этот отказ под разными углами.

— Сестра продала землю вам, чтобы позлить меня.

Повторяет эти слова дважды.

— Продала вам, чтобы меня понервировать.

Он делает упор на другое обстоятельство:

— Предпочла столичную лингвистку родному брату.

Собака плюхается в ледяную мутную реку и

пытается укусить воду, а потом выскакивает на сушу и так интенсивно стряхивает воду с шерсти, что меня накрывает фонтан брызг.

Потом мой сосед принимается рассуждать о погоде и подтверждает слова риелтора о том, что зима выдалась малоснежной. Однако он не может припомнить столько дождей, как в ноябре и декабре этого года, когда дождило несколько недель кряду и река, выйдя из берегов, затопила овчарни.

— Мне пришлось выпрыгивать из постели в рождественскую ночь, чтобы спасти овец. Электричество вырубилось, в овчарнях стояла кромешная тьма, и воды по колено.

От порыва холодного ветра по реке пробегает рябь, я достаю из кармана вязаные рукавицы и под самый подбородок застегиваю молнию куртки.

Затем один за другим обрушились мощные циклоны с ветрами, каких он раньше не видывал, продолжает фермер и добавляет, что сильнейшая буря, разыгравшаяся в канун Нового года, унесла в реку целых сорок снопов сена.

— Сам видел, как они исчезают под водой.

А еще с овчарен слетела облицовка и частично крыша, так что ему пришлось перегнать овец

подальше от опасности на соседнюю ферму.

— Саре хотелось вида. Так она говорила.

Мне вспомнилось, как папа спросил меня, собираюсь ли я облагораживать участок ради его укрытия от непогоды или ради вида. «Тебе нужен свет или защита от вихрей?» — так прозвучал его вопрос.

— Сестра не учла ветров, когда построила дом посреди песка. У нее, кстати, в окне стекло треснуло, когда мои снопы сена улетели в реку. И кто же примчался и заколотил ей окно? Родной братец, которого она сделала прототипом убийцы с рыжими волосами и высоким лбом с залысинами.

Он мотает головой.

Сюжеты Сариных книг, которые я вычитывала, смешались у меня в голове, но, если я правильно помню, орудием убийства в произведении, на которое ссылается ее брат, была сосулька, свисавшая с карниза крыши, *полметра в длину*, о чем и возвещала обложка книги «Убийство сосулькой».

— Нужно, однако, отдать Саре должное: она не пишет о шуме журчащих ручьев, как городские поэты, что вырываются из каменных джунглей и босиком семенят по влажной от росы траве.

Брат писательницы явно не собирается ухо-

дить, хотя собака уже ведет себя неспокойно и вертится юлой, пытаясь ухватить саму себя за хвост, а между делом охлаждаясь в ледниковой воде и обнюхивая колеса машины.

— Перепродать землю в ваши планы совсем не входит? — спрашивает он потом.

Уже во второй раз мне задают вопрос, не собираюсь ли я продать участок, который только что купила.

Я отвечаю, что у меня и в мыслях такого не было.

— Не удивляйтесь, если вам станет названивать адвокат одного иностранца, который приценивается к участку, что прилегает к реке. С обеих сторон, — продолжает он. — В последние годы он скупал землю, которая примыкает к горным родникам, а теперь еще и на ледниковые реки нацелился.

— И что он намерен со всеми этими участками делать?

— По-моему, он хочет завладеть запасами воды, именно теперь, когда большие территории превращаются в пустыни. Когда в его руках окажутся наши земли, ему будет принадлежать целая ледниковая река, и он сможет разливать ее воду в бутылки. Он вроде как собирается выпускать

кубики льда для коктейлей на продажу за границей. Много кто спит и видит потягивать коктейль со льдом из растаявшего ледника. За лед хорошо платят. — Фермер вздыхает. — Он планирует построить в городке фабрику по производству льда и, похоже, создать пятнадцать рабочих мест — ну или ровно столько, сколько было утеряно, когда обанкротилась дубильня. — Фермера такая перспектива явно не радует. — У него в кулаке вся местная администрация.

— А с вами он связывался? Этот адвокат?

— Да, и дважды выдвигал подобное предложение.

— А вы намерены продавать?

Он трясет головой:

— Когда адвокат звонил в последний раз, я сказал, что даже не подумаю продавать землю посланнику иностранных богачей, которые скупают природные ресурсы Исландии. Не бывать такому никогда, вот что я сказал ему. — Овцевод с особым ударением произносит слово «никогда». Он заводит квадроцикл и зовет собаку: — Снати!

У меня в голове проносится, что эта кличка означает «ищейка».

— Иностранец предлагал выкупить землю и у Сары, но она ему отказала. И я, и он называли

бóльшую сумму, но сестра выбрала вас.

Снова усевшись в машину, я думаю о реке, что выходит из берегов, и у меня в голове всплывает слово «опустынивание», а за ним слова «наводнение», «мутный» и «темно-коричневый», потом наступает очередь причастия «затопленный» и глагола «отхлынуть», и я спокойно жду, пока вода в моем лингвистическом мозгу отхлынет, размышляя о слове «затор», о дороге, что прерывается каждые сто метров; я размышляю о неполадках с электричеством, о коровах с разбухшим выменем и о животноводах, что выливают молоко на землю, поскольку молоковозов на ферме не дождаться; думаю о стихах про реки, о неспешно струящихся ручьях, а еще вспоминаю: *камень за камнем, валун за валуном, тайком из-под моих ног река сочится, чтоб наконец глазам моим явиться*[11], Эллу Фицджеральд, поющую «Cry Me a River», и в следующий момент у меня на устах склонение слова *á* — «река», которое в винительном падеже склоняется так же, как слово *ær* — «овца», и мне приходит мысль о том, как в этом *á* — самом коротком слове исландского языка — переплелись судьбы ледниковых рек

[11] Примечания: 11

Строки из стихотворения Ингимара Юлиюссона «В потоке», вышедшего в сборнике «Глиняные птицы» в 1979 году.

и овец, а еще о том, что в родительном падеже единственного числа этого слова затаилось само время[12].

á — «река»[13]

\	**Ед. ч.**	**Мн. ч.**
Им. п.	á — река	ár — реки
Вин. п.	á — реку	ár — реки
Дат. п.	á — реке	ám — рекам
Род. п.	ár — реки	áa — рек

ær — «овца»

[12] Примечания: 12

В родительном падеже единственного числа слово *á* («река») имеет форму *ár*, что также может переводиться как «год».

[13] Примечания: 13

Порядок падежей соответствует структуре исландского языка.

\	**Ед. ч.**	**Мн. ч.**
Им. п.	ær — овца	ær — овцы
Вин. п.	á — овцу	ær — овец
Дат. п.	á — овце	ám — овцам
Род. п.	ær — овцы	áa — овец

Куст

Каждый раз, когда я вонзаю лопату в землю, она натыкается на камень. Чтобы вырыть самые большие булыжники, мне необходимо сдвинуть их с места, а потом подковырнуть лопатой и поднять, как домкратом. Периодически попадаются плоские камни, поэтому мне приходится искать новую точку, куда воткнуть лопату. Мне требуется целый час, чтобы высадить десять саженцев березы. Женщина из питомника, где я их купила, сказала, что, если почва тощая, нужно поливать саженцы весь первый год, чтобы они прижились. Еще она сказала, что вулканический пепел, который есть в песке, это прекрасное удобрение.

Я не замечала, насколько необъятное небо над моим лоскутом земли, оно нависает над угодьем — бесконечное, холодное и ясное.

Опершись на лопату, я созерцаю щупленькие деревца и задаюсь вопросом, выживут ли они в зимние бури, и в весенние, и в летние, и в осенние, заматереют или сломаются. У меня в голове звучит папин голос: «„Худощавый“ значит „величавый“, Альбочка».

В наших широтах деревья в первые годы подрастают мало. Зато лет через пять можно ожидать большого скачка, сказала женщина из питомника. По ее словам, за десять лет березки вырастут примерно до одного метра, а в благоприятных условиях, может, и выше. Это значит, что у меня будет подрастать живая изгородь от северных ветров. Я знаю, что растения не считаются деревьями, пока их высота не составит трех метров, а о лесе можно говорить, когда они дорастут до пяти метров. До тех пор они — кусты.

Целый день уходит на то, чтобы высадить несколько лотков с саженцами березы.

— Конец света близок, ну допустим, — сказала мне сестра. — Есть такая вероятность. Этим ты и собираешься заниматься, пока он не наступит? Березы сажать?

Когда я заехала к папе, чтобы взять мамины сапоги, он рассказал, что подробнее обсудил мой проект посадки леса с Хлинюром, который предложил и другие породы деревьев.

— Хлинюр считает, что, когда у тебя появится лесополоса, ты могла бы взяться и за более экзотические виды.

— А какие конкретно, он сказал?

— Да, он упомянул клен.

— А еще?

— Он также говорил о ясене, буке, вязе и пихте и предположил, что, если температура на планете поднимется на два градуса, как и прогнозируется, тогда, возможно, возникнут условия для посадки деревьев, которым в ином случае было бы трудно прижиться в таких северных широтах.

— И что это за деревья?

— Как он полагает, есть надежда, что в будущем здесь может акклиматизироваться даже дуб, а еще называл фруктовые деревья. Однако, по его мнению, самой большой проблемой будет ветер. Дескать, у деревьев с неглубокими корнями шансы выжить небольшие.

Я сообщила папе, что в доме есть камин, и он ответил, что, когда придет время прочистить лес, будет полезно помнить о том, что древесина березы прекрасно горит: сгорает, правда, быстро, но дает сильное и яркое пламя.

По дороге в Рейкьявик у меня в голове всплывают слова фермера о том, что из-за ливней в рождественские дни случились оползни и самая большая лавина обрушилась на пансион «Северное сияние», снеся сауну и джакузи. Хорошо, что мое угодье достаточно далеко от горы и опасности, что его накроет грязное месиво, нет.

Приближаясь к пансиону, я снижаю скорость и разглядываю нанесенный оползнем ущерб. Сосед рассказывал, что грохот стоял такой, что было слышно на всю округу, а жижа заполонила дорогу, которую пришлось перекрыть на несколько недель.

Добравшись до города, открываю поисковик и почти сразу нахожу старую статью об оползне, а также интервью с парой, что управляет пансионом. Выясняется, что, когда сошла лавина, они как раз покупали продукты в магазине и гостей в пансионе не было. После ливней гора напоминала мокрую губку, как выразилась женщина (статья так и называлась: «Гора напоминала мокрую губку»). Впоследствии гора изрыгнула несколько раз, в результате чего помещение пришлось покидать трижды. В статье приводился также прогноз метеоролога об очередных ливнях и его призыв найти способ для обеспечения оттока вод. «Чтобы противостоять воде, требуется растительный покров», — рассуждал метеоролог.

Пробегая глазами по корешкам книг, что стоят на полке, я обнаруживаю справочник «Исландские лекарственные растения» и открываю его на той странице, где речь идет о листьях березы. Автор советует заваривать их и пить отвар.

Среди эффектов перечисляются мочегонный, противовоспалительный, потогонный, а также отмечается, что отвар — прекрасное средство от подагры, очищает кровь и понижает давление.

В результате работы с каменистым грунтом появляется волдырь у меня на ладони.

По форме он похож на сердце.

Два дня спустя я сдираю кожу с ранки розоватого цвета.

Для следующего этапа работы приобретаю кирку.

Затем мне еще нужно решить, как поступить с домом.

Именно этим и интересовалась моя сестра:

— А что ты будешь делать с обветшалым домом?

Когда я сообщила папе, что собираюсь высадить лесополосу, он ответил:

— Именно так я и сказал Хлинюру: дескать, ты раздумываешь о том, что тебе предпринять.

Магазин Красного Креста

В среду у меня лекций нет, и я, захватив очередные лотки с саженцами, еду по плоскогорью. По пути решаю завернуть в городишко и заглянуть в магазин Красного Креста. В прошлый раз табличка на его двери мигала надписью *ЗАКРЫТО*, теперь же на ней значится *ОТКРЫТО*.

Мужчина, стоящий за прилавком, чинит, орудуя отверткой, светильник. Он здоровается, и пока я, осматриваясь, обхожу магазин, замечаю, как он то и дело на меня поглядывает. Чего здесь только нет: и настольные лампы, и торшеры, и тумбочки, и комоды, а также игрушки, елочные украшения, подушки с вышивкой и даже вешалка с длинными платьями. Посреди магазина большой стол, на котором красуются чашки и сервизы всевозможных видов. Я снимаю с вешалки платье того же темно-зеленого оттенка, что и диван, оставленный мне Сарой С., и щупаю ткань. Продавец тут же откладывает отвертку и направляется ко мне. Он говорит, что платье будет смотреться на мне идеально. Он также добавляет, что на прошлой неделе продал целых

три платья:

— Для ежегодного праздника народного театра.

Пока я оглядываюсь по сторонам, мужчина продолжает вещать и интересуется, не я ли купила землю возле реки у Сары С.

— Сообщество у нас маленькое, так что слухи быстро разносятся, — поясняет он с улыбкой.

Оказывается, он прослышал, что я лингвист, и спрашивает, так ли это.

— Да.

— И не замужем?

— Да.

Затем любопытствует, купила ли я землю единолично.

— Да, верно.

— Значит, вы сами себе хозяйка?

— Да.

— И собираетесь оставить в ванной розовую плитку и золотистые краны?

— Вполне вероятно.

Я замечаю, что на столе с фарфором стоит чайный сервиз в тот же синий цветочек, что и сахарница, которая осталась мне в наследство в кухонном шкафчике. Мужчина подтверждает, что чашки действительно принадлежали детек-

тивщице.

— Сервиз на восемь персон.

В глубине магазина располагались стеллажи, а на полу перед ними стояли две коробки, полные книг, которым не хватило места на полках. Когда мужчина заканчивает обслуживать покупательницу, выходящую из магазина с торшером с бахромой, я спрашиваю его о книгах, и он говорит, что они все сто́ят одинаково — по пятьсот крон за штуку. И добавляет, что наибольшим спросом пользуются книги Сары С., потому что она *родом из этих мест*. Книги же, на которых спроса нет, помещаются в коробку с надписью «в подарок», и когда погода позволяет, он выносит коробку на улицу и ставит ее у входа. Если же и тогда к книгам никто не проявляет интереса, ему приходится отвозить их в пункт приема утильсырья и оставлять в контейнере для макулатуры.

— Я даю каждой книге шесть недель, — поясняет продавец. — Если за это время она не продается, отправляю ее в коробку для бесплатных книг, а потом — в макулатуру.

Он делится со мной, что, хотя этой зимой туристов не особенно было видно, на прошлой неделе случился любопытный эпизод: один иностранец приобрел пятнадцать книг на исландском. Поку-

пателем вроде как оказался владелец нескольких земельных участков по соседству, который, по собственному признанию, питает большой интерес к исландскому языку и литературе.

— Он сказал, что ему понравились обложки.

А вообще, предположить, кто что купит, невозможно. Однажды некий плотник приобрел чуть ли не все книги разом, чтобы использовать для оформления салона-парикмахерской. После того как упала цена на мех норки и дубильня обанкротилась, жителей в городишке поубавилось, и салон закрылся. Когда-то был тут и винный магазин, деливший помещение с аптекой, однако и филиал госкомпании, торгующей алкоголем и табаком, и аптека закрылись практически одновременно с парикмахерской.

Я кладу на прилавок зеленое платье и, пока продавец заворачивает чашки из сервиза писательницы в листы «Вестника фермера», а потом с осторожностью кладет их в коробку, созерцаю картину, что висит над прилавком. На ней изображен ангел, который стоит на берегу реки с распахнутыми крыльями, словно беря под защиту двух босоногих детей. Украшенная ракушками рама картины выглядит вычурно. Проследив за моим взглядом, мужчина подбородком указыва-

ет на картину и сообщает, что вставил ее в раму лично. Он поясняет, что в задней части того же здания у него имеется своя мастерская по изготовлению рам и чучел животных, а раз в неделю он на общественных началах работает в магазине Красного Креста. По его словам, ракушки, что украшают раму, собрала на побережье его жена. Дело доходит до знакомства, и он через прилавок протягивает мне руку:

— Хокун, через букву å, — представляется он и уточняет, что его мать норвежка[14].

Я уже загружаю коробку с сервизом в багажник, когда мужчина, махая рукой, выбегает из магазина и сообщает, что я забыла сливочник.

— В городке предостаточно домов на продажу, которые вы могли бы приобрести, — говорит он, пока я помещаю сливочник в коробку. — Но вы, полагаю, принадлежите к той породе людей, которым нравится быть наедине с собой.

По дороге к дому вспоминаю слова мужчины о том, что порой люди покупают книги наобум:

— Может, кто-то вздумает и по языкознанию книжки прикупить.

---

[14] Примечания: 14
По-норвежски имя пишется Håkon.

Овечья тропа — это та узкая стежка, что ведет к совершенству

Первое, на что падает мой взгляд, когда я выезжаю на окольную дорогу, это четыре овцы, пасущиеся на моем участке. Я нахожу номер соседа-фермера и звоню ему. Он отвечает, что занят, но подъедет, когда закончит кое-какую работу, чтобы удостовериться, его ли это овцы. Насколько мне известно, он единственный овцевод в округе. Через час он вместе с собакой прикатывает на своем квадроцикле.

— Смотрю, на вас белые кроссовки, — в первую очередь говорит он. — Столичных сразу видно по тому, во что они обуты.

Собака лает и всячески старается подольститься ко мне, но я не уделяю ей ни малейшего внимания и не пытаюсь погладить.

— Сестра полагала, что у нее на участке ничего не растет из-за моих овец. Она утверждала, что я нарочно выгоняю их пастись на ее территорию, и даже поставила на развилке табличку «Выпас запрещен». Овцы читать не умеют, так что табличка явно предназначалась для меня.

— А это были вы? Вы выгоняли овец пастись на ее территории?

Прежде чем ответить, он берет паузу.

— Исландской овце никто не начальник. У нее своя воля.

Глянув на клеймо, он подтверждает, что овцы действительно его.

— Тут немного овечьего помета, а для почвы нет лучшего удобрения. Так что вам не придется выпрашивать у меня навоз.

Он подзывает собаку.

— Она в последнее время покашливает, — поясняет мой сосед и заводит квадроцикл.

Тонюсенькие, хрупкие саженцы, еще не успевшие прижиться, пробиваются среди камней, и мне становится ясно, что, если я хочу вырастить лес, мне придется обнести участок изгородью. Иначе соседские овцы обглодают все деревца, стоит только их посадить.

Закончив с высадкой саженцев, я, не снимая куртки, устраиваюсь на диване, обитом зеленым плюшем, вытягиваю руки по швам и вслушиваюсь в рокот реки. Вспоминаю, как в разговоре о журчании ручьев в контексте поэзии Аульвюр изрек, что если ледниковая река и течет в чьих-то венах, то это вены того, кто в ней утонул.

После зимней спячки пробуждаются к жизни мухи, что наводит меня на мысль о теориях, согласно которым звонкие звуки языка коренятся в жужжании мух. Ну а поскольку пути мышления неисповедимы, в памяти всплывает, что редактор звонила снова и предупредила, что поэт пересмотрел свое решение насчет названия и теперь подумывает озаглавить книгу «Наваждение».

— Это, безусловно, лейтмотив книги. Любовь молодого мужчины к женщине в годах, — сказала Тюра.

— Ей тридцать восемь лет, — парировала я.

— А ему двадцать два. Разница — шестнадцать лет, так что женщина вполне себе в годах, — заметила редактор.

Я промолчала, но подумала, что одевался он самостоятельно и умел склонять слово *kýr* «корова».

kýr — корова
kú — корову
kú — корове
kýr — коровы

Я знаю о далеких солнцах

Проснувшись на зеленом плюшевом диване, обнаруживаю, что уже темно. Встав, подхожу к окну и смотрю, как во мгле отливает стальным блеском черная гора, а луна, которая кажется на удивление близкой, чуть ли не касается ее вершины. В отличие от других планет, например Сатурна, у которого шестьдесят две луны, Землю сопровождает лишь одна, и в это мгновение множество других людей смотрит на ту же самую луну из множества других окон.

Взяв телефон, вижу, что сейчас за полночь, семь минут первого, — я проспала шесть часов. Возвращаться в Рейкьявик уже поздно, поэтому я снимаю кроссовки, снова устраиваюсь на диване и накрываюсь курткой. Соседняя ферма прячется за холмом, так что, как и намекал риелтор, занавески мне, по сути, не нужны. А вот луну в окно прекрасно видно, что наводит меня на мысль о заметке, на которую я случайно наткнулась в газете, о таинственном квадрате, который обнаружил на горизонте Луны, но не смог опознать китайский луноход. Мое любопытство вызвал

не столько квадрат как таковой, сколько представление о китайском луноходе, бороздящем поверхность Луны в тот самый момент, когда я читала эту новость.

Когда я просыпаюсь вновь, стало светло. Я понимаю, что проспала полсуток, и пару мгновений неподвижно лежу на диване, размышляя, что надо бы установить в доме обогреватель. Хокун сказал, что даст мне контакты одного человека, который мог бы подъехать, чтобы взглянуть на дом и оценить, что требует ремонта в первую очередь. Выдвинув ящик своей конторки, он там немного порылся и протянул мне визитку с номером телефона.

На обратном пути передо мной на грунтовке возникает несколько куропаток, все еще белых, несмотря на отсутствие снега. Мне вспоминаются инсинуации Аульвюра в адрес его сестры Сары: мол, какие она только не выдвигала сумасбродные идеи, пока там жила, лишь бы только его позлить. В частности, он говорил о ее бзике расстелить возле дома белое покрывало, где куропатки могли бы укрыться от соколов, что обитают в горах: такая кучка куропаток под крылом писательницы, если верить пассажу моего соседа.

Я не всегда помню сюжет книг, которые вычи-

тываю, но иногда в голове остаются предложения или фразы и даже отдельные слова. Я еду через горный перевал, и в памяти внезапно всплывают два слова из рукописи, что я правила несколько месяцев назад: *солнце покраснело*. Вообще-то, это было три слова: *И солнце покраснело*, и они привлекли мое внимание, поскольку диссонировали с языковой матрицей книги и, кроме того, стояли обособленно, в конце главы, безо всякой привязки к тому, что описывалось раньше. *И солнце покраснело*.

Семьдесят три тысячи триста видов деревьев

Когда у меня нет лекций и не нужно вычитывать рукописи, я рассматриваю фото деревьев в интернете. Оказывается, существует семьдесят три тысячи триста видов этих растений. Я разглядываю изображения деревьев с высокими стройными стволами, которые вытягиваются на десятки метров вверх, так что и неба между стволами не разглядишь; рассматриваю деревья с мощными стволами и пышными кронами, деревья, что стоят поодиночке и группами. Собираю информацию о тех видах, что пускают корни достаточно глубоко, чтобы противостоять ветрам, и обнаруживаю, в частности, любопытное дерево, называемое *зонтичным*. Своей формой оно напоминает раскрытый парашют, что спускается на планету Земля, но корни у него слишком непрочные, чтобы прижиться в этих широтах.

Целый вечер у меня уходит на то, чтобы составить список ветроустойчивых деревьев, теоретически способных существовать в моем угодье, и еще один список деревьев, которые,

возможно, смогут прижиться на участке, когда температура земли поднимется примерно на два градуса. Как отмечал Хлинюр, корни у них должны быть глубокими, чтобы противостоять происходящим все чаще бурям. Закончив со списками, достаю из книжного шкафа переводной роман и читаю о поезде, который мчится через банановые плантации, вытянувшиеся насколько хватает глаз. На предложении *времени было одиннадцать, и предстояла самая жаркая часть дня* я делаю перерыв и задумываюсь, почему слово *bjúgaldin* — «арковидный фрукт» — не прижилось в языке, уступив другому: *банан*. Потом я размышляю о том, что банановое дерево вовсе и не дерево, а цветущее растение, каждый цветок которого превращается в банан. Когда их собирают, растение вянет, но корень живет дальше, почти как у ревеня.

Утром, когда я стояла в кассу в супермаркете, позвонила редактор и уведомила, что поэту разонравилось «Наваждение» и он подумывает назвать книгу «И слово превратилось в плоть».

«Радио Апокалипсис», здравствуйте

Я еду на встречу с человеком, которого мне порекомендовал Хокун насчет ремонта в доме.

Когда я оказываюсь на площадке перед домом, мужчина уже там и разглядывает его снаружи. Как бы между делом он здоровается и что-то записывает себе в блокнот. Я следую за ним, пока он обходит дом вокруг, просовывая перочинный нож в оконные рамы и постукивая по стенам. Это занимает довольно много времени. Я поворачиваю ключ в замке, и он проскальзывает в дом передо мной. Вот, мол, несущая стена, а это не несущая; меряет шагами пол, подсчитывая их, затем извлекает метр и измеряет высоту потолка. Открыв слуховое окно и высунувшись наружу, он проверяет состояние крыши, а затем продолжает осмотр и вновь спускается на нижний этаж. Его заключение сводится к следующему:

— Нужно провести теплоизоляцию и заменить окна, чтобы в них были двойные стекла. Надо залатать крышу. А также проверить электропроводку и починить трубы.

Он еще раз проверяет пол.

— Зато в доме хорошая вентиляция, и древесина не прогнила. На вашем месте я бы сохранил настил, отшлифовал его и перекрасил, и будет у вас пол как новенький.

Он внимательно смотрит на меня.

— Термальная вода очень кстати — при желании тут можно даже небольшой бассейн устроить.

Когда я рассказала сестре, что на участке есть термальная вода, она спросила, почему бы мне не продавать ее коммуне. Я передала ей информацию Аульвюра о том, что температура воды постоянно повышается, и она задала очередной вопрос: «А не прямо ли под твоим участком кипящая магма?» Сестра добавила, что там, где когда-то текла лава, она всегда может потечь вновь. Когда же я упомянула о своей идее заново возвести теплицу, сестра поинтересовалась: «А она не развалится при первом же ветродуе?»

На обратном пути я решаю заглянуть к Хокуну в мастерскую по изготовлению рам и чучел. Он говорил, что у него есть связи и при необходимости он может подыскать плотника.

Я включаю радиолу, из которой женский голос сообщает, что седьмой год подряд увеличиваются

объемы продаж вооружений. *Пандемия определила повышение спроса на оружие со стороны общества,* — говорит женщина, а вслед за этим раздается треск. Сигнал пропадает, и следующего предложения я не слышу, но потом голос возвращается: *повышение на пятьсот тридцать миллиардов долларов*. Затем снова начинается треск, и голос исчезает вовсе. Я заметила, что, когда я еду у подножия горы, радиосигнал скачет, а потом и вовсе его нет. Я пытаюсь отрегулировать радио, не отводя глаз от дороги, пока хрустально чистый голос не объявляет: *вы слушаете «Радио Апокалипсис», здравствуйте*. Вся превращаюсь в слух, когда речь заходит о едином языке для людей. *Когда-то на земле все говорили на одном языке и райский сад называли Эдемом,* — вещает мужской голос. Я размышляю, что, если бы вся планета говорила на одном языке, не возникало бы недоразумений в людских отношениях, да и на переводчиках удалось бы колоссально сэкономить. Мне приходит в голову, что таким языком мог бы стать исландский, поскольку он единственный из известных мне, в котором слова *heimur* — «мир», *heimili* — «дом» и *að eiga heima* — «проживать» (где-то в этом мире) — однокоренные.

Девятьсот девяносто девять штук

Хокун говорил, что в основном изготавливает рамы для фото новобрачных и новорожденных, однако летом, когда открывается сезон рыбалки, он в первую очередь набивает чучела лосося для иностранных туристов.

Он коротко приветствует меня. Склонившись над столом, Хокун обрабатывает мохнатую шкурку какого-то зверька — возможно, морской свинки. Я рассказываю ему о вердикте человека, который приходил осмотреть дом, и он замечает, что мне повезло, раз не нужно ничего сносить внутри дома и перестраивать наново.

— Именно это обычно говорят подрядчики. Дескать, нужно демонтировать все, что внутри дома. Или перестроить его. Ну или вообще, что построить по новой выйдет дешевле.

На стенах висит несколько увеличенных до размеров плаката фото новорожденных детей. Хокун уже поместил их в рамы, и теперь они дожидаются, когда заказчики их заберут. Есть в мастерской и немалое количество чучел животных. В частности, мое внимание привлекает

голова барана. Хокун сообщает, что этот баран, призер различных выставок, принадлежал Аульвюру, брату Сары С.

— Его сбила машина в прошлом году, — поясняет он.

Помимо лососей, которых он набивает летом для иностранных туристов, Хокун, по его же словам, изготовил немало чучел домашних питомцев и птиц, штук двадцать овечьих голов и одно овчарки. Что касается птиц, наибольшей популярностью пользуется ворон, но приходилось ему делать чучела и полярной гагары, и веретенника, и бекаса, и гуся, и куропатки, и золотистой ржанки.

— Я стараюсь придать каждому чучелу индивидуальность, — добавляет Хокун, а потом вновь заговаривает о доме и объясняет, что наибольшей проблемой будет найти водопроводчика, поскольку они встречаются далеко не на каждом шагу. Но один кандидат, который мог бы взяться за работу без промедления, у него, мол, имеется.

Отложив щипцы, Хокун протирает руки.

— Он приехал пару лет назад в качестве беженца по квоте, установленной правительством, вместе с семьей — женой и тремя детьми, и живет у нас в городке. Его товарищ, тоже беженец, при-

был в страну в ноябре по собственным каналам вместе со своим племянником, и недавно они открыли фирму, которая занимается сантехническими работами.

Выясняется, что число беженцев в городке соответствует указаниям руководства, которые состоят в том, чтобы распределять просителей убежища по малонаселенным пунктам, где достаточно свободного жилья и нехватка детей в младших классах. В ожидании, пока Хокун сделает несколько телефонных звонков, я разглядываю инструменты, что лежат у него на столе: молотки, щипцы, ножницы и ножи.

— Они могут подъехать взглянуть на трубы в следующие выходные, — сообщает он, завершив звонок, и поясняет, что после работы, как в будни, так и на выходных, водопроводчики оказывают услуги *особым клиентам*.

Хокун добавляет, что у них есть и переводчик (именно с ним он только что беседовал по телефону). Это шестнадцатилетний племянник одного из сантехников, он знает английский и немного исландский и прибыл в страну вместе с дядей. До этого они много где скитались, и парень выучил английский в переездах. Для начальной школы он уже слишком взрослый, так что занятия не

посещает, но, по словам Хокуна, мальчишка смышленый.

— Когда ему не нужно что-то переводить для дяди, он, бывает, помогает мне в магазине по средам.

Потом Хокун меняет тему разговора и говорит, что наслышан о моей ночевке в доме на прошлой неделе. Не дожидаясь моего подтверждения, он извещает меня, что среди местных не остался незамеченным тот факт, что я приезжаю на каждый уик-энд и даже в середине недели и провожу все больше времени в угодье. Хокун также в курсе того, что я купила кирки и рабочий комбинезон в отделе хозтоваров пекарни.

— Земля слухами полнится, — добавляет он.

Я уже стою на пороге, когда он вдруг кое-что вспоминает:

— Даньель его зовут — переводчика сантехников, пишется через букву *y*[15].

Вечером на Ойдарстрайти, перекладывая бумаги у себя на столе, я обнаруживаю папку с надписью «Разное». Изучаю ее содержимое, и глаз цепляется за статью моего зарубежного коллеги, в которой описывается индейский язык

---

[15] Примечания: 15
По-исландски имя записывается как *Danyel*.

с восемью типами интонации, считающийся одним из самых сложных в мире. Есть в файле и пожелтевшая газетная вырезка о женщинах из уезда Цзянъюн на юге Китая, которые когда-то общались между собой на нюйшу — языке, понятном только женщинам и державшемся в тайне от отцов, мужей и сыновей. В заметке говорится, что язык этот записывался стихотворными строками, по семь знаков в каждой, которые иногда напоминали афоризмы типа *Когда рядом сестра, нет места отчаянию*. Задерживается мое внимание и на статье под заголовком «Во всех ли языках есть понятие времени?». В качестве примеров приводятся языки индейцев амондава и камаюра в тропических лесах бразильской Амазонии. В этих языках нет слов, обозначающих время, таких как «день», «неделя», «месяц» или «год», и время не существует в связи с пространством и не воспринимается как хронологическая последовательность, где прошлое — это то, что уже за плечами. Люди, говорящие на этих языках, не ведут счет прожитых лет и не отмечают дни рождения.

Я забираюсь на стул, чтобы поставить папку на полку, и мой взгляд падает на коробку с пазлом, заваленную целой грудой научных эссе. Отка-

пываю из-под них коробку, на крышке которой фото лунной поверхности, сделанное из космического корабля «Аполлон-11». Давным-давно папа подарил мне этот пазл на день рождения, и при переезде я забрала игру с собой. По-моему, в наборе не хватало одного элемента, но по какой-то причине выбрасывать пазл я не стала. Единственный способ выяснить, полон ли пазл, сложить его.

Это займет у меня целый вечер.

Я высыпаю кусочки пазла на кухонный стол.

Задачу осложняет то, что фотография черно-белая, и, по сути, это изображение обширного пространства, сформированного без всякой системы частицами пыли и поделенного на тысячу разрозненных фрагментов.

С окантовкой я справляюсь за час, но центральную часть решаю оставить на завтра.

То, что поливают, то растет

Переводчик сантехников приветствует меня взмахом руки, широко улыбается и говорит, что помнит меня по самолету.

— Ты имеешь в виду, мы летели одним самолетом, когда вы прибыли в Исландию?

— Да, шестнадцатого ноября. Ты сидела за нами и читала, а когда мы занимали свои места, посмотрела на нас. Еще тогда мне улыбнулась. Когда над морем самолет начало трясти, ты вцепилась в мое кресло. Я обернулся, а ты мне сказала, что бояться нечего, хотя по твоему лицу было видно, что тебе страшно.

Его дядя со своим коллегой наблюдают за нашей беседой, а потом что-то говорит парню. Я догадываюсь, что он просит его перевести.

— Он говорит, что я языковой гений, — передает мне толмач.

Дядя кивает в знак согласия.

Я разъясняю им объем работ, и, разобравшись, где проходят трубы горячей и холодной воды, они достают из машины инструменты и принимаются за дело.

— Very nice[16], — изрекает дядя, увидев золотистый смеситель в ванной.

— Они говорят, что им нравятся краны в ванной и розовая плитка, — переводит парень.

Пока водопроводчики работают, я болтаю с юным полиглотом, и он рассказывает мне, что, когда они только приехали в Исландию, ветром сорвало козырек автобусной остановки в городке. Они с дядей запросили убежище, но пока не получили ответа. В Исландию они переехали, поскольку дядин коллега предложил тому работать вместе, и теперь они все живут в одном доме.

— Значит, дядя — твой опекун?

Парень кивает и, глядя в окно, поясняет, что прошел медицинский и стоматологический осмотр.

— Там выяснили, что мне шестнадцать лет, как я и говорил. — Он смахивает с глаз челку. — Я еще расту.

Интересуюсь у него, как проходит адаптация, и тут же жалею, что задала этот вопрос. Одновременно со словом «адаптация» (*aðlögun*) мне в голову почему-то приходит никак с ним не связанное слово *aflögun* — «деформация». Разница в

---

[16] Примечания: 16
Очень мило (*англ.*).

одной букве. Парень отвечает, что раз в неделю ездит на автобусе в Рейкьявик на прием к психологу по линии Красного Креста и ему якобы диагностировали ПТСР — посттравматическое стрессовое расстройство.

Исследовав нижний этаж, он спрашивает, можно ли подняться на чердак. Там он долго стоит у окна и молча созерцает окрестности. Наконец он говорит, что мне повезло, потому что моря не видно.

— Мне не хочется жить у моря, — объявляет он. — Мне хочется жить в поле, как ты.

Я поясняю, что живу не в этом доме, а в Рейкьявике. Тогда он любопытствует, какая у меня работа, и я отвечаю, что преподаю лингвистику в университете. Он продолжает свои расспросы, а я даю ответы. Это подросток, который пересек волнующийся белой пеной океан и раз в неделю ездит к психологу, чтобы поговорить о том, как пережить душевные волнения. Он не хочет видеть в окно море, а хочет чувствовать себя свободным от воли волн и от криков морских птиц, что парят над водой в поисках пищи. Он не испытывает ни малейшего интереса к этому соленому пенящемуся раздолью, что простирается до самого горизонта. О чем и говорит тут же:

— Волны — это не мое.

Знали ли они, куда направляются, пролетая над океаном? (На ум приходит словосочетание «над ледяным океаном», а затем слова «вал» и «прибой».) Не одолевали ли их сомнения, когда они увидели, как из моря вырастает остров — бесформенное нагромождение черных холмов, а самолет заходит на посадку в аэропорт посреди лавовой пустоши? Промелькнула ли у них мысль, что прижиться можно везде? Сознавали ли они, что оказались в стране, входящей в тройку самых ветреных мест на планете, в городишке, где этой зимой ветром сорвало козырек единственной автобусной остановки и где окна побелели от соли? Скорее всего, они предпочли бы жить в другом месте, и мне не кажется невероятным, что где-то в глубине они понимают, что оказались здесь по ошибке и им так и хочется сказать: простите, мы попали сюда случайно — жизненные неурядицы привели нас в этот край, затерянный в суровом, северном море, мы не специально, мы не нарочно.

— Понимаю тебя, — говорю я.

Количество камней, выкопанных мною из земли при посадке березок, поражает воображение: из чердачного окна видны их груды, громоздящи-

еся тут и там по всему участку.

— На этом поле можно в футбол играть, — замечает мой юный гость.

Мастера зовут нас спуститься вниз и что-то говорят пареньку. Судя по тому, как дядя попеременно глядит то на меня, то на переводчика, у него есть ко мне вопрос.

— Они спрашивают, нужен ли тебе кран на улице, чтобы поливать траву? — переводит его племянник.

Уточняю, что кран на улице мне бы очень пригодился, и он передает мой ответ дяде.

Парень поясняет, что ему пришлось подучить специализированную лексику, чтобы выполнять функции посредника между дядей и его клиентами, и поскольку я специалист по лингвистике, он подумал, что я могла бы помочь ему с кое-какими оборотами.

Он вопросительно смотрит на меня и, когда я киваю в знак согласия, извлекает из кармана сложенный вдвое листок и протягивает его мне. Там несколько предложений, а также зарисовок, как я понимаю, различных видов труб.

— Тут у меня все вперемешку, — объясняет юный переводчик.

Мы садимся бок о бок на диван, обитый зеле-

ным плюшем, и час спустя список готов.

Паренек также просит меня произнести слова вслух, что я и делаю.

Hitaveita (подстанция для использования подземного тепла)

Frárennslislögn (вывод канализации)

Neysluvatnslögn (труба для питьевой воды)

Klósett (туалет)

Vaskur (раковина)

Blöndunartæki (смеситель)

Funheitir ofhar (раскаленные батареи)

Stífluþjónusta (прочистка труб)

Rotþró (отстойник)

Við reddum þessu (Мы это решим)

Ég gef þér góðan díl (Я предложу вам хорошую цену)

Borga svart eða nóta? (Заплатите налом или официально оплату проведем?)

Сантехники говорят, что подъедут снова на следующих выходных, чтобы закончить работу и подключить воду.

— Я предложу вам хорошую цену, — добавляет дядя, прощаясь.

На обратном пути в Рейкьявик меня не покидает одна курьезная мысль: критерием для измерения силы ветра Гидрометцентр Исландии

считает дерево — и это на острове, лишенном лесов.

Andvari: Дуновение, легкий ветерок в 1 балл, шелест листьев.

Gola: Слабый ветер в 3 балла, листья и небольшие ветки подрагивают.

Stinningsgola: Свежий ветер в 4 балла, небольшие ветки колышутся.

Kaldi: Умеренный ветер в 5 баллов, лиственные деревца покачиваются.

Stinningskaldi: Сильный ветер в 6 баллов, крупные ветки гнутся.

Allhvass vindur: Крепкий ветер в 7 баллов, деревья пригибаются.

Hvassviðri: Очень крепкий ветер в 8 баллов, ветки ломаются.

Stormur: Буря, шторм в 9 баллов, деревья ломаются.

Rok: Сильный шторм в 10 баллов, деревья вырывает с корнем.

Fárviðri: Ураган в 12 и более баллов, все, что не закреплено, срывается.

У нас самый большой в стране выбор материалов для ограды. Мы предлагаем индивидуальный подход и консультирование по всем товарам — от зажимов до укрепленных угловых стоек

Хокун подыскал двух работников, чтобы они соорудили ограду вокруг моего участка, однако из-за огромного количества камней в земле вбить опорные столбы оказалось делом сложным, и работа заняла больше времени, чем предполагалось. Мой сосед заезжал пару раз, чтобы проследить за процессом: как работники вбили опорные столбы, какой размер ячеек и толщину сетки я выбрала, из скольких проволок она сплетена — пяти или семи, будет ли это оградная сетка марки «Мореда» серого цвета или цвета эстрагон, оцинкованная или нет.

Когда ограда участка была сооружена, прямо передо мной предстал брат писательницы и сказал:

— Очевидно, что вы испытываете неприязнь к овцам.

Еще он спросил, не заметила ли я большой черный джип, что на днях разъезжал по округе. По словам соседа, он наблюдал в бинокль, как джип спустился прямо к реке, из него вышел мужчина и сделал несколько фотографий. Сосед предположил, что это тот самый торгаш водой, приехавший на разведку.

Я ответила, что джипа не заметила.

— Моя сестра помешалась на теориях заговора и считала, что настоящий владелец «Айскьюб Холдингс» — той компании, что скупает землю по обе стороны реки, — исландский магнат, проживающий за границей. И что иностранный воротила — это его подставное лицо.

В последней книге Сары рассказывалось о женщине, которая бесследно исчезла после того, как разоблачила мошенническую схему торговли землей. Сюжетная линия была в основном окутана тайной, но в памяти все же всплывают отдельные слова из рукописи, где земля описывалась как *пустынная, побитая ветрами, бесплодная*. Этими же словами пользуется и Бетти, говоря о моем участке, который она еще и в глаза не видела. «Ну, как там твое пустополье?» — спрашивает она. Когда я описала ей вид с чердака, она изрекла: «Ну да, наверняка облака, что

плывут над твоим райским лесом, — захватывающее зрелище».

Добравшись до Рейкьявика, я снимаю рабочий комбинезон в прачечной на цокольном этаже и забрасываю его в стиральную машину. Выясняется, что я еще не достала из нее белье, которое стирала три дня назад, а на веревке замечаю пересохшую одежду, что развесила на прошлой неделе.

Мое нижнее белье занимает три ящика комода, который я унаследовала от мамы. Неосязаемые кружева, белые, красные, зеленые, синие и черные, способные кое-кого удивить (под *кое-кем* я не имею в виду *кого-то* конкретно). Если подумать, все мои покупки одежды в основном сводятся к внутреннему слою, ближайшему к коже, хотя никому не ведомо, что на мне надето там *внизу*, кроме меня самой в определенные моменты (под *определенными моментами* подразумеваются, например, такие, когда я заседаю в комиссии по именам и в очередной раз в качестве второго имени обсуждается (и не признается) имя Люцифер. И вот в такие-то моменты меня вдруг посещает мысль: а что, если другие члены комиссии знают, что на мне надето там внизу?).

Я завершаю вычитку повести о домашнем на-

силии и, улегшись в постель, прокручиваю ленту новостей дня. На трех страницах насчитывается тридцать шесть сообщений о последствиях непогоды. Заодно просматриваю видео репортажа о наводнении, где показано, как спасатели передвигаются на лодке между крышами домов, а одного мужчину вытаскивают из дома через слуховое окно и поднимают на борт вертолета.

Вчера вечером звонил папа и интересовался, снилось ли мне еще, будто я летаю. Я рассказала, что как раз накануне видела во сне, будто лечу над рекой, вдоль всего ее русла — прямо от истока, и наблюдаю, как она течет через пески, вихрясь и пучась, к самому морю. И вот, пролетая над рекой, вдруг осознаю, что казавшееся мне водой это на самом деле нефть — густая, блестящая жижа, какая, выйдя из берегов, захлестывает землю.

Мне приходит в голову, что этот сон навеян новостью, которую я услышала по радио: вроде как в следующее десятилетие нефтяные воротилы планируют повышать добычу сырой нефти, чтобы потом снизить ее. «Пока есть спрос на нефть, мы продолжим ее производить», — заявил представитель нефтепромышленников, чьи слова приводились в новости.

— Я сказал Хлинюру, что ты ищешь себя, и он

порекомендовал тебе поменьше слушать новости, — говорит папа.

Когда я заезжала к нему в последний раз, он уже успел подготовить для меня ящик, в который сложил различные инструменты: дрель, пилы (обычную и циркулярную), молоток, клещи и отвертки различных видов и размеров. Потом я добавила к набору еще инструменты, купив некоторые из них в отделе хозтоваров той самой пекарни. На YouTube можно научиться много чему полезному — например, как сносить стену, если она не несущая, и как распылять лак из баллончика на кухонную мебель. Я все время чему-то учусь и без страха и сомнения пользуюсь ударной дрелью.

В наш последний разговор Бетти сообщила, что знает о том, что я взяла напрокат болгарку, а на автомобиль установила фаркоп.

Ты и я, два местоимения

Я высадила больше тысячи березок по периметру вновь возведенной ограды. Когда позвонила папе и рассказала ему, что купила двадцать саженцев сибирской лиственницы, которые собиралась посадить вблизи плоских скал в самой северной части угодья, он попросил меня минутку подождать, и я услышала, как он с кем-то переговаривается. Выяснилось, что у него в гостях Хлинюр, который посоветовал высаживать деревца, оставляя между ними промежуток в полтора метра. Мысль о том, чтобы возвести вал, воспользовавшись выкопанными из земли камнями, которые валялись теперь тут и там, посетила меня внезапно. Я стояла посреди лужайки, держа за хвост мышь, которую поймала в доме, и оглядываясь в поисках какой-нибудь лазейки, куда ее можно было бы выпустить, когда у меня в голове всплыла фраза из одной статьи, что я недавно прочитала: *язык — важнейший инструмент человека в борьбе за власть*. Это навело меня на размышления о том, что, хотя моя работа заключается в восстановлении соотношения

чувств и их выражения в рамках грамматической системы, мне все же не всегда удается сделать так, чтобы образы и слова гармонировали между собой. Удивительно и даже нелогично, что на такие мысли может навести мышь, а еще необычнее то, что в следующий момент я уже думала, как бы построить баррикаду из камней.

По словам Аульвюра, ледниковая вода, а вернее, обломки льда, дрейфующие вниз по течению, каждый год вымывают берег примерно на метр.

— Так что пройдет некоторое время, прежде чем река доберется до вашего дома, — пояснил он.

Когда я прикидывала, где можно поставить заслон из камней, первое, что мне пришло в голову, это соорудить плотину у реки. Однако по здравом размышлении я пришла к выводу, что перетаскивать туда камни — долгая и энергозатратная работа, и поэтому решила построить каменный вал возле дома, на лужайке.

— Возможно ли вообще оградить эти обдуваемые всеми ветрами холмы щебня? — спросила моя сестра, когда мы беседовали в последний раз. — Разве ветра не сдуют все, что могут сдуть?

Построить защитную изгородь — это, бесспорно, задача не из легких, но во Всемирной паутине обнаруживается несколько видео на YouTube,

которые показывают способы возведения таких заслонов практически где угодно. Типы горных пород, безусловно, различаются (у меня базальт), так же как и способы постройки, но, по крайней мере, становится понятно, что сначала нужно распределить камни по форме и размерам. Посмотрев видео несколько вечеров подряд, я чувствую, что готова приступить к работе. Сначала я останавливаю выбор на стене длиной двадцать метров, которая бы стала преградой восточным ветрам. Когда сообщаю эту идею папе, он замечает, что я могла бы проводить свои дни, сидя у изгороди из камней с чашкой кофе и вычитывая черновики. Бетти же по телефону подтверждаю, что возвожу защитный вал.

Когда я проезжаю у подножия горы, история повторяется: радиостанция, которую я слушаю, глохнет, и вместо нее в эфир врывается «Радио Апокалипсис». Мужчина, вещающий из радиолы, прочищает горло и объявляет, что прочтет слушателям одиннадцатую главу Книги Бытия о потомках Ноя, которые решили возвести город с башней, что вздымалась бы до самого неба. Поскольку данная тема меня касается, я снова вся превращаюсь в слух. *И сошел Господь посмотреть город и башню… И сказал Господь: вот, один*

народ, и один у всех язык; и вот что начали они делать, и не отстанут они от того, что задумали делать; сойдем же и смешаем там язык их, так чтобы один не понимал речи другого. И рассеял их Господь оттуда по всей земле, и они перестали строить город и башню. Посему дано ему имя: Вавилон, ибо там смешал Господь язык всей земли, и оттуда рассеял их Господь по всей земле.

Странность в том, что, как только гора остается позади и я выезжаю на шоссе, христианское радио смолкает, и внезапно эфир разрывает Уитни Хьюстон с песней *«I will always love you»*.

Утром звонила редактор и сообщила, что поэт подумывает, не переписать ли ему первую часть книги и не изменить ли название с «И слово превратилось в плоть» на «Ты и я, два местоимения» по названию первого стихотворения.

ООО «Ночная бабочка»

Сантехники приезжали еще два раза и подключили воду, поэтому теперь у меня в доме есть как горячая, так и холодная вода. А еще они установили мне уличный кран, так что я смогу протянуть шланг на картофельное поле, которое планирую распахать в будущем месяце, а потом летом поливать грядки. Цель в том, чтобы посеять и морковь, и на подоконнике в кухне у меня на Ойдарстрайти, кстати, уже стоят лотки с семенами моркови.

Даньель оба раза приезжал со своим дядей и проявил немалый интерес к каменному валу, который я начала возводить. Пока мужчины работали, он беседовал со мной, поскольку моя попытка создать защитный барьер вызвала у него любопытство, и он предложил мне свою помощь. Мы болтали, и он рассказал, что его дядя все никак не привыкнет к сильным ветрам и мечтает перебраться куда-нибудь, где климат помягче. Я спросила, появились ли у Даньеля друзья среди сверстников в городке. Он ответил, что друзьями не обзавелся, правда, иногда играет в футбол со

своим ровесником из беженцев. Остальные дети, что живут с ним в одном доме, младше него и ходят в начальную школу. Их мама подыскала работу и трудится уборщицей в школе и в мэрии, так что днем Даньель зачастую сидит дома в одиночестве.

— Иногда мне кажется, что мне здесь рады, а иногда — что нет, — замечает он.

Интересуюсь, как у него дела с исландским, и он отвечает, что выучил слова *stinningskaldi* (сильный ветер) и *endrum og sinnum* (время от времени).

Меня это рассмешило.

Я как раз перетаскивала поросший мхом камень, чтобы водрузить его на изгородь, когда мой многоопытный помощник изрек:

— А я посидел на скале, которой двести шестьдесят пять миллионов лет.

Попутно я обнаружила, что прежде, чем вспахать поле и посеять картофель, а еще разбить огород, мне понадобится почва. Когда я упомянула Хокуну о своем намерении выращивать картошку и морковь, он дал мне номер одного человека, который, по его словам, мог бы предоставить мне кучу чернозема. Тот человек зимой преподает в начальной школе городка, а летом

управляет строительной фирмой ООО «Ночная бабочка» и владеет экскаватором «Катерпиллар». Весной, когда заканчивается рабочий день и наступает белая ночь, он подряжается на экскаваторные работы, которые иногда затягиваются допоздна. Отсюда и название фирмы, как объясняет мне Хокун.

— Я буду заглядывать к тебе *время от времени*, — говорит Даньель, прощаясь.

Верещатник и улица Якасель

Некоторое время я не видела своего соседа с фермы, но на прошлой неделе он объявился, чтобы оценить ход работ. Он заметил, что у меня установлены новые окна, осмотрел вал из камней и констатировал, что я все чаще ночую в доме. Вопреки обыкновению, он не стал мне рассказывать, что кто-то по ошибке выехал на окольную дорогу, пока я была в Рейкьявике, и даже не упомянул о торговце водой, которого он называет то коллекционером воды, то спекулянтом водой, а то и продавцом льда. Вместо этого он поведал, что уже и забыл, когда сухая погода держалась так долго, и спросил, не слышала ли я на днях пожарные сирены.

— Горело мелколесье, — пояснил он. — Именно так и бывает, когда люди сажают деревья.

Я рассказала ему, что слышала, будто загорелась увядшая трава по соседству, а оттуда огонь перекинулся на мох.

— Да, а потом распространился на мелколесье, — подтвердил мой сосед.

Владелец «Катерпиллара» привез чернозем для

картофельного поля и, когда я поделилась с ним идеей сделать лужайку возле дома побольше, сказал, что может раздобыть для меня несколько рулонных газонов. Я также попросила посыпать объездную дорогу галькой и утрамбовать ее бульдозером, чтобы полная ухабин грунтовка выровнялась и «фольксваген-гольф» моей сестры мог беспрепятственно преодолеть последний отрезок пути. Бетти собирается нанести мне визит, чтобы оценить «финансовое вложение», как она выразилась, однако, когда мы в последний раз созванивались, поинтересовалась, не рискует ли она, что гонимый ветром песок поцарапает краску на машине.

Надеюсь, летом она приедет и скажет: «Но тут ведь ничего нет». А я отвечу, что, может, растительности здесь пока и немного, но все изменится. Я покажу ей свои березки, две тысячи штук, и они прорастут среди камней и вытянутся сантиметров на тридцать. Еще я скажу, что у меня на участке есть и верещатник. Разгуливая по своей пустоши несколько дней назад, я обнаружила там гораздо больше видов трав, чем ожидала. И даже сняла на мобильник один бугорок, на котором произрастают дриада восьмилепестная, водяника и тимьян ползучий, чтобы показать

его Бетти.

— Как тебе известно, садовод из меня никудышный, — заявила сестра. — Так что не жди, что я брошусь помогать тебе возводить какую-то там сизифову стену. А при землетрясении она выстоит? — уточнила она.

Кстати, еще она сказала, что ее коллега со станции переливания крови хочет подарить мне две осины из своего сада на улице Якасель, от которых ей не терпится избавиться. Они вроде как не очень большие, так что перевезти их возможно.

«Кафе Фьола»

Когда я захожу в магазин к Хокуну, он с отверткой в руке чинит лампу.

По ходу замечаю, что у «Лавки Фьолы» поменялись название и вывеска: теперь это «Кафе Фьола». Спрашиваю у Хокуна, в чем причина.

— Дела идут не то чтобы очень, — поясняет он, — и Фьола посчитала, что благодаря новому названию ситуация, возможно, улучшится.

Он откладывает отвертку, вставляет вилку в розетку, и лампа зажигается. Хокуну не терпится задать мне кое-какие вопросы, и он начинает с того, что спрашивает, не собираюсь ли я заняться туристическим бизнесом. Если это так, он хочет быть в курсе.

— Эва, моя жена, — ранее Хокун рассказывал мне, что его теща — немка и что имя его супруги пишется через букву *w*, — услышала краем уха от одной женщины, с которой они вместе поют в церковном хоре, что вы намереваетесь сдавать дом рыбакам. Я обмолвился об этом Сайвару, и он предположил, что, вероятно, так оно и есть, — продолжает Хокун.

— Сайвару?

— Плотнику, что выровнял пол у вас в доме и заменил несколько половиц. У нас же все обо всем знают.

Я уверяю его, что сдавать дом не планирую.

Хокун кивает, будто получил некое подтверждение, и начинает извлекать из коробки с бесплатными товарами тостер, кофейник и разную кухонную утварь.

— Имущество покойного, — произносит Хокун в качестве объяснения и несколько мгновений молчит, прежде чем перевести разговор на Даньеля, который, по его словам, относится ко мне с симпатией.

— Мне он тоже нравится, — говорю я.

Хокун добавляет, что дядя больше не нуждается в Даньеле в качестве переводчика и парень периодически заглядывает в мастерскую, проявляя интерес к чучелам птиц.

Когда он заходил в последний раз, я только закончил набивать чучело бекаса, и он расспросил меня об этой птице. Я рассказал ему, что данная особь лишена пигмента, а животным, которые столь заметны, в дикой природе долго не выжить.

Хокун глядит на меня.

— Даньель говорит, что вы подружились.

Я киваю:

— Дядя брал его с собой несколько раз, когда я работала в доме.

Они, кстати, нагрянули ко мне в прошлые выходные и привезли садовую мебель — стол и два складных стула, которые другой клиент водопроводчика собирался выбросить.

— Удивительно, сколько добра выбрасывают люди, — заметил тогда дядя Даньеля.

— Это для твоего сада, — сказал паренек.

Во время одного из визитов Даньель обратил внимание, что дом выглядит пустым, поэтому я купила стол и четыре стула из тика в магазине Красного Креста за пять тысяч крон. По мнению Хокуна, мебель досталась мне почти даром. А в прошлый раз Даньель помог мне побелить потолок.

— Поэтому я и рекомендовал вас в качестве попечителя Даньеля тем, кто работает в главном управлении в Рейкьявике. Я сказал им, что вы бы с ним хорошо обходились. Вопрос в том, готовы ли вы взять это на себя?

Хокун не раз упоминал отделение Красного Креста в Рейкьявике, называя его то головным офисом, то главным управлением.

— А что подразумевает попечительство?

— Вы будете возить его к психологу в город раз в неделю или к зубному, если понадобится, и будете с ним общаться.

Он задумывается.

— Раз уж вы ездите туда-обратно чаще, чем раньше, то могли бы сочетать эти обязанности со своими перемещениями. Я сказал в главном управлении, что вы иногда ночуете здесь, а рано утром уезжаете в Рейкъявик на работу.

Я размышляю, надо ли мне покупать непромокаемый комбинезон, что висит в хозяйственном отделе пекарни, ведь уже два месяца, как нет ни капли дождя, и по прогнозам осадков не ожидается. На небе ни облачка, земля сухая, и березки стоят серые от пыли. Это значит, что, когда я вонзаю лопату в потрескавшуюся почву, там, где собираюсь посадить картошку, поднимается туча пыли, которая застилает мне глаза.

Самец белой куропатки начинает менять цвет и подыскивать место гнездовья на вересковой пустоши. Значит, скоро появится самка.

Дом: жилое помещение с соответствующей мебелью и утварью для регулярного личного пользования

Новые окна с двойными стеклами установлены во всем доме.

Подключено электричество и проведена вода.

Подключено отопление.

Поставлен септик с тремя отсеками.

Пришлось поменять несколько половиц, но большую часть пола мне удалось сохранить как есть.

И тут меня посещает мысль о том, что первичной необходимостью человека является создание своего жилья. Тот, кто теряет дом, сразу же старается соорудить себе убежище, в котором сможет укрыться. В качестве материала сгодится все, что окажется под рукой: древесина, камень, даже клеенка или картонная коробка, песок, высушенный на солнце и смешанный с водой, дерево или древесные ветви — и все это дом.

Человек ищет альтернативную планету

Я дважды отвозила Даньеля к психологу и ждала, пока окончится сеанс. В первый раз мы поехали после сеанса в кафе, а потом — в кино, однако во второй раз папа не захотел слушать никаких отговорок и настоял, чтобы мы поужинали у него. Он приготовил запеченное каре ягненка, а на десерт предложил семифредо[17]. На следующий день у меня были лекции, и вместо того, чтобы отправить Даньеля домой на автобусе, я позвонила его дяде и спросила, можно ли парню остаться ночевать у моего папы, в комнате возле прихожей. Потом я бы отвезла его назад, *когда снова поеду в угодье*. Именно на это, по словам моего переводчика, дядя и согласился.

Даньель выбрал фильм, действие которого разворачивалось в космосе в каком-то необозримом будущем, когда человек, окончательно погубив голубой шарик, на котором жил, искал альтернативную планету, где он мог бы поселиться.

---

[17] Примечания: 17
Итальянский десерт из мороженого с различными наполнителями.

Космические баталии развернулись вокруг ценнейших природных ресурсов — воды и песка, а главными персонажами были подросток и его удивительной красоты мать. Между ними существовала тесная привязанность. В одной сцене сын спасал мать от надвигающейся опасности, в другой она, проявив смекалку, вырвала его из когтей врага. Фильм оказался ужасно длинным, но я стойко досмотрела его до конца, поскольку кино выбирал Даньель. Я подозревала, что его очаровала исполнительница главной роли. Честно говоря, актриса, которая играла мать, поразительно походила на мою маму в молодости.

Фильм шел на английском с исландскими субтитрами, и я беспокоилась, что Даньель не все понимает, но диалогов, к счастью, было немного. А вот звучавшая на полную мощность музыка занимала в картине важное место. Пока кадры сменяли друг друга, мне удалось несколько раз абстрагироваться от сюжета, чем я и воспользовалась, чтобы обдумать свои дальнейшие шаги по разведению сада. Бесцветность на экране навеяла мне мысли о траве, и я приняла решение расширить лужайку и выровнять ее, чтобы получилось футбольное поле.

Во время перерыва я столкнулась с Кляйн-

гюром и Видаром. Я заметила, что Кляйнгюр вопросительно смотрит на два ведерка с попкорном у меня в руках. Я представила ему моего подопечного, который, правда, едва поднял глаза от мобильника. В последние недели я нечасто вижусь со своими коллегами-преподавателями, поскольку появляюсь в университете, только когда у меня есть лекции, по окончании которых я ухожу. Кляйнгюр заметил, что давненько не видит меня в буфете. Он сообщил мне, что на кафедре лингвистики факультета исландской филологии обсуждалась идея собрать группу трекинга с тем, чтобы летом покорить горы, названия которых, по мнению кельтоманов, имеют кельтское происхождение: Эсья, Гекла, Катла, Глаума, Герпир и Ок — перечислил Кляйнгюр.

В конце концов пришли к соглашению сосредоточиться на горах на букву h. «На Геклу[18], конечно, подниматься запрещено по причине нависшей угрозы извержения, — пояснил он, — но в списке есть еще Хельгафедль, Хабнарфьядль, Хердюбрейд, Хаврадальстиндюр, Хаврафедль, Халаскоугафьядль, Хатльбьяртнарстадатиндюр, Хаттфедль, Хестфьядль и Хрутфедль».

---

[18] Примечания: 18
По-исландски Гекла пишется *Hekla*.

Все будет в порядке

На обратном пути мой подопечный рассказывает мне, что во сне он видел, будто тонет.

— Мне снилось, — говорит парень, сидя бок о бок со мной в машине, — будто меня затягивает на дно и я слышу людские голоса, но слов различить не могу, потому что вода накрыла меня с головой и они до меня не доходят.

— Ты не будешь чувствовать себя так всегда, — успокаиваю я. — Тебе станет легче.

— Я все равно не рассказываю психологу все, что думаю. Не говорю обо всем, что происходило в пути.

Он колеблется.

— Девочкам было еще труднее. Обо мне заботился дядя, а у них вообще никого не было, и они не справились.

Потом он интересуется, почему у меня нет детей.

Отвечаю ему, что это не то чтобы мой выбор, просто так вышло.

— Значит, ты не имеешь ничего против детей?

Я улыбаюсь:

— Нет, конечно.

Внезапно мне в голову приходит слово *ómálga* — «не умеющий говорить». Если бы у меня был сын, как у моей сестры Бетти, то, вполне вероятно, его первым воспоминанием обо мне стало бы то, как я записываю его слова. Он бы произносил: *кошечка, упал, привет*, а я бы брала бумагу и ручку и записывала существительные, глаголы, междометия. А став подростком, сын обвинил бы меня в том, что для меня он был предметом исследования: я, дескать, нашел в Сети записи того, как ты цитируешь меня в своих лекциях, а аудитория покатывается со смеху.

— Но дело ведь не в том, что ты не веришь в будущее?

Я гляжу на своего подопечного. Он сидит в куртке и шапке и смотрит прямо перед собой на дорогу.

Отвечаю не сразу, обдумывая слова.

Мне сказать, что *у него есть будущее*? Или что я верю в него? Вместо этого говорю, что все будет хорошо. И добавляю:

— Не беспокойся.

Он глядит на меня.

— Иногда мне кажется, что, поскольку я беженец, значит, я в чем-то провинился.

Мы едем через горный перевал, когда я слышу, как он произносит:

— Но теперь мне все же не так грустно, как раньше.

Единственный звук, что ты будешь слышать, — это вой ветра

Полной неожиданностью для всех оказалось мое решение продать квартиру на Ойдарстрайти и переехать за город, когда в начале мая закончились занятия. Я как раз собиралась принять душ, когда позвонила моя сестра Бетти и спросила, правда ли, что я выставила квартиру на продажу. Завернувшись в полотенце, я отвечала на ее расспросы.

— Только не говори мне, что ты собираешься жить *там*.

— Да, план такой.

— Одна посреди зимы?

— Полагаю, да.

— Единственный звук, что ты будешь слышать, — это вой ветра. Ты не сможешь выбраться из дома, когда все завалит снегом. И никто туда не доберется, чтобы тебя откопать, потому что по дороге будет невозможно проехать.

Я цитирую своего соседа, чьи слова приходят мне на память:

— Мой сосед говорит, что в прошлом году зима

выдалась малоснежной.

— Твой сосед? Этот тот страдалец, у которого овцы?

— Ну да, фермер.

— А он холостой?

— Нет, у него семья.

Я как-то мельком видела его жену, когда она проезжала на «лендровере» по окольной дороге, и мне показалось, что сзади сидели дети.

Слышно, как Бетти что-то отхлебывает из чашки, прежде чем продолжить допрос.

— А темень, что стоит там зимой?

— Ну и что?

— Ты будешь засыпать и просыпаться в кромешной тьме под черным небом. И это будет повторяться изо дня в день.

— Но есть же электричество.

— Ты делаешь себе кофе, погружаешься в правку и тут — раз! — поднимаешь глаза и видишь свое отражение в темном окне.

Она подыскивает слова.

— Папа будет по тебе скучать.

— Мы каждый день разговариваем по телефону.

— А как же ты собираешься читать лекции следующей зимой? Будешь мотаться туда-обратно

по горной дороге?

— Папа предложил мне ночевать у него, в комнате возле прихожей, в те дни, когда у меня будут лекции.

— Ну да, ты же его любимица. Что бы ты ни делала, его все устраивает.

В трубке повисает тишина.

— А когда ты переезжаешь?

— В конце недели.

Возвратный глагол «просчитаться»

Я еду за фургончиком, который перевозит мебель, и, когда сворачиваю на дорогу у подножия горы, с громоздящихся передо мной склонов сползает серый туман, растекаясь по дорожному полотну. Это наводит на мысли об обыкновении поэтов сочинять стихи о тумане, о том, как они сбиваются с пути в густом мареве и *блуждают, потерянные и смятенные*. Предрассветные сумерки становятся одним из важнейших мотивов, когда поэты стареют и чувствуют, что конец близок. Так же как и птицы, что улетают прочь и исчезают.

Я сосредоточиваю внимание на сигнальных столбиках, выстроившихся по краям дороги, беспокоясь, как бы водитель фургончика не просчитался и в тумане не проехал мимо развилки на грунтовку. Теперь я жалею, что не поехала впереди, но туман настолько густой, что обогнать фургончик мне не удастся. (На мгновение я задумываюсь об этимологии глагола «жалеть».) Я больше не включаю радиолу, когда

проезжаю мимо горы, но вспоминаю, что, когда в последний раз слушала «Радио Апокалипсис», в эфире как раз прозвучал возвратный глагол «просчитаться». Выступала женщина, которая, казалось, пребывала в состоянии крайней взволнованности, рассказывая, как она пришла к открытию, что Иисус родился весной, в шестом году до Рождества Христова, то есть за шесть лет до собственного рождения. Уже не знаешь, кому верить, вещала женщина, а потом раздался мужской голос, который заметил, что человек всегда может *просчитаться*, но развивать тему не стал. Это натолкнуло меня на мысль, что употребление данного глагола связано, вообще-то, не столько с математическими расчетами, сколько с неправильными решениями.

Вскоре фургончик сбрасывает скорость и сворачивает с шоссе. Гора тут же исчезает из вида. Река и колья ограды окутаны дымкой, а низкая каменная стена едва виднеется, когда мы приближаемся к угодью.

Водитель помогает мне занести в дом мебель, но оставляет у порога контейнер, где находятся коробки с книгами и другие вещи, которые я, дескать, могу занести и сама, а за контейнером он заедет через месяц.

Естественно, разместить здесь все свое хозяйство у меня бы не вышло. Письменный стол останется у папы, в комнате возле прихожей, а Бетти сказала, что с удовольствием заберет себе обеденный стол. Пара, что купила мою квартиру на Ойдарстрайти, любезно позволила мне оставить там диван.

— Значит, вы переезжаете в жилье поменьше? — осведомились новые хозяева.

Стоя у кухонного окна и вглядываясь в туман, я размышляю о том, что в таких обстоятельствах привычные понятия и знаки теряют смысл. Я насчитываю одиннадцать куропаток, что кучкуются у стены дома. Они уже в своих летних коричневых нарядах.

Мне вспоминается, как, когда я видела Аульвюра в последний раз, он неожиданно спросил:

— Значит, вы подумываете переехать?

~

Ледниковая река струится в небе.
Дом струится в небе.
Гора струится в небе.
Колья ограды струятся в небе.
Саженцы березы струятся в небе.

Если умру я — пожалуйста, оставь балкон открытым

На следующее утро серый туман все еще висит над землей — не сгустками и не дымчатой пеленой, что рассеивается, когда день вступает в свои права, а своеобразным колпаком, сквозь который не проникают лучи солнца.

У меня есть место для книжных полок на одной из стен в гостиной, для маленькой книжной этажерки в углу чердака и для полки у кровати. Это значит, что мне нужно как-то распределить двадцать коробок с книгами. Я достаю их одну за другой из контейнера и извлекаю оттуда содержимое.

Вопрос в том, какие книги оставить, а с какими расстаться.

Стихотворные сборники, что я оставляю себе, расставляю на полке у кровати. Туда же помещаю и тексты пьес с мамиными пометками. «Дом Бернарды Альбы» давали шесть раз при полном аншлаге, пока мама скоропостижно не скончалась на переднем сиденье синего «мерседеса». За три дня до того она позвонила мне и

сказала, что выбрала строчку из стихотворения Лорки, которую, как ей хотелось, высекли бы на ее надгробной плите. Она нашла стихотворение в различных переводах и попросила меня помочь ей выбрать тот, который бы, по ее выражению, лучше соответствовал духу события. В тот раз я читала очередную рукопись, разговаривать с мамой мне было недосуг, поэтому сказала: «Тебе приспичило выбрать эпитафию прямо сейчас? Именно сегодня? Ты действительно хочешь строчку из стихотворения? Может, отложим это пока?» И подумала: «До следующей весны, например, или до Рождества».

Папа несколько раз возвращался к своей последней поездке на автомобиле с мамой и пересказывал мне ее в разных вариантах: то они ехали в театр, а то на ужин к Бетти, мама была то в шубе, а то в фиолетовом шерстяном пальто с поясом. Беседа с мамой, которая сидит на переднем сиденье, всякий раз предстает в новом свете, поскольку папе вспоминаются подробности, которые встраиваются в общую канву: то он ранее что-то упустил, а то увидел случившееся под другим углом. В его памяти вновь и вновь встают последние десять минут маминой жизни в синем «мерседесе», когда ни она, ни папа не по-

дозревали, что эти десять минут последние; когда они свернули на Миклабройт, минут оставалось уже семь, а потом три. И когда папа прокручивает в памяти ту последнюю поездку, он пытается растянуть во времени последние мгновения, что остаются маме, отложить роковой миг, избежать неминуемого. Проявляются новые детали, и возникают другие ракурсы: папа наблюдает машину снаружи, глядя на маму через лобовое стекло, как кинооператор, что снимает фильм; в следующий момент он с водительского сиденья созерцает ее левую щеку и замечает, что мама светится от радости; потом фокусирует внимание на маминых украшениях — якобы тогда у нее на пальце было как помолвочное, так и обручальное кольцо, что необычно, подчеркивает он, поскольку перед выходом на сцену, а иногда и на все время репетиций мама снимала обручальное кольцо, на что папа обижался. Но вот в тот вечер, по его утверждению, надела оба кольца и серьги из белого жемчуга, которые папа подарил ей на Рождество. Это оказались последние десять минут маминой жизни, но ни она, ни папа того знать не могли. Все, что мама делала в тот день, происходило в последний раз, о чем они не знали; накануне она вышла на сцену в последний раз и удалила с лица

грим в последний раз, сама того не ведая.

— Она была радостной, — повторяет папа, — а потом вдруг умолкла — просто замолчала, и только ее голова немного свесилась. Я дотронулся до нее и сказал: «Стелла, все хорошо?» Сразу остановил машину и снова окликнул ее: «Стелла!» Попытался ее растормошить… Но она уже ушла.

— Знаю, папочка, — говорю я тогда.

— Я вызвал скорую помощь — врачи старались ее реанимировать. Они перенесли ее в машину неотложки, сняли с нее пальто и попытались привести в чувство.

Постепенно его рассказ становится все бессвязнее.

— Я им мешал, — говорит он, расстроенный тем, что его попросили отойти в сторону. Это была больше не его Стелла, она принадлежала этим незнакомым людям, которые выполняли свою работу. — Они увезли ее и оставили меня там одного, — поясняет папа.

Я уже знаю, что он скажет дальше.

— Величайшая актриса Исландии не хотела бы ни от кого зависеть. Моя Стелла точно не хотела бы.

— Я знаю, папа, — повторяю я. — Мама не хотела бы ни от кого зависеть.

Все пересказы маминого ухода заканчиваются одинаково.

— Она выбрала себе эпитафию — строчку из стихотворения: *Если умру я — оставьте балкон открытым*.

— Да, это Лорка, — киваю я.

Тут наступает черед финальной сцены.

— Когда я в одиночестве вернулся домой, дверь на балкон была открытой. Стоял первый день лета[19], все запорошило снегом — даже на полу в столовой лежал снег. Возле маминого стула был белый налет.

(На самом деле первый день лета уже прошел, поскольку было двадцать девятое апреля, правда, метель разыгралась сильная.)

Недавно совокупная картина пополнилась одной подробностью:

— Горшки с цветами на балконе были засыпаны снегом, но на следующее утро я заметил, как из-под снега выглядывает фиолетовый крокус. Он был такого же цвета, что и мамино пальто в тот последний вечер.

Папа ездит на электромобиле, и ни садиться за руль синего «мерседеса», ни продавать его

---

[19] Примечания: 19

Первый день лета празднуется в Исландии в первый четверг после восемнадцатого апреля.

он не хочет, так что тот уже шесть лет мертвым грузом стоит в гараже. По словам папы, если он простоит там еще пять лет, то его можно будет зарегистрировать в качестве ретромобиля.

~

Если умру я —
не забудьте оставить балкон открытым.

Если умру я —
держите балкон открытым.

Если умру я —
оставьте балкон открытым!

Если умру я —
оставьте открытым балкон!

Небо ступило на землю

Засушливый период закончился, неделю стоял туман.

Небо ступило на землю, и контейнер с коробками книг, оставшийся у дома, окутан дымкой. Воспользовавшись паузой от работы на открытом воздухе, я раскладываю книги в три стопки: оставить, подарить и выбросить.

Доведется ли мне скучать по книге об историческом синтаксисе, которую я заказала за границей по отличной цене, когда училась в аспирантуре? Я беру книгу в руки. Захочется ли мне когда-нибудь снова перелистать ее? Стану ли я безуспешно ее искать на книжной полке? Есть ли в ней что-то такое, чего мне будет недоставать? И вообще, что бы я сохранила, если бы мне позволялось оставить только одну-единственную коробку из всех тех, что скопились за всю мою жизнь? Допустим, в случае, когда мне пришлось бы внезапно покинуть свой дом? Будь у меня на сборы четверть часа, я бы, вероятно, не смогла мыслить логически и схватила бы первое, что попалось под руку: видимо, взяла бы наполовину пустую упаковку

печенья, раз уж она лежит на столе, а будь у меня маленький ребенок, прихватила бы памперсы и бутылочку с соской и не задумываясь сунула бы в чемодан потрепанного плюшевого кролика, потому что малыш засыпает только с ним в обнимку. Из кухни я бы прихватила только сухое молоко, а если бы стояла зима, одела бы ребенка в утепленный комбинезончик и шапочку бы не забыла. В последнюю секунду схватила бы с его кроватки подушку с жирафами и запихнула бы ее в сумку. Потом забежала бы обратно в дом за мобильником, но забыла бы зарядное устройство. Больше бы я ничего не взяла и покинула бы дом в трениках и видавшей виды футболке, которую надела с утра, поскольку собиралась провести день дома с малышом. Только наскоро накинула бы куртку и прихватила бы варежки ребенка, но не свои.

Я кладу книгу в коробку, которую помечаю: *подарить*. Туда же отправляются издания по психологии речи и когнитивной лингвистике, о физических свойствах звуков и влиянии социума на язык, о языковом строе и функциональности, о морфологии и анализе речи, а также о компьютерной лингвистике.

Тут я вспоминаю, что в одной из коробок долж-

на быть антикварная Библия моей прабабушки, которая работала секретарем в компании морских перевозок «Эймскип». Библия досталась ей по наследству от ее матери. Ну и поскольку одна мысль тянет за собой другую, ко мне приходит смутное воспоминание, что когда-то я писала статью о том, как в старых переводах Библии на исландский передавались названия экзотических фруктов и растений, что на нашем острове не растут. Я пытаюсь вспомнить, фигурировали ли в прабабушкиной Библии финики, и трачу вечер на то, чтобы отыскать статью. Если память меня не подводит, в исландском переводе Второй книги Самуила[20] царь Давид и его окружение ели не пирог с финиками и пирог с изюмом, как в оригинале, а мясо, которое заливали вином, как того требовали королевские обычаи в древних сагах. Также я обнаружила, что долгое время проблему для переводчиков представлял лук и что не существовало ни слова «лук-порей», ни «чеснок», так что эти наименования были просто-напросто опущены в переводе. А одно и то же слово — *apaldur* — использовалось для обозначения и яблони, и всех остальных фруктовых деревьев.

---

[20] Примечания: 20

В христианской традиции соответствует Первой и Второй книге Царств.

Груды журналов и папок, содержащих статьи и доклады, занимавших целые полки на Ойдарстрайти, отправляются в контейнер для макулатуры. А как мне поступить с кучей визиток, что я так и не успела раздать? Их напечатали по двести штук на каждого преподавателя на факультете, но, помнится, мне пригодились из них только две-три на конференциях по вымирающим языкам.

Я так старался, чтобы выучить все эти слова

Я сижу у кухонного стола, работаю и, поскольку я в наушниках, стука в дверь не слышу. Внезапно передо мной возникает Даньель.

— Привет! — здоровается он.

На нем толстовка с капюшоном, и, по его словам, он добрался автостопом.

— По туману? — спрашиваю я. — В толстовке? А куртка твоя где?

Я думаю о том, насколько узка та дорога, что проходит у подножия горы, и как трудно разглядеть пешехода в таком тумане. Свои опасения произношу вслух:

— Ты мог попасть под машину. Долго шел? Кто тебя подвез?

Он отвечает, что немного прошел пешком, когда остановилась какая-то женщина и предложила его подвезти. Уточняю у него, не забыл ли он пристегнуться.

Он глядит на меня с улыбкой:

— Ты обо мне беспокоишься.

— А дядя знает, что ты здесь?

— Он мне, вообще-то, не дядя.

— А кто же?

— Папин друг. Папа попросил, чтобы он взял меня с собой.

— В любом случае тебе нужно ему позвонить и сказать, что ты здесь. Передай, что ты у меня поужинаешь, а потом я отвезу тебя домой, — добавляю я.

Позвонив, Даньель ходит по комнатам и разглядывает обстановку. Он поднимается и на чердак и возвращается вниз только некоторое время спустя.

— Есть еще одна кровать, так что я мог бы заночевать здесь, — говорит он. — Тогда тебе не придется отвозить меня обратно. Папиному другу все равно.

Потом Даньель спрашивает у меня о контейнере, что стоит возле дома, и предлагает свою помощь, чтобы занести коробки в дом и достать из них книги. Пока я готовлю еду, он рассматривает расставленные на полке книги и, как я замечаю, берет толковый словарь исландского языка и перелистывает его. Приподняв словарь, он интересуется, сколько слов существует в исландском. Я на секунду задумываюсь и говорю, что их примерно шестьсот тысяч.

— А сколько, по-твоему, слов хватает для жизни? — Он стучит пальцем по обложке словаря, чтобы придать вес своему высказыванию.

Объяснить ли мне ему, что, согласно последним исследованиям, для выражения своих мыслей люди используют все меньше слов, а число тех, кто употребляет более пятисот слов, постоянно сокращается? И открыть ли ему, что лишь пятнадцать процентов взаимодействий между людьми выражается посредством слов? Взять хотя бы Торвальдюра — маминого брата, который целых десять лет прожил на другом континенте. Если верить ему, для беззаботной жизни он обходился двадцатью словами. Торвальдюр был твердо убежден, что именно по причине языка люди и не понимают друг друга.

— Трудно сказать, — отвечаю я Даньелю.

— По-твоему, четырехсот слов хватит?

Я готовлю лазанью для парня, который помытарствовал по миру и выучил слово *stinningskaldi* — «сильный ветер в шесть баллов», хотя оно ему совсем не требуется, даже если этот ветер дует ему в лицо. Не пригодится ему и то знание, что существует более ста наименований ветра в зависимости от того, откуда он дует, сухой он или влажный, холодный или мягкий.

— Четыреста слов могут тебя далеко завести, — подтверждаю я. (И зачем это «далеко завести»?)

— Значит, есть куча слов, которые не используются?

— Да, можно и так сказать.

Даньель открывает словарь на первой попавшейся странице, тычет пальцем в первое попавшееся слово и спрашивает:

— Ты когда-нибудь употребляла это слово?

Я бросаю взгляд на страницу:

kindarlegur: овечий; простодушный; смущенный.

— Да, употребляла.

— А это?

Мой взгляд опускается за его пальцем на несколько строчек вниз:

kindasnapir: пучки травы, которые овцы выбирают из-под снега.

— Так сразу и не вспомню, употребляла ли я когда-то это слово, — говорю я. — Разводи я овец, как мой сосед, может, я им бы и пользовалась.

Предлагаю Даньелю забрать словарь себе и добавляю, что его подарили на мой день рождения, когда мне исполнилось десять лет.

— Значит, он старый и может считаться антикварным?

Я смеюсь:

— Возможно.

Даньель садится на плюшевый диван, и я чувствую, что ему что-то не дает покоя.

— Он больше не хочет здесь жить.

— Кто больше не хочет здесь жить?

— Папин друг. Он хочет уехать. И они все — вся семья, что живет в доме. Они хотят переехать.

Я открываю кран и наполняю стакан водой.

— И куда они поедут?

— В Германию или Канаду.

Он смахивает с глаз челку. Потом встает, подходит к окну и глядит на улицу.

— Я так старался, чтобы выучить все эти слова.

Я отхлебываю.

— Когда он планирует уехать? Папин друг…

— Он еще не знает. Ему надо накопить денег.

Даньель колеблется.

— Я хочу, чтобы кто-то обо мне заботился. Я хочу, чтобы кто-нибудь ворчал, если я выйду на улицу без куртки.

Он выучил новое слово: *ворчать*.

Изгиб позвоночника

Я перетаскиваю коробку с книгами в магазин Красного Креста и ставлю ее у прилавка. Хокун здоровается и сообщает, что знает о моем переезде.

— Не скажу, что это для нас такой уж большой сюрприз, — говорит он, не вдаваясь в подробности.

Он заговаривает о тумане, который навис и держится всю неделю (такого, мол, давно не видели), и замечает, что и метеорологи ломают голову над столь необычным явлением:

— Похоже, они сами не понимают, откуда такой туман. Говорят, это ни марево, ни изморось, речь идет скорее о загрязнении, что движется с континента к северу через океан и зависает в атмосфере. Но, может, это и вулканический пепел с песчаников, — прибавляет он, качает головой и резюмирует: — Это как смотреть через дно бутылки.

Потом обращается к содержимому коробки и достает из нее книгу, читает, что написано на корешке, наскоро перелистывает и кладет на при-

лавок. Затем берет следующую книгу и повторяет те же действия. Некоторые заголовки он читает про себя, другие — вслух и, быстро пролистав, складывает книги в ровную стопку на прилавке.

— Книжки не для каждого, — заключает он, завершив проверку.

Хокун замечает, что мало надежды на то, что кто-нибудь купит эти книги, и он поместит их в коробку, которую пометит «Грамматика».

— Но предсказать, что понравится людям, невозможно, — говорит он.

Затем интересуется, не собираюсь ли я пойти по стопам предыдущей владелицы и написать книгу:

— У вас видели на столе какие-то бумаги и подумали, что это черновик романа.

— Видели?

— Ну да, Триггви. Электрик, что подключил вам вчера стиральную машину.

Вообще-то, Хокун даже не ждет, что я буду отвечать на его расспросы, а просто делится со мной информацией.

Отставив коробку в угол, где хранятся книги, он сообщает, что хотел бы кое-что со мной обсудить и рад видеть меня сегодня.

Как он и рассказывал, зимой в городок прибы-

ли беженцы. Среди них был и водопроводчик, которого он мне посоветовал и который сделал мне ремонт в ванной, чтобы я могла пользоваться золотистыми смесителями.

— Мы подумали, не могли бы вы давать уроки исландского беженцам, раз уж вы теперь живете у нас по соседству? Их человек десять.

Он поясняет, что известил управление Красного Креста в Рейкьявике о том, что к ним недавно переехала лингвистка, и поговорил со своей супругой Эвой, и все согласны, что я подхожу для этой работы. Они, дескать, полагают, что одного раза в неделю достаточно. На добровольной основе, конечно, подчеркивает Хокун, но мне, мол, предоставят комнату в том же здании, где располагается его мастерская рам и чучел. Он добавляет, что дети младшего возраста уже ходят в начальную школу, так что речь о взрослых и двух подростках. Один из последних — как раз Даньель, хоть он и не в группе, а прибыл сам по себе с дядей.

Уверяю Хокуна, что Даньель уже неплохо говорит по-исландски.

— Ну да, значит, он сможет помогать на уроках остальным, — продолжает Хокун.

Тут я уже собираюсь ответить, что не увере-

на, надо ли обучать людей, которые приехали из регионов, разрушенных войной, и мечтают переселиться куда-то еще, малому языку, на котором говорят в стране, где третьи по силе ветра, а слова изменяются по четырем падежам в трех родах, и *skilja* означает как «понимать», так и «разводиться».

Я могла бы добавить, что уже недолго ждать, пока и наш язык окажется в списке тех, которым грозит вымирание.

Но вместо этого спрашиваю, когда, по его представлению, нужно приступать к занятиям.

— Завтра нет, а вот послезавтра вполне. Ближе к вечеру. Важно, чтобы они могли объясняться в магазинах, — уточняет он.

Я уже в дверях, когда он внезапно вспоминает еще об одном деле, которое меня касается:

— Нам стало известно, что вы дочь Стеллы Бьяркан.

Глядя на меня, он ждет подтверждения.

— Совершенно верно.

— Дочь ее последнего мужа?

Я киваю.

— Который бухгалтер…

Мое стояние на пороге явно указывает на то, что я ухожу.

— И вы единоутробная сестра Бетти, которая работает на станции переливания крови? Той, которая участвовала в соревнованиях по бальным танцам, разведена и имеет взрослого сына?

А я уже и забыла, что в юности Бетти занималась бальными танцами и даже участвовала в соревнованиях.

— Дело в том, что народный театр ставит «Гедду Габлер», и поскольку, будучи дочерью великой актрисы, вы росли в театральной среде, мы подумали, нет ли у вас желания принять участие в постановке?

Похоже, он не шутит.

— Моя Эва играет Гедду, генеральскую дочь. Которая не удовлетворена ни своим браком, ни вообще жизнью, — добавляет Хокун с улыбкой. — Честно говоря, речь идет о маленькой роли, — продолжает он, — а именно о служанке Берте.

Он замечает, что давать ответ сразу необязательно, есть время подумать.

— Репетиции проходят дважды в неделю после работы и на выходных.

Мобильник я оставила в машине и вижу, что Тюра звонила два раза, а еще прислала эсэмэску: Автор отказался от названия «Ты и я, два

местоимения». Новое название — «Изгиб позвоночника».

Вернувшись в Рейкьявик и занеся пакеты с покупками в дом, я звоню Тюре, которая, покашляв, доводит до моего сведения, что автор хочет посвятить книгу своей бывшей любовнице.

Не прерывая разговор, я выкладываю еду в холодильник. С тех пор как Даньель стал регулярно приезжать ко мне в гости, я покупаю то, что ему нравится, и чаще готовлю.

— И он упоминает ее имя? Своей бывшей любовницы?

— Он намерен упомянуть ее инициалы: А. Я. То есть так и будет выглядеть посвящение.

Til einskis: «ни к чему»

Я расставила стулья полукругом в задней комнате Красного Креста. В прозрачном весеннем свете они сидят молча, не снимая куртки. Я обвожу группу взглядом и насчитываю восемь человек: шестеро взрослых и два подростка. Даньель сидит сзади, рядом с прыщавым парнем одного с ним возраста. Водопроводчиков не видать. Я спрашиваю о них у Даньеля, который отвечает, что они работают.

Они бледны и утомлены длинной зимой, и мне приходится прикладывать усилия, чтобы их внимание не рассеивалось. Поучаствовав не в одном долгом заседании, я на собственном опыте знаю, что значит отвлечься и потерять нить разговора. Мне знакомо то ощущение, когда слова будто проплывают у тебя над головой, едва касаясь волос, взгляд становится отстраненным, а голоса сливаются в мутный поток воды. Я знаю, каково это — уйти в себя и что-то упустить.

Сначала представляюсь сама, а потом прошу, чтобы и они представились по очереди. Они повторяют фразы по несколько раз и теперь могут

сказать, как их зовут и откуда они, по-исландски. Даньель внимательно следит за тем, что я говорю, и с интересом кивает. Я чувствую, что он переживает за меня и за то, чтобы все прошло хорошо. Периодически что-то поясняет другому парню, своему товарищу, который, очевидно, не совсем в теме, в отличие от него самого. По мере того как проходят минуты и беседа становится более оживленной, в нее втягивается все больше участников.

Даньель дожидается, пока все уйдут, и выходит вместе со мной. Я выключаю свет и закрываю дверь на ключ. Он замечает, что в целом я справилась неплохо. Другими словами, мне следовало бы справляться получше. В магазинчике мы покупаем мороженое и несколько раз проезжаем туда-обратно по главной улице, прежде чем я подвожу Даньеля к его дому. У подъезда припаркована машина, так что сантехники, видимо, уже вернулись. Несколько минут мы сидим в автомобиле, болтаем, и Даньель сообщает мне, что те двое не пришли на урок, поскольку планируют переезд и полагают, что смысла заниматься исландским нет. Жена коллеги, мол, устала на работе и хотела остаться дома с детьми. Он поясняет, что они зачастую едят все вместе

и женщина заботится о том, чтобы он питался нормально, поскольку растет.

Я благодарю Даньеля за помощь на уроке и говорю, что он хорошо объясняет, на это он отвечает, что иногда помогает присматривать за детьми и серьезно подумывает о том, чтобы работать в детском саду. Потом рассказывает, что упражнялся в склонении слова *enginn*, «никто», «ничто» или «никакой», и ему кажется странным существование стольких форм у слова, которое, по сути, означает отсутствие кого-то или чего-то. Он достает свой блокнот и показывает мне парадигму склонения, расписанную по колонкам, одну под другой, в единственном и множественном числе мужского, женского и среднего рода и во всех четырех падежах: никто, никого, никому, ничей и так далее…

enginn
enginn
engum
einskis

engin
enga
engri
engrar

ekkert
ekkert
engu
einskis

engir
enga
engum
engra

engar
engar
engum
engra

engin
engin
engum
engra

В ожидании, пока туман рассеется, промерзлая земля оживет, а почва наполнится дождевыми червями, я предпринимаю третий штурм новейшего детективного романа министра сельского хозяйства. Редактор и корректор другого издательства, с которым я сотрудничаю, в последние недели переписывали его не покладая рук. Я замечаю, что от внимания корректора ускольз-

нуло выражение «в мгновение ока», в котором министр допустил опечатку в окончании слова «мгновение»: «он появляется в мгновении ока, а на рукаве его рубашки кровь». Забив «в мгновении ока» в поиск, обнаруживаю, что та же ошибка присутствует ни много ни мало в девяноста местах. Роман живописует водителя министра, которого находят убитым у горы Ульварсфедль. Я размышляю, надо ли мне предлагать какие-то варианты, но я не уверена, что они совпадут с авторским стилем министра.

Он появляется мгновение спустя, а на рукаве его рубашки кровь.

Он появляется через пару секунд, а на рукаве его рубашки кровь.

Он появляется почти сразу, а на рукаве его рубашки кровь.

Тут, бог знает почему, мне на ум приходит собака Аульвюра. Она беспрестанно вертится вокруг меня мелким бесом всякий раз, когда ее хозяин заявляется взглянуть на то, как идет работа. Она требует внимания и лает, пока я ее не поглажу.

В прошлый раз сосед сказал, что его собака — чистокровная исландка.

Язык мой, признание в любви

Позвонил Хокун и доложил, что интерес городка к грамматике оказался больше, чем он предполагал, и он уже продал львиную долю тех книг, что я ему принесла, в связи с чем спросил, не нужно ли мне избавиться еще от чего-нибудь такого. Вот я и еду к нему с очередной коробкой в багажнике.

Действительно, находясь в городке, я не могла не заметить повышенного интереса к языку. Не так давно возле холодильника с молочными продуктами в продовольственном магазине одна женщина захотела поделиться со мной своим любимым словом: *ljúfsár* — «горько-сладкий». Она сказала, что собирается предложить его в качестве слова года в программу о языке, которую передают по радио в полдень. Два других покупателя, что были в тот момент в магазине, присоединились к беседе. Мужчина, который задержался возле холодильника с газированными напитками, сообщил, что хочет отправить слово *slabb* — «слякоть», и спросил, что я об этом думаю. Люди стали называть и другие слова,

которые им импонировали, но которые редко услышишь, и интересовались моим мнением на их счет. Особенно мне запомнился один старичок (кстати, похожий на Торвальдюра, моего дядю с маминой стороны), который заговорил со мной в банке и спросил, известно ли мне слово *flapur*, обозначающее резкие порывы ледяного ветра. Он выразил сожаление, что это слово вышло из активного употребления и вместо него говорят *strekkingsvindur* — «крепкий ветер в семь баллов». Однако *flapur*, замечает старичок, в основном встречается в составе сложных слов: *vindflapur* — «шквалистый ветер», *kuldaflapur* — «порыв холодного ветра», *norðanflapur* — «порывистый северный ветер». Бывало, люди останавливали меня и на улице, потому что обратили внимание на то, как какой-то политик неправильно склонял некое слово в телеинтервью. А недавно Гердюр из банка выразила обеспокоенность по поводу того, что сослагательное наклонение уходит из разговорного языка, *исчезая как мираж*. (Именно так она и выразилась: *исчезая как мираж*.)

— А мне всегда так нравилось сослагательное наклонение, — покачала она головой.

Проезжая по мосту в окрестностях городка, я замечаю, как на полосе прибоя вырисовывается

кит — огромная черная глыба. Хокун упоминал по телефону, что, когда туман наконец рассеялся, на взморье заметили кита, прямо напротив «Кафе Фьола». Он добавил, что животное, видимо, выбросилось на мель, пока жители городка спали.

Это событие наводит меня на мысль о том, что в последнее время в рукописях, которые я вычитываю, речь зачастую идет о китах, особенно тех, что выбросились на мель. Если подумать, можно даже сказать, что, если исландские писатели не пишут о деревьях, то они пишут о китах. Не так давно я прочитала черновую копию одного романа, где стая китов по неизвестным причинам приблизилась к суше и некоторые из них выбросились на берег. Книга вышла из-под пера акушерки, и в ней также описывались роды у китов.

Прежде чем направиться в магазин Красного Креста, я заглядываю в пекарню, где покупаю кофе и новые рабочие перчатки. Как и следовало ожидать, вся беседа вертится вокруг кита. Женщина, меня обслуживающая (Элинборг Б., не путать с Элинборг К., которая работает в школьной библиотеке), говорит, что это уже третий кит, выбросившийся на мель в нынешнем году, и самый крупный. Мужчина, стоящий передо мной

в очереди, сообщает, что специалист из Рейкьявика осмотрел животное и, по его заключению, речь идет о самке длиннорукого полосатика, или, как его еще называют, кита-горбача.

— Эксперт полагает, что ей лет тридцать и у нее недавно родился теленок, — поясняет мужчина. — Вероятно, у нее возникла какая-то проблема с беременностью.

Элинборг Б. (свояченица Хокуна) кивает и говорит, что есть также предположение, будто кит стал жертвой загрязнения пластиком.

Хокун помогает мне извлечь коробку из багажника и занести ее в магазин. Он тоже опечален судьбой кита и ожидает, что о выбросившемся на берег животном расскажут в новостях по телевизору.

— Вероятное объяснение смерти кита в присутствии подводной лодки, из-за которой у животного сбилось восприятие глубины, в результате чего оно чересчур приблизилось к суше и выбросилось на мель.

Вынимая книги из коробки и расставляя их на полках, Хокун повторяет, что интерес к грамматике в городке оказался на удивление большим, и начинает перечислять книги, которые он уже продал.

— Гердюр, кассир из банка, приобрела «Генеалогию языка», а Фридюр из продовольственного магазина — собрание эссе «Грамматика — это совсем не скучно». А незадолго до того, как вы пришли, я продал Элинборг К. «Язык мой, признание в любви».

Да и иностранная специализированная литература пользуется успехом, и он продал кое-какие сборники научных статей на английском, в частности материалы конференции «Disappearing and Extinct Languages»[21].

Хокун задумывается:

— Честно говоря, до сего момента я даже никогда не слышал об историческом языкознании.

Значит, мои книги не окажутся в коробке, помеченной «в подарок».

— Я и сам полистал вашу монографию о значении недосказанности в языке. И подумать не мог, что молчание — это «сложная система коммуникации», как вы его определяете. Мне показалось любопытным ваше замечание по поводу того, что одним из самых популярных моментов на государственном радио является пятнадцатиминутный перерыв в эфире в сочельник, перед

---

[21] Примечания: 21
Исчезающие и вымершие языки (*англ.*).

трансляцией мессы из кафедрального собора в восемнадцать ноль-ноль. В связи с этим мы с моей женой Эвой завели дискуссию о том, как могут отличаться паузы друг от друга, и задались вопросом, как долго может длиться молчание между супругами, пока не начнет вызывать беспокойство.

Некоторое время Хокун сосредоточенно расставляет книги, и мы храним тишину. Я осматриваюсь и замечаю, что фарфоровые сервизы на столе все те же.

— Эва играет на гитаре, и ей понравилось ваше сравнение паузы в языке с паузой в музыке в главе «Когда шум мира стихает». В начале наших отношений мы иногда читали друг другу по вечерам, но потом долго этого не делали. И вот теперь я ознакомил Эву с вашим очерком о недосказанности, а она прочитала мне вашу статью о междометиях. Мне показалось интересным, что колебание, как вы пишете, происходит из конфликта между логическим мышлением и чувствами.

Опустошив коробку, Хокун выдвигает ящик прилавка и извлекает оттуда книгу:

— Вы оставили ее здесь на прошлой неделе. Видимо, по ошибке. В ней есть посвящение вам.

Он перелистывает книгу в поисках нужной страницы.

— Любопытно, что посвящение — в середине книги. Поэтому, как я подозреваю, вы о нем и не знали.

Он поворачивает книгу ко мне, чтобы я могла прочесть, что там написано.

Всегда в моем сердце. Дотронься до луны.

Взяв книгу, убираю ее в карман куртки. Поняв, что развивать эту тему я не собираюсь, он говорит, что слышал о моих планах отремонтировать теплицу. Пытаюсь вспомнить, рассказывала ли я кому-то в городке об этом, но прихожу к выводу, что вроде как нет. Правда, я собрала немного информации, как укрепить теплицу и снизить опасность того, что ее сдует ветром. Ну и конечно, на досуге составила список овощей, какие могла бы выращивать в дополнение к картошке и морковке, если бы у меня была теплица, например те же помидоры и огурцы.

— Говорят, что вы намереваетесь выращивать кабачки на продажу.

Почему он упоминает именно кабачки, мне непонятно.

Даньель продемонстрировал свои таланты в приготовлении простых блюд и как-то вспоминал

о блюде, которое мама готовила ему в его детстве, и, по его словам, там вроде как были кабачки. Мама умерла, когда Даньелю было семь лет, так что его воспоминания о ней смутные. Мы купили единственный кабачок, который продавался в продовольственном магазине, импортный и завернутый в пищевую пленку, и в результате нарезали его кружочками и поджарили на сковородке. Припоминаю, как я, расплачиваясь на кассе, рассказала Фридюр, что прочла в «Вестнике фермера» о женщине, которой удалось вырастить кабачок в горшке на балконе многоквартирного дома в Исафьордюре[22].

— Слухи ходят, и люди складывают два и два, — доносится до меня голос Хокуна.

Пока я находилась в магазине Красного Креста, Тюра прислала мне эсэмэску по поводу того, что стихотворный сборник наконец выходит. *М. С. отказался от заголовка «Изгиб позвоночника» и намерен вернуться к первоначальному названию «Опасные игры». Вместо «Любовная лирика» подзаголовком будет «Любовная элегия»*.

Пока я наполняю бак машины бензином на заправке возле «Кафе Фьола», на улицу выходит

---

[22] Примечания: 22
Город на крайнем северо-западе Исландии.

Фьола в фартуке и с лопаткой для жарки в руке и говорит, что ей кажется поразительным тот факт, что на самом-то деле в девятнадцатом веке исландский язык спасли датчане, когда исландцы намеревались от него отказаться. Она, мол, такого даже и подумать не могла до того, как прочла сборник статей одного моего коллеги, поясняет Фьола.

— Можно сказать, что такие термины, как фонология, компаративная лингвистика, языковая функциональность, анализ речи и исторический синтаксис, теперь у всех на устах, — заключил Хокун, когда мы прощались.

Пу.п

Мне не всегда понятно, в какой мере допустимо править авторский текст.

Не так давно я правила рукопись одного молодого автора, изобилующую биологическими жидкостями, и обнаружила одну курьезную ошибку — точку внутри слова: пу.п. Выяснилось, что то, что я посчитала опечаткой, на самом деле — осознанный выбор автора. Поведи я себя в качестве преподавателя (а я так себя не веду, когда занимаюсь вычиткой), я бы указала некоторым писателям, как можно усилить воздействие текста, поменяв утверждение на отрицание. Я бы привела примеры и показала бы определенному автору, что фраза *Вчера она не пришла, как я и предполагал* вызывает у читателя более сильные чувства, чем фраза *Вчера она пришла, как я и предполагал*. (Этот пример из новой рукописи министра сельского хозяйства.) Я бы могла привести любой другой образчик и сказать, что стихотворная строчка *Пожалуйста, дотронься до меня* слабее, чем отрицание *Пожалуйста, не дотрагивайся до меня*, которое сильнее возбуди-

ло бы любопытство читателя.

— Автор не ты, Альба, — заметила тогда редактор. — Твоя функция не в том, чтобы менять смысл текста (она могла бы добавить, что это их функция как издательства) или чтобы, говоря твоими словами, делать его более интересным.

Однажды она даже намекнула, что мне стоит задуматься о том, чтобы писать самой. Это произошло, когда я переделала кусочек романа Сары С., в котором герой оказался в плену снежной бури, однако редактор решила оставить все как есть.

Со времени переезда я лишь один раз видела моего соседа Аульвюра за рулем квадроцикла на грунтовой дороге. Я опустила окно, и, как и следовало ожидать, он заговорил о густом тумане. Потом, однако, перевел разговор на свою сестру и рассказал, что однажды ночью услышал таинственный крик, которой вроде бы раздался из ее дома. Никакого тому объяснения так и не нашлось.

— Как я и предполагал, Сара сделала вид, что ничего не знает ни о каком крике, когда я поднял эту тему.

Узнав о моем намерении переехать в угодье, Бетти спросила, входит ли в мои планы прово-

дить целый день в молчании.

— Погоди-ка, ты что же, собираешься целый день молчать? Или ты будешь общаться с птицами? С куропатками?

Она подозревала, что в моем одиноком существовании компанию мне в основном будет составлять радио, — и я действительно слушаю радио, когда готовлю еду. Вчера произошло нечто странное: программа, которую я слушала, прервалась, и из приемника раздался треск, похожий на тот, что издавала радиола, когда я проезжала мимо горы. Потом в эфир неожиданно прорвалось «Радио Апокалипсис», которое я не слышала уже некоторое время. Меня охватила злость, но, прежде чем я успела выключить приемник, из него раздался мужской голос, известивший, что в Эдеме существовало два дерева: древо жизни и древо познания добра и зла.

— Человеку следовало оставаться под кроной древа жизни и не приближаться к другому древу, — вещал голос.

Когда я рассказала Бетти о христианской радиостанции, которая нежданно-негаданно возникла в эфире, пока я нарезала лук, и зазвучали отрывки

об Эдеме из Первой книги Моисея[23], сестра спросила, на каком языке разговаривали в райском саду. «Разве это в основном не был монолог Бога? А пара что-нибудь говорила?» — осведомилась тогда Бетти.

Проезжая мимо пансиона у подножия горы, я, по-моему, еще ни разу не видела там туристов или какие-то другие машины, кроме хозяйской.

Внезапно в голове вспыхивает фраза Даньеля, произнесенная, когда мы поехали взглянуть на останки выбросившегося на мель кита:

— У вас выбрасывает на берег не только китов, но и людей.

---

[23] Примечания: 23
Первая книга Моисея — Книга Бытия.

Спасибо, что одолжили перчатки

На дворе тринадцатое мая, и после бесснежной зимы ночью с неба хлопьями валит снег. Когда я просыпаюсь, гора вся белая, до самых склонов, и стерты все ориентиры: исчезли впадины и низины, а под снежным покрывалом больше не видать моих березок.

Мастер заканчивает закреплять последние листы гофрированного железа и в полдень спускается с крыши, без шапки, с заснеженными волосами и белоснежной мантией на плечах.

— Весенний снег, — изрекает он.

Я наблюдаю, как струйки воды стекают у него с волос на шею.

— Вы без перчаток? — спрашиваю я.

Он садится у стола в кухне, достает свой ланчбокс и интересуется, есть ли у меня кофе.

Я набираю в чайник воды и включаю его.

Стук молотка продолжается до самого вечера, словно соревнуясь с непрекращающимся снегопадом.

Складывая свои инструменты, мастер говорит:

— Спасибо, что одолжили перчатки.

Теперь у меня новая крыша.

Сезон любви

Я просыпаюсь среди ночи и вспоминаю обрывок сна, а вернее, слово, которое прозвучало в нем: *nipp* — «вот-вот». Пару мгновений размышляю об этимологии выражения *vera á nippinu*, которое используется, чтобы сказать, что что-то вот-вот случится.

— Ты единственный человек из тех, с кем я знакома, которому снятся рандомные слова, — говорит моя сестра.

Снегопад закончился, и встает солнце — оранжевая полоса вдоль линии горизонта, похожая на сияющий ореол, над которым нависает огромное небо цвета льда.

Я бросаю взгляд на часы — времени 3:30, и у меня в мозгу всплывает словосочетание «звенящая тишина». Я укутываюсь в одеяло, а когда просыпаюсь снова, опять идет снег, и высоко в небе быстро проплывают похожие на обрезки марли, полупрозрачные облачка.

Поскольку я человек свободной профессии, то могу работать в часы, которые для меня наиболее комфортны, и, разумеется, мне не нужно с утра

пораньше вырывать себя из постели.

Я обуваю сапоги, надеваю шапку и вспахиваю картофельное поле.

Потом беру ящик с семенами и высаживаю белесые, покрытые морщинками побеги в ямки, которые заполняю горсткой земли. Я размышляю, что каждое растеньице дает от десяти до двенадцати картофелин.

Стоя посреди поля, слышу тарахтение квадроцикла, и вскоре возле дома возникает мой сосед, а следом за ним — собака со свешивающимся из пасти языком. Пока я сажаю в землю картофель, Аульвюр держится на некотором отдалении и разглагольствует о погоде, которую теперь вообще не понять.

— Все сбилось с привычного, — говорит он. — Зимой снега не дождешься, зато хлещет дождь, все заливает водой и сходят оползни. Потом три месяца держится сухота, когда с неба не падает ни капли, ну а в мае валит снег — и это в самый пик ягнения. В середине января на дворе было плюс пятнадцать, а теперь, в разгар мая, на термометре полтора градуса тепла.

Он жалуется, что несколько овец сгинуло во время снежной бури, и качает головой.

— То, чего не должно бы происходить, повторя-

ется из года в год.

Мой сосед несколько секунд молча наблюдает за мной, и я чувствую, что у него на уме что-то еще. Верно, нечто личное, и он пытается найти способ перекинуть мостик от краткосрочного прогноза погоды, что он в подробностях мне изложил, к тем вещам, какими ему на самом деле хотелось бы со мной поделиться. Он выжидает подходящий момент, который наступает, когда я выпрямляюсь, откладываю лопату и снимаю рабочие перчатки.

— Дело в том, что в семье есть и другие писатели, — произносит он, следуя за мной к дому и мешкая на усыпанном галькой дворе.

— Моя жена написала тут несколько рассказов по зиме и, поскольку вы занимаетесь вычиткой книг, подумала, что у вас, возможно, получится взглянуть на ее творения? И что-то ей посоветовать? По-соседски, так сказать. — Поколебавшись, он добавляет: — Услуга за услугу.

Интересно, что он имеет в виду?

Повисает короткая пауза.

— Идея в том, чтобы назвать книгу «Сезон любви».

Черные облака приближаются — они уже проплывают над горой и совсем скоро окажутся над

моим угодьем и надо мной.

— У жены также есть три неизданных романа и два сборника стихов, — говорит мой сосед.

Спустя три месяца засухи к вечеру наконец-то заряжает дождь.

Дождь проливной.

Целый ливень.

В ожидании радуги я слушаю песню Дэйва Стюарта *«One Way Ticket to the Moon»*.

Грипп

Опустив взгляд на реку, я замечаю человека, который идет вдоль берега вверх по течению, периодически останавливаясь и озирая окрестности. Внезапно он оборачивается ко мне и машет руками. Это орнитолог, он живет в городке, и я пару раз сталкивалась с ним, когда тот наблюдал за куропатками, что обитают на вересковой пустоши. Я зашнуровываю кроссовки и направляюсь ему навстречу. Когда я пересекалась с ним в последний раз, он как раз набрел на останки одной птицы, лапки которой были покрыты белыми перышками. По его предположению, это, вероятно, гренландская куропатка. Он пояснил мне, что их можно отличить по более крупным, чем у исландских куропаток, крыльям и по лапкам с густым оперением. Теперь же он сообщает мне, что получил результаты исследования, которые доказали его правоту: действительно, это гренландская куропатка.

— Возможно, она оказалась на борту корабля на севере Исландии, а может, ее не туда занесло, когда она перелетала с места на место в Гренлан-

дии, — продолжает он.

Потом рассказывает, что исследование крыльев показало высокое содержание вредных веществ в океане. Он перечисляет тяжелые металлы типа ртути, стойкие органические загрязнители, а также радиоактивные материалы, отложившиеся в паковом льде, который, растаяв, выпустил их в океан, спровоцировав отравление птиц и других животных, поскольку вредные вещества проникли в их жировую ткань.

Я вспоминаю, что недавно слышала в новостях об айсберге, по очертаниям похожем на церковь, который откололся от гренландского ледника, и теперь океанские течения несут его в сторону Исландии.

Спрашиваю орнитолога о птичьем гриппе, и он объясняет, что куропаткам пока удается избежать этой напасти. Другое дело перелетные птицы — многие виды оказались под ударом, и в Шотландии погибло большое количество особей, прежде чем они успели отправиться в Исландию откладывать яйца. Можно даже говорить о массовой гибели перелетных птиц, трупами которых усеяна чужая земля.

— Мой шотландский коллега обнаружил восемьдесят два трупа двадцати разных видов

пернатых за один день. Среди них — двадцать пять гуменников, которые должны были прилететь в Исландию на гнездовье. Они все заразились гриппом, — сообщает он.

В моем царстве нет места языку

Звонит папа, и, пока я мою посуду, мне приходит в голову мысль рассказать ему, что мне снова приснился сон, где фигурировала нефть. Включаю громкую связь.

— Мне приснилось, — начинаю я, — что пошел дождь, черный и горячий. И тогда я вдруг поняла, что это вовсе не дождь, а нефть.

Папа находит мой сон *довольно примечательным*, как он выражается, но я чувствую, что он думает о чем-то ином, и наскоро переводит беседу в другое русло.

Он интересуется, почему я отозвала заявку, которую подавала в Исследовательский центр малых языков, и уволилась из университета.

— Этот твой бывший студент, — начинает папа, — он имеет какое-то отношение к тому, что ты ушла с работы?

Я открываю холодильник и достаю то, что нашла в продовольственном магазине и что понадобится мне для приготовления супа.

— Как его звали-то, того молодого человека?..

— Ты о Мани Имире?

— Именно, о Мани Имире.

Я нарезаю овощи и с помощью ножа смахиваю их с разделочной доски в воду, что кипит в кастрюле.

— Бетти говорит, что ваша история с Мани опять в центре внимания.

— Да, верно. Он опубликовал сборник стихов о наших отношениях.

— Ты знала, что издание готовится, когда покупала участок?

Я откладываю нож и накрываю кастрюлю крышкой.

— Знала.

— Мы с Хлинюром это обговорили.

— Что конкретно?

— Я рассказал ему, что на работе ты, сама того не желая, оказалась втянутой в неприятности и пытаешься навести в своей жизни порядок.

Убавляю огонь под кастрюлей с супом и прокручиваю в голове слова «сама того не желая».

— Твоей маме тоже нравились молоденькие.

— Да, ты ведь на шесть лет младше ее?

Папа пропускает вопрос мимо ушей.

— Она дважды от меня уходила. В обоих случаях к более молодым актерам.

— Ты уже рассказывал, папа. Знаю, что для тебя

это было непросто.

— В театре у нее воздыхателей имелось хоть пруд пруди.

Он колеблется.

— Разве недостаточно просто отозвать заявку из Исследовательского центра? Обязательно бросать и преподавание? Отказываться от надежного места работы?

— Я так решила.

— И чем ты планируешь заниматься?

— Ну, люди же меняют работу, папа. Вот и я решила поменять.

— Так я и сказал Хлинюру.

— И что же ты ему сказал?

— Что ты устала объясняться с людьми.

Я издаю смешок.

— Мы с ним пришли к согласию, что людям слишком много приходится объясняться с окружающими, раздавать советы и наставлять друг друга на путь истинный. Не только языковеды исправляют грамматические ошибки, но и геологи истолковывают сдвиги и разломы, а метеорологи вещают об экстремальных погодных условиях.

Выключив конфорку под кастрюлей с супом, открываю кран и наполняю стакан водой.

— Мы с Хлинюром пришли к выводу, что люди

не созданы для того, чтобы вести себя разумно. И что никто не поступает всегда так, как было бы лучше.

«Шекспир»

На просторах интернета я обнаружила информацию о том, что в прежние времена на континенте сельский дом стоял в окружении трех садов: позади дома, со стороны кухни, располагался огород, перед домом — розовый сад, а чуть поодаль — декоративный сад с деревьями и дорожками. Я даже нашла изображение розы сорта «Шекспир», которую у меня, возможно, получится выращивать в будущем.

Из отходов древесины, оставленных мне плотником, я смастерила несколько ящиков для разведения овощей и уже посеяла морковь, салат и посадила как белокочанную, так и цветную капусту. Кроме того, у меня появилась декоративная клумба с синими фиалками на южной стороне дома, и я даже посадила одно вьющееся растение, которое, по словам продавщицы из магазина «Садовод», прекрасно смотрелось бы на внешней стене спальни. (Она, однако, предупредила, чтобы я не питала особых надежд.) А еще мне достался куст красной смородины от коллеги моей сестры со станции переливания крови. Ей

пришлось избавиться от него, чтобы освободить в саду место для джакузи. Это та же коллега, что подарила мне две осины, посаженные ее мужем, которые ей не нравились. Смородиновый куст потихоньку набирает силу, и я подумываю, что следующим летом можно было бы посадить и другие сорта ягод возле каменной ограды. Даньель выказал большой интерес к выращиванию овощей и на листе бумаги изобразил огород, разделенный на участки, надписав, какие сорта следовало бы высаживать на каждом из них. Так что у меня в планах со временем увеличить огород, добавив туда дополнительные грядки. (Нужно, однако, учитывать, что Даньель родом из страны, где лимоны размерами не уступают дыням, поэтому мне пришлось разъяснить ему границы того, на что можно рассчитывать в наших широтах.)

— Будь у нас теплица, мы могли бы выращивать и другие сорта и устроить овощной рынок в городке, — как-то сказал он.

К букету цветов, который я получила от коллег, когда прочитала свою последнюю лекцию, прилагается открытка с репродукцией «Едоков картофеля» Ван Гога.

Свет меняется день ото дня, и теперь светло до

полуночи.

Я выглядываю в окно, вижу на небе три красные полоски, и мне в голову приходят слова «пропитанное кровью небо».

Отпечатки твоих пальцев на всем моем теле

На проводе моя сестра, которая сообщает, что у нее обеденный перерыв. Она интересуется, что происходит.

— Папа говорит, что ты уволилась из университета.

— Уволилась.

— И что ты отозвала заявку из Исследовательского центра?

— Отозвала.

— А это было спонтанное решение?

— Нет, я думала об этом уже давно.

— А как давно?

— Несколько месяцев.

— Значит, если я правильно понимаю, тебе снится мама и картофельное поле и ты покупаешь участок земли, на котором ничего не растет, чтобы посадить там лес. Затем продаешь квартиру на Ойдарстрайти, переезжаешь на эту обдуваемую всеми ветрами каменистую пустошь и увольняешься с работы?

— Мне захотелось что-то поменять.

— Тебе захотелось что-то поменять?

Она повторяет мою реплику и, как я чувствую, взвешивает, чем ей ответить.

— Ты могла бы переселиться туда и дважды в неделю приезжать в университет, чтобы читать лекции. Могла бы ночевать у папы в комнате возле прихожей.

— Я по-прежнему вычитываю рукописи.

— А ты работаешь на себя? Или на ООО «Слова»?

— На ООО «Слова».

Я на пару секунд задумываюсь.

— А еще преподаю.

— Беженцам?

— Да, беженцам.

— В качестве волонтера?

— Да, в качестве волонтера. Еще я занята в кое-каких проектах, — добавляю я.

Вспоминаю о том, например, что так и не вышла из состава комиссии по именам.

Беседуя с сестрой, я листаю рубрику объявлений в «Вестнике фермера» в поисках газонокосилки. В памяти всплывает объявление о продаже газонокосилки, которое я видела на пробковой доске в пекарне, но не записала номер. Учитывая, насколько каменист мой участок, я размышляю, что

мне, вероятно, потребуется косилка с дисковыми стальными ножами.

— Отлично. Ты больше не хочешь читать лекции. А что тогда? Папа говорит, что ты планируешь стать самодостаточной?

— Со временем, да.

— Ты будешь жить на картошке и морковке? В этом дело? Или у тебя в планах и яблони?

Я вспоминаю слова Хлинюра во время нашей последней встречи, когда я ездила в Рейкьявик. Он рассуждал о том, что температура воздуха в северных широтах повышается, что могло бы создать условия для акклиматизации фруктовых деревьев. Он упомянул вероятность появления небольших фруктовых рощ.

— И все это из-за твоего бывшего студента? Того, что пишет стихи?

Я молчу.

— Бога ради, Альба, пускай ты совершила ошибку. Мы все совершаем ошибки. Но ты ведь не единственная преподавательница, которая переспала со своим студентом. Возьми хотя бы Кляйнгюра. А тот специалист по этимологии, который приставал к молоденькой практикантке в кафе? И посылал ей двусмысленные стишки?

— Торгнир. Но он не этимолог, а специалист по

строю языка, — отвечаю я.

«И это были не стишки, а катрены», — мысленно уточняю я.

— Ну да.

— Кляйнгюр же женат теперь, это другое.

Сестра вздыхает:

— То есть, если бы ты вышла замуж за поэта, все было бы в порядке?

Именно это он мне и сказал, когда настиг меня на автобусной остановке после лекции. Я стояла под козырьком, когда он приблизился ко мне и произнес: «Я на тебе женюсь».

— Меня подвел здравый смысл.

— Так это теперь называется? Окей, тебя подвел здравый смысл, и ты об этом пожалела.

Если бы Бетти спросила меня, о чем только я думала, сказала бы ей, что ни о чем. Физическое влечение. Все произошло само по себе. Случилось, и все. Нечаянно. Я могла бы сказать, что во мне жили двое: порыв и разум, язык и тело, слово и плоть — и что я никогда не принимала рациональных решений, когда в игру вступали телесные инстинкты.

— Он был моим студентом. Я воспользовалась своим положением и доверием, которое он питал ко мне, будучи студентом. Это называется долж-

ностным злоупотреблением.

— Тебе так и сказали?

— Да, Торкатла, моя коллега…

— Специалистка по этимологии? Которая мучается от мигреней?

— Она предупредила, что мне нужно быть готовой к тому, что это всплывет.

Мне нужно рассказать все так, как есть.

— Я поставила ему оценку.

— Окей, ты поставила ему оценку. После того, как переспала с ним?

— Нет, сначала он закончил обучение и получил оценку. А потом, летом, я руководила его дипломной работой.

— Пока вы были в отношениях?

— Да.

— И ты поставила ему оценку за дипломную работу?

— Да, поставила, совместно с оппонентом.

В трубке ненадолго повисает тишина.

— Он тобой одержим.

— Откуда ты знаешь?

— Ходят такие слухи. Одна моя коллега занимается йогой вместе с его матерью, и, по ее словам, он сделал себе татуировку, посвященную тебе: *Ты и я, два местоимения*.

— А где?

— На правом предплечье. А еще, когда мать надавила на него, он вроде как сказал, что он такой же, как ты…

— Такой же, как я?

— А ты такая же, как он. Мол, вы одинаково мыслите. Или, как он написал: *Я как она, что дышит глубоко возле меня.*

По звуку в трубке я догадываюсь, что она листает книгу.

— Погоди-ка, у тебя там эти стихи?

— Да, случайно оказались на столе. Я купила себе экземпляр. Не скажу, что книга чем-то примечательна — так, потуги начинающего поэта. Чувства через край. Возьми, например, хоть эти строчки:

Время истекает слишком часто,

истекает утром в четверг, когда ты одеваешься

и говоришь, что впредь не сможешь видеться со мной.

Отпечатки твоих пальцев все еще на всем моем теле;

я сплю в свитере,

что ты оставила

под подушкой…

Я слышу, как Бетти переворачивает страницу, прежде чем продолжить чтение:

Ты повернулась ко мне спиной,
и я созерцал изгиб позвоночника
позвонок за позвонком…

Я прерываю Бетти и говорю, что читать дальше не стоит.

— Он даже не скрывает, что шпионил за тобой, когда ты прервала отношения. Прямо говорит об этом в одном из стихотворений… где это… а, вот… *я преследовал тебя…* а двумя строчками ниже пишет: *я шпионил за тобой в бинокль…* Он что, прятался за кустом на Ойдарстрайти, когда ты подходила к окну?

Беседуя с сестрой, я надеваю свитер и рабочие брюки. Потом обуваю сапоги. Хочу удлинить защитную каменную изгородь, чтобы она опоясала и луг.

— Он ворует твою жизнь, Альба.

— Ну, я не знаю…

— Я спросил, какой твой любимый цвет и что тебя больше всего пугает,

ты сказала: фиолетовый и мои слабости.

Это же ты, Альба. Я знаю свою сестру.

— Он сфотографировал нас на мобильник. Его мама увидела фото. Оно стало известно многим.

— Да, он тебя обманул. Ты доверяла ему. А он всему свету рассказал то, что должно оставаться между любовниками, и положил телефон на видное место. Тебе следовало бы потребовать процент с продаж книги.

Утром я наткнулась на гнездо куропатки, в котором насчитала двенадцать яиц. Во время нашей последней встречи орнитолог как раз упоминал об исключительной фертильности куропаток.

— А другие были?

— Нет, был только этот.

— Поэт?

— Да, поэт.

Прощаясь, медсестра напоминает, чтобы я сдала кровь, когда в следующий раз окажусь в Рейкьявике.

Опасные игры

Любовная элегия

Он позвонил, сказал, что находится поблизости и может заехать.

Бросив куртку на диван, он положил на кухонный стол два апельсина и две шоколадки. Мы сели, между нами лежал черновик его дипломной работы, и я сказала: лучше бы переставить этот параграф сюда. Он потянулся за ручкой на столе, задел меня и извинился. Этот параграф больше подходит сюда, повторила я.

Он смотрит на меня.

Я смотрю на него.

Мне знаком этот взгляд.

Я знаю, что он значит.

Я и хотела, и не хотела.

Мы ничего не говорим, и он встает и быстро оглядывается, будто изучает квартиру, где какая комната, и оценивает расстояния. Я тоже встаю и следую за ним к двери спальни. Мысленно возвращаясь назад, думаю, что, может, первой встала я, а потом он, что к двери пошла я, а он за мной. Но закрыл ее за нами он.

Потом он спрашивает, какой мой любимый цвет и какой зверь меня больше всех пугает.

Я отвечаю: фиолетовый и человек. Тогда он признался мне, что пишет стихи.

В следующий раз мы встречаемся у него, и я говорю: больше я с тобой видеться не буду.

Он снимает жилье вместе с другом, который у своей девушки, и окна занавешены, кровать разобрана, а в комнате темно и не хватает воздуха.

Говорю ему: это неразумно.

Он снимает одежду.

Говорю, что ему ничего нельзя требовать от меня и что ему вполне можно молчать.

Он целует меня.

После чего я говорю, что нам нужно это прекратить.

Это ни к чему не ведет.

Потом он вдруг объявляется на машине своей мамы и произносит: я подумал, что мы могли бы кое-что сделать вместе.

Я смотрю на него: это слишком рискованно.

Он улыбается мне.

Сажусь в машину, и мы едем куда глаза глядят, и он говорит, что у него в багажнике палатка и спальные мешки.

Я помню ухабистый отрезок пути.

Я лежу на лугу, а он срывает веточки вереска с моего свитера.

Впереди вся ночь.

Сообща мы собрали палатку, складываем ее, бросаем в багажник и покупаем кофе на заправке на обратном пути.

Когда мы стояли у прилавка, он гладил меня рукой по спине.

Я говорю: не здесь.

Тогда он снова проводит рукой по моей спине и произносит: я на тебе женюсь.

Он спрашивает, можно ли ему переехать ко мне.

Я говорю: нет, мы не пара.

Тебе нельзя влюбляться в меня.

Я роняю фразу, а он роняет руку.

Я так и знал, говорит он.

Он приходит ко мне и плачет.

Я готовлю ему тосты, прежде чем он уходит.

Он звонит и говорит, что хотел услышать мой голос.

Он говорит: я не меняю простыни три недели, с тех пор как ты ко мне приходила.

Он говорит: понадобится время, чтобы восстановиться.

Я знаю, отвечаю я.

Он говорит: мама увидела то наше фото, что я снял на мобильник.

Когда осенью я случайно вновь встретилась с ним в магазине, он сказал:

я страдал.

Обязательства выгодной дружбы

Неделю спустя кит все еще на берегу, и, по словам Хокуна, это потому, что об останках сообщили по телевидению. Журналистка взяла интервью у морского биолога, и люди хлынули взглянуть на кита. Многие заходят в магазин, так что Хокун продал столовый сервиз на двенадцать персон, торшер, картину с изображением ангелов и люстру. Он указывает на провода, что свешиваются из электрического патрона на потолке, и я констатирую, что люстры действительно больше нет. Однако, несмотря на то что кит вызвал небывалый бум в местной торговле, пора бы, мол, его уже и убрать, поскольку запах распространяется по всему городку.

— Запах, естественно, не из приятных, и он все усиливается, — продолжает Хокун и поясняет, что животное слишком крупное, чтобы его можно было закопать прямо на берегу. Поэтому связались с береговой охраной, и сейчас решается, не вытащить ли труп в море и попробовать ли его утопить. Опасность в том, что он может сесть на мель где-нибудь еще. — Мне показалось

любопытным замечание морского биолога из Рейкьявика относительно того, что у китов разнообразные и сложные взаимоотношения. Эти два слова — «разнообразные» и «сложные» — засели у меня в голове, потому что недавно Эва ни с того ни с сего заявила мне, что взаимоотношения людей *многообразны и сложны*.

Пока Хокун крепит ножку ночного столика, я осматриваюсь в поисках своей библиотеки и замечаю, что «Судьба малых языков в эпоху глобализации» — сборник моих статей, легших в основу диссертации, — так и стоит на полке среди других книг. Вообще-то, на прошлой неделе я видела, как одна женщина взяла книгу, повертела ее в руках, прочла название на корешке и поставила обратно на полку. Трудно описать это чувство точнее, но мне в голову приходят слова одного моего коллеги, который произнес их, похоронив мать, скончавшуюся после тяжелой и продолжительной болезни: «Приятно сознавать, что теперь она в безопасном месте».

— Они улетают как горячие пирожки, — говорит Хокун. — Придется мне попросить у вас еще книг.

На прошлой неделе я продал больше пособий по грамматике, чем детективов.

Поскольку в городке вырос интерес к лингвистике, Хокун решил увеличить цену с пятисот до тысячи крон за экземпляр.

Пару мгновений он молчит; кажется, его что-то гложет.

— Хотите, чтобы я снял с продажи подписанные книги, если таковые снова обнаружатся?

— Нет, спасибо, в этом нет необходимости.

Хокун колеблется.

— Честно говоря, Гердюр из банка купила одну книгу, в которой есть написанное от руки предложение, и отказывается возвращать ее. Она прислала мне фото.

Он вытаскивает телефон и читает:

— *Тебе не одиноко под одеялом без меня?*

Я пытаюсь вспомнить, сколько книг одолжила поэту, пока он работал над дипломом. По мере того как он мне их возвращал, я, не открывая, ставила их обратно на полку.

Хокун убирает телефон в нагрудный карман, снова принимается рассуждать о ките и говорит, что подумал обо мне, когда специалист по китообразным сказал в телеинтервью, что длиннорукие полосатики — одинокие существа, которые испытывают нужду в общении лишь время от времени. Они вроде как связывают себя

обязательствами выгодной дружбы на несколько недель или месяцев, а в остальное время держатся особняком.

— Это выражение показалось мне примечательным, поскольку именно его употребила моя Эва, когда поинтересовалась характером наших отношений. Она спросила, применимо ли понятие «выгодная дружба» к торговле книгами по языкознанию.

На несколько секунд он возвращается к своему занятию, а потом меняет тему и спрашивает, правда ли, что я пою.

— Кое-кто прознал, что в школе вы пели в хоре.

Он улыбается.

— Дело в том, что у нас в церковном хоре не хватает голосов, вот мы и подумали, не хотите ли вы присоединиться.

Хокун добавляет, что отвечать сразу необязательно, мол, у меня есть несколько дней подумать, а затем снова обращается к теме полосатиков и рассказывает, что было любопытно услышать от специалиста и то, что кит передает информацию посредством пения, и мелодия, которую он исполняет, одинакова, будь он хоть у берегов Исландии, хоть в Карибском море.

— Еще он рассказал, что самки не настолько талантливы в пении, как самцы, и объяснил это тем, что самцы прибегают к пению, чтобы привлекать самок. Поэтому для успеха им нужно владеть большим разнообразием тонов, высоких, низких, длинных, коротких. А вот самка, даже находясь в сотнях километров от самца, по силе самых низких тонов вроде как способна оценить его размеры.

Как и ожидалось, Кляйнгюр получил место, несмотря на то что специализировался по морфологии. Торкатла, моя бывшая коллега, позвонила, чтобы передать мне новость, а также сообщить, что Кляйнгюр находится за границей на симпозиуме по малым языкам. Потом она перешла к другим главным новостям и рассказала, что на последнем заседании комиссии по именам (первом, где я отсутствовала) имя Люцифер было одобрено в качестве второго имени с той формулировкой, что оно соответствует исландской флективной системе.

— Так что вопрос Люцифера больше не стоит, — констатировала Торкатла.

Я собрала в ладонь мертвых мух, валявшихся на подоконнике, и выбросила их в мусор, пока она продолжала перечислять вновь одобренные

имена: Натроус, Файви, Спрехт и Адель.

Последней, но не менее важной оказалась новость о том, что среди преподавательского состава распространился интерес к лесонасаждению, и была поставлена цель поучаствовать в проекте «Облачим нашу землю в березовые рощи, как в эпоху заселения».

— Планируется на эту осень организовать экспедицию для сбора берез, — поясняет Торкатла.

Я будто слышу слова Хлинюра: «Это дешевый, но небыстрый способ, чтобы вырастить лес».

Ночь спускается в книгах, но не в реальности

Случается, что я зависаю на одном предложении и даже на слове. Тогда я прерываю вычитку, отмечаю, где остановилась, надеваю рабочий комбинезон и выхожу достраивать каменную изгородь, которую решила сделать длиннее. Так происходит, когда я в третий раз читаю выражение *А потом спустилась ночь* в новом романе Сары С., который мне недавно прислали. Мне не дает покоя тот факт, что, если в переводных романах утверждение «ночь спускается» вполне нормально, в наших широтах дела обстоят иначе. День может быть длинным или коротким в зависимости от сезона, но вот чтобы забрезжил свет или наступила тьма, требуется много времени — чуть ли не вечность. Однако по своему опыту знаю, что, даже отметь я эту фразу в тексте, редактор, скорее всего, не обнаружил бы в ней ничего криминального.

Вернувшись в дом, варю кофе, сажусь за кухонный стол и продолжаю работать с рукописью. Дойдя до последнего предложения четвертой гла-

вы *Она исчезла в ночи*, вновь делаю паузу, встаю и взад-вперед прохаживаюсь по кухне. Тут мне не дает покоя уже не ночь — действие разворачивается все же зимой, когда ночи темные, а глагол «исчезать». В следующей главе уже наступает день, и о ночи, в которой исчезла героиня, больше не упоминается. Причина моего замешательства в том, что, по-моему, не совсем понятно, исчезла ли женщина из поля зрения кого-то — и в таком случае кого? — или ее больше не видно, потому что темно. Ночью много чего происходит: рождаются дети, как и в другие часы суток, немало людей не могут уснуть и выходят прогуляться, другие поздно возвращаются домой с вечеринки по мокрым от дождя улицам (это тоже фраза из Сариной рукописи), множество людей занимаются сексом — тут речь, похоже, идет либо о ранней ночи, либо о начале утра, а еще, по статистике, большинство людей умирают между четырьмя и шестью часами ночи. Я и сама нередко возвращалась домой ночью пешком, одна или в компании, когда из-за облаков проглядывала луна — растущая или убывающая, созерцала Полярную звезду; и чем больше об этом думаю, тем сильнее мне не дает покоя то обстоятельство, что героиня нового романа Сары С. вдруг взяла и исчезла в ночи без

всякого объяснения.

Я решаю отдохнуть от чтения и заехать за Даньелем, который ночует у меня чуть ли не каждые выходные, а иногда и посреди недели. Так что я забираю паренька в пятницу и отвожу обратно к другу его отца в воскресенье вечером, и мы включаем компьютер и вместе смотрим кино. По правде говоря, он оккупировал чердак, но я позволяю ему находиться там сколько душе угодно. С весны он вытянулся, и во время последней поездки в Рейкьявик мы прикупили ему пару брюк. Тогда же приобрели еще и мангал, и Даньель помог мне его установить.

По вечерам уже не темнеет, и, стоя у мангала в фартуке и с лопаткой для гриля, Даньель рассказывает, что из-за света ему трудно уснуть.

— Потому что день вторгается в ночь, — поясняет он.

О своей жизни до прибытия в Исландию он не распространяется, но иногда надолго умолкает, глядя в окно. А потом ни с того ни с сего говорит вслух:

— Папа научил меня плавать. Мы были единственными в семье, кто умел плавать.

Однажды он спросил:

— Может, нам раздобыть телевизор?

Проезжая по грунтовке, мы замечаем копошащуюся массу неоперившихся птенцов куропатки, которые совсем недавно вылупились из яиц. Даньель предлагает остановиться и сфотографировать их.

Все, что красиво

Солнце теперь заходит только для того, чтобы снова немедленно взойти.

Времени половина третьего светлой ночи, и в небе над горой рдеют огни.

Если мне не удается уснуть, я одеваюсь и выхожу поработать на своем участке.

Сейчас решаю скосить траву вокруг дома новой газонокосилкой и в тишине оставляю дверь приоткрытой.

Трава выше не вырастет.

День не станет больше днем.

Я прислушиваюсь.

Единственное, что слышно, это журчание реки и пение птиц.

Природа шелестит и потрескивает.

Птенцы куропатки мельтешат на вересковой пустоши и совсем скоро начнут порхать туда-сюда.

Закончив косить траву, я разуваюсь и, вытянувшись на земле, гляжу в небо.

В голову не приходят ни предложения, ни слова.

Миром овладела тишина.
Сначала был мир, а потом язык.

~

Действия, которые *не* регулируются языковыми нормами.

Гулять на природе.

Работать в саду.

Работать в картофельном пале.

Дышать.

Глядеть на небо над горой.

Слушать птиц.

Секс.

Натиск осадков

Неделю беспрерывно шел дождь, и земля насквозь пропитана водой. Поскольку меж камней вода не просачивается, повсюду образовались пруды.

Метеоролог, которая выступает в новостях, сообщает, что осадки за последнюю неделю оказались обильнее, чем выпавшие за предыдущие полгода (на самом деле с тех пор, как разверзлись хляби небесные в декабре), и что тучи расстелились над страной подобно покрывалу. Прогнозируется, что такая *хмурая* погода сохранится, угрюмо вещает женщина и произносит фразу, которую я никогда не слышала раньше: *натиск осадков*.

— В историческом контексте это очень необычно, — поясняет метеоролог и добавляет, что научная комиссия по климатическим изменениям соберется по этому поводу. — Нельзя ничего ни исключать, ни утверждать, — заключает она.

— От новостей к новостям ученые все более обеспокоены, — изрекает моя сестра.

Вода в реке прибывает день ото дня. Ближе к

вечеру я слышу приближающееся жужжание мотора и вижу маленький самолет, на крыльях которого мигают лампочки. Он пролетает на небольшой высоте над берегом, сначала против течения реки, а потом совершает разворот и летит вниз по течению. Это гидрогеологи, которые отслеживают повышение уровня воды.

Немного погодя, когда я стою в непромокаемом комбинезоне возле каменной изгороди, самолет возвращается и облетает мое угодье. Он пролетает низко над домом и будто машет крыльями в знак приветствия. Я вижу, как из иллюминатора выглядывает женщина, и машу руками в ответ.

Вчера заезжал Аульвюр, чтобы взглянуть на газонокосилку, и я угостила его кофе. Он сообщил, что видел меня в бинокль, когда я посреди ночи косила траву, прежде чем пошел дождь.

Как и следовало ожидать, Аульвюр посетовал на погоду и печальные перспективы сенокоса из-за дождей. Он рассказал, что кое-где река вышла из берегов и затопила только что кошенные луга, а потом спросил, не заметила ли я представителя торговца водой, адвоката на черном джипе, и я ответила, что не видела. Мне, однако, показалось, что в голосе Аульвюра появились новые нотки, когда он заявил, что вода в ледниковой реке течет

в море *без пользы*, то есть в некотором смысле *транжирится*, как он выразился.

Когда Аульвюр уехал, я продолжила вычитку рукописи «Стихов, что помещаются в ладони». Вопреки названию это не сборник стихотворений, а роман о толерантности общества к агрессивному поведению. Автор дважды употребил слово «вздор» в одном параграфе, и это назойливое повторение напомнило мне, как и мой сосед Аульвюр два раза применил слово «предпосылка», говоря о безосновательности того, что ледниковая вода никак не используется, хотя ледник тает *на наших глазах*. Я обратила внимание, что Аульвюр впервые заговорил об электростанции на реке, которая сохранилась в рамках нормативов об использовании энергоресурсов, но теперь могла эксплуатироваться.

Сидя за компьютером у окна в кухне и глядя, как молочного цвета река, извиваясь, бежит среди песков под дождем, я вспоминаю и слова Аульвюра о фабрике по производству льда. «Предпосылка» для увеличения производства электроэнергии — гидроэлектростанция, сказал он, а немного спустя добавил, что «предпосылка» для фабрики льда — увеличение производства электроэнергии. Я тогда подумала, что слово

«предпосылка» не соответствует его языковому стилю. Вслед за тем Аульвюр употребил выражение *отсутствие предпосылок* и сказал, что увеличение *количества выпавших осадков в виде дождя* (еще одно выражение, меня несколько обескуражившее) и есть причина отсутствия предпосылок. Как-то пояснять свое высказывание Аульвюр не стал.

Я отвезла восемь коробок с книгами в магазин Красного Креста, и во время нашей последней беседы Хокун предупредил меня, что, поскольку я не хочу забирать подписанные книги с посвящениями, он решил увеличить их цену до двух тысяч крон за экземпляр.

— Они продаются на ура, — добавил он и пояснил, что читатели крайне взбудоражены вероятностью того, что наткнутся в книгах на сокровенные послания.

Оказывается, Хокун собрал посвящения, которые ему удалось обнаружить с нашей последней встречи. Достав мобильник, он зачитал: *Ты там, а я — там*. Несколько секунд ему понадобилось на то, чтобы отыскать еще одно посвящение, на английском, которое притаилось в материалах симпозиума по малым языкам.

— Вот же оно, — сказал Хокун и зачитал: *To the*

most beautiful linguist in the panel[24].

[24] Примечания: 24
Самой прекрасной участнице лингвистического симпозиума (*англ.*).

Водохозяйственный баланс

Вообще-то, я не думала о внезапной перемене во взглядах Аульвюра до тех пор, пока ближе к вечеру не прокрутила в голове нашу беседу. Мой сосед говорил о безосновательности того, что вода, образующаяся в результате таяния ледника, утекает в море без всякой пользы.

Собака гонялась за своим собственным хвостом и плескалась в лужах дождевой воды, а я глядела в оба, чтобы она на меня не налетела, и вполуха слушала разглагольствования Аульвюра о необходимости построить на реке электростанцию для подачи электроэнергии на фабрику по производству льда. За последнее время собака заметно прибавила в весе и после нескольких попыток столкнуть меня с ног угомонилась. Я волновалась за птенцов куропатки, которые едва научились летать, но их собака оставила в покое.

Бывает так, что в ходе беседы мне не всегда удается сохранять внимание, я отвлекаюсь и теряю нить разговора, потому что застреваю на каком-нибудь слове и, сама того не сознавая, начинаю размышлять о его происхождении и

склонении, об однокоренных словах и синонимах. Так и случилось, когда Аульвюр заметил, что было бы разумно убить двух зайцев, построив электростанцию на реке и воспользовавшись водой для производства льда. В речи, обращенной ко мне и Снати, дважды прозвучало слово «предпосылка». Когда я вспоминаю подробности последнего визита моего соседа, у меня в голове отчетливо звучат его рассуждения о погоде, а вернее, о ее аномалиях, которые, по его словам, будут все сильнее ощущаться *в глобальном масштабе* — еще одно выражение, которое на мгновение сбило меня с толку. Засушливые периоды участятся, продолжал Аульвюр, и некоторые регионы планеты превратятся в пустыни, в то время как на других территориях будут чаще выпадать дожди. Он сказал, что мы якобы станем второй Шотландией, и добавил, что дожди окажут положительное влияние на *водохозяйственный баланс*. Это словосочетание меня особенно изумило в составе фразы *положительное влияние на водохозяйственный баланс*, потому что я слышала, как руководитель одной большой энергетической компании использовал ту же лексику в телеинтервью, когда утверждал, что обильные дожди и таяние ледников окажут

положительное влияние на работу электростанций, которые используют энергию воды: мол, *чем больше сток с ледников*, тем больше вырабатывается и энергии.

Если подумать, Аульвюр не раз упоминал фабрику по производству льда. Он объяснял мне, как суда-рефрижераторы будут доставлять *товар* на зарубежный рынок, и я обратила особое внимание на построение этого высказывания и на слово *товар*. Теперь мне на память приходит и то, что он употреблял слова *производительность* и *создание рабочих мест*, но тогда я не придала этому значения.

Прощаясь, Аульвюр окинул взглядом заливаемый дождем участок и заметил, что песок не менее значим, чем вода, и это показалось мне любопытным. Если я правильно помню, он сказал, что песок важнее, чем обрабатываемая земля.

— В мире не хватает стройматериалов, и черный базальтовый песок ценен, — добавил он.

Теперь я полагаю, что он имел в виду неиспользуемые природные богатства, и, пока мою посуду, размышляю о слове *неиспользуемый*.

Дождь прекратился, и, когда, выключив компьютер, я смотрю в окно, над горой висит двойная радуга. Зеленая трава тянется вверх из песочной

пыли.

Хлинюр: мужское имя собственное и дерево породы клен (acer pseudoplatanus)

Я заметила, что в последнее время романисты склонны смешивать художественную прозу с академическими текстами и еще вкраплять информацию, почерпнутую на просторах интернета. На столе передо мной лежит рукопись романа, в котором есть приложение — «примечания о страданиях белых медведей». Вибрирует мобильник, и я отодвигаю рукопись в сторону. В девять утра звонит папа. После моего переезда в угодье он поначалу звонил мне дважды в день, но потом мы условились говорить один раз во второй половине дня.

— Хлинюр, — начинает папа, и по его голосу я понимаю: что-то не так.

— Все в порядке, папа? — спрашиваю я. Несколько мгновений висит тишина.

— Он скоропостижно скончался сегодня ночью, — говорит папа, и его голос дрожит.

— Кто? Хлинюр умер?

И он рассказывает мне, что его друг с верхнего

этажа не появился в джакузи бассейна «Сюндхетль» в семь часов, как было заведено, и не открыл, когда папа позвонил в его дверь.

— Я подумал, что он забыл надеть слуховой аппарат, и позвонил его дочери Свандис, той, которая медсестра. У нее запасные ключи. Она приехала почти сразу и тут же вызвала полицию. Когда его несли вниз по лестнице на носилках под простыней, он показался мне меньше, чем я себе представлял, и у меня возникла мысль, а Хлинюр ли это вообще, или здесь какая-то ошибка.

Папа подыскивает слова.

— Свандис села в скорую, но потом вернулась и предложила сварить мне кофе. Она сказала, что ночью у Хлинюра, вероятно, случился сердечный приступ.

В телефоне снова повисает тишина.

— Он ведь только что вернулся с Канарских островов? — спрашиваю я.

— Да, два дня назад.

Несколько секунд мы оба молчим.

— Вчера вечером он заглянул ко мне, и мне показалось странным, что он в домашнем халате. Мы сыграли партию в шахматы и говорили о твоих планах посадить лес.

— Да? Вы говорили об этом?

— Хлинюр изъявил желание, чтобы его дерево было у тебя.

— Какое дерево?

— Клен из сада.

— Он хотел, чтобы у меня было дерево из вашего сада? То, которое он посадил? То, которое он привез из Норвегии?

— Из Шотландии. Он хотел, чтобы оно попало к тебе, когда придет его час.

Я слышу, что папа взволнован.

— Он говорил о тебе, когда мы виделись в последний раз. Клен должен быть у Альбы, сказал он и повторил это дважды: «Дерево должно быть у нее, когда придет мой час».

— Он имел в виду, что нужно выкопать дерево с корнями и посадить у меня на участке?

— Да. Он дал мне номер человека из Минлесхоза, который выкопает его с корнями и подготовит к перевозке.

— Хочешь, я приеду к тебе на несколько дней, папа? На выходных у меня будет Даньель, так что к тому времени мне надо будет вернуться.

— Да ничего. Ко мне заглянет Бетти после работы.

Дождь наконец перестал, и солнышко проглядывает из-за облаков, что пролетают по небу, как

вуаль дыма.

— Мы с Хлинюром говорили обо всем, кроме болезней, — произносит папа, прощаясь.

Я открываю окно, новая крыша блестит от дождя. Смотрю на выложенную из камня защитную изгородь, и в голове всплывает фраза из недавней рукописи: *пока флот облаков проплывает мимо*.

Спускаюсь с чердака, но не могу сосредоточиться на тексте. Споткнувшись на слове *надвигающийся* несколько раз подряд и трижды прочтя одно и то же предложение, я выключаю компьютер, встаю и решаю пойти прогуляться. У реки замечаю двух лебедей.

Непросто подытожить жизнь

Когда ближе к вечеру я снова разговариваю с моим папой-бухгалтером по телефону, тот уже начал писать некролог своему другу. Папа спрашивает, могу ли я проверить получившееся, когда все будет готово, и я отвечаю: конечно.

— Непросто подытожить жизнь, — изрекает он.

Я говорю, что понимаю его, и включаю электрочайник.

По словам папы, труднее всего начать, и он просит выслушать два варианта вступления, чтобы я подсказала, какой звучит лучше.

Я опускаю чайный пакетик в чашку и наливаю воды, а папа, откашлявшись, читает:

Жизнь разделена на главы, вернее, на бесчисленное множество разрозненных частей.

— Неплохо. Но зависит от того, что дальше.

На мгновение повисает тишина.

— Другое вступление — отсылка к тому, что мне иногда говорил Хлинюр. Однажды и тебе приснилось, будто он сказал то же самое.

Я убираю молоко и закрываю холодильник.

— И какое же оно?

— *Мы всегда на полпути в нашей жизни.*

— Тоже неплохо. Наверное, тебе стоило бы получше объяснить, что он имел в виду. Ты сам это понял?

— Это был его жизненный девиз.

— И?..

Он говорил о начале и конце и уточнял, что расположенное между ними — это и есть половина пути.

— Да?

— И что пока мы живы, мы на полпути в нашей жизни.

— Понимаю.

— И что произойти может все что угодно, — добавляет он, немного поколебавшись.

Потом папа сообщает, что беседовал со Свандис и, мол, они оба рады, что дерево будет у меня.

— Они подумывают продать квартиру в Квассалейти.

— А клену не нужна защита? Он переживет переезд? Не лучше ли повременить с этим, пока я не дострою защитный вал?

— Вероятно, перевозить дерево будет сложнее, когда оно подрастет.

Потом папа снова переключается на некролог

и говорит, что самая трудная задача — это объединить в одно целое сорок лет в море с ролью деревьев в жизни Хлинюра.

— Хлинюр планировал путешествие по хвойным лесам Сибири на свое восьмидесятилетие следующим летом.

Улегшись в постель, я размышляю, что мне всегда было непросто определить, когда в моей личной жизни что-то начиналось и когда точно заканчивалось. Где-то там — на полпути.

Хлинюр Гардарссон любил деревья

Предварительные варианты некролога пришли по электронной почте на следующий день, первое предложение было таким:

Хлинюр Гардарссон любил деревья.

Затем следовало:

У нас был общий сад, но Хлинюр не увидит, как на его лучшем дереве распустится листва в грядущие весны. Сколько весен у каждого человека? Мы всегда на полпути в нашей жизни, говорил Хлинюр.

Папа уже звонил, чтобы объяснить, как построит свой текст.

— После первого параграфа хочу мысленно перенестись в море и рассказать о капитане Хлинюре, а потом вернуться на сушу и перейти к его увлечению деревьями и живописью в часы досуга.

— А Хлинюр рисовал картины?

— Да, рисовал. Деревья.

Хлинюр долго бороздил моря. Он часто говорил мне: «Ледяной океан убивает, Якоб». Но заморские

леса пробуждали в его сердце сильные чувства. Впоследствии он станет казначеем Ассоциации лесоводства Рейкьявика. Хлинюр с удовольствием описывал мне землю, какой она представляется тому, кто стоит на палубе корабля в темно-зеленом море. Он рассказывал, каково это — взять курс на берег и наблюдать, как приближаются холодные горы, что движется, а что замирает, какие ощущения испытываешь, когда вокруг тебя соленая морская ширь, — да, когда ты на полпути в своей жизни. Распрощавшись с морем, Хлинюр стал художником-любителем — он рисовал деревья. Не секрет, что лучше, чем клен белый (acer pseudoplatanus), для него не было деревьев, и не только потому, что Хлинюра первым назвали в честь этого дерева, но и потому, что оно одноствольное и имеет широкую куполообразную крону, это делает его столь же высоким, как и широким, и оно прекрасно заполняет собой весь холст.

Я звоню папе и спрашиваю, действительно ли он собирается оставить букву *z* в слове *bezta* — «лучший».

— Ее уж полвека как отменили, папа.

Закончив разговор, после недолгих поисков в книжном шкафу достаю из него *Íslenzkar*

rjettritunarreglur — пособие по исландской орфографии Хатльдора Кр. Фридрикссона, изданное в 1859 году. Тогда были установлены правила использования буквы *z*, которые оставались неизменными до 1964 года, когда от нее совсем отказались, кроме некоторых мужских имен и, соответственно, патронимов, в которых она по традиции сохраняется, в таких, например, как *Zophoníasson* — Софониассон и *Zophoníasardóttir* — Софониасардоттир[25].

[25] Примечания: 25

У большинства исландцев нет фамилий как таковых вместо них используются отчества-патронимы.

Вот, значит, твое царство

Когда звонит папа, я откладываю в сторону рукопись произведения «Мой кот, Сартр и документ *Excel*» (на полях я оставила пометку: «Кота зовут Сартр?»), дебютного романа молодого писателя, в прошлом году получившего весьма хвалебные отзывы после публикации сборника рассказов. В телефоне слышен шум мотора, но я могу и ошибаться. Папин голос пробивается урывками.

— Везу тебе клен, — улавливаю я, и папа отключается.

Полчаса спустя перед домом останавливается такси, и из него выходит папа в пуховике «Канада-Гус». У него в руке спортивная сумка, которую он ставит на только что выложенную дорожку. Таксист уже вышел из машины и открыл багажник.

— Дорога заканчивается здесь? — спрашивает папа и быстро оглядывает окрестности.

Любопытно то, что таксист при полном параде: синий костюм, белая рубашка и галстук.

— Выкопать корни было немного сложнее, чем я предполагал, — сообщает мне папа. — А когда

обернули корни, дерево никак не хотело влезать в машину. Так что мне пришлось вызвать микроавтобус, и туда оно поместилось, — объясняет он и добавляет, что, прежде чем вызвать такси, он измерил дерево. — Оно подросло на шесть сантиметров с тех пор, как мы снимали мерку в прошлом году, и теперь его высота метр сорок восемь.

Я замечаю, что водителю пришлось опустить спинки сидений, чтобы дерево поместилось в багажник, но самыми габаритными, очевидно, оказались корни, обернутые в зеленую мешковину, а потом в полиэтиленовую пленку. Довершала упаковку лента, по виду малярная.

— Осторожно, — говорит папа, когда мы с водителем общими усилиями извлекаем дерево из машины. И указывает, чтобы мы приставили клен к стене дома.

Достав бумажник и расплатившись с таксистом, папа обходит дом кругом и оглядывается по сторонам. Он исчезает из вида, потом появляется и снова исчезает.

— Мне пришлось попросить вашего папу сесть впереди, чтобы в машину поместились и он, и дерево, — замечает водитель, усаживаясь за руль и заводя мотор.

Развернув машину, он опускает окно и знаком дает понять, что хочет мне что-то сказать. Вижу, как он протягивает руку к бардачку, открывает его и достает оттуда красочную брошюру, которую вручает мне через окно.

Я беру ее.

Потом таксист спрашивает, заметила ли я, какой необычный туман стоял этой зимой.

Говорю, что да, обратила внимание.

А помню ли, какой засушливой выдалась весна?

— Да, помню.

— А ливневые дожди, которые зарядили впоследствии и привели к оползням?

Подтверждаю, что наслышана об обвалах, хотя тогда еще жила в Рейкьявике.

— А майские снегопады?

— Да.

— Несомненно, от вас не ускользнуло, что ветер здесь, в северных морях, о чем свидетельствуют наблюдения, никогда не был столь сильным, как в этом году.

Размышляя, к чему он клонит, я верчу в руках брошюру. Она напечатана на тонкой газетной бумаге, а на обложке красуется фантастический пейзаж, утопающий в удивительном свете или

даже сиянии. В центре бурлит многоводная река. Кажется, что художник нанес на весь пейзаж тонюсенький слой белой краски, будто покрыв его прозрачной вуалью. Почему-то у меня в голове возникает ассоциация с медицинской марлей. Немного трудно приспособиться к углу зрения, под которым сделан рисунок, поскольку ракурс настолько широк, что создается впечатление, словно ты смотришь на землю сверху, с огромной высоты. На обложке заглавными буквами красного цвета набрано предложение *КОНЕЦ БЛИЗОК*, а под ним, тоже красными буквами, — *Так выглядит царствие Божие*. Я открываю брошюру и читаю: Сторожевая башня возвещает Царствие Иеговы[26].

— И что вы собираетесь со всем этим делать? — слышу я вопрос таксиста.

С чем этим? Вопрос крутится у меня на языке, но я воздерживаюсь от того, чтобы уточнить, о чем это он.

У него в руках еще один экземпляр той же брошюры, и он просит меня открыть ее на странице семь, что я и делаю. Там статья под заголовком:

---

[26] Примечания: 26

Международная религиозная организация «Свидетели Иеговы» признана экстремистской, её деятельность запрещена на территории России.

Надо ли что-то предпринимать?

— Вполне естественно, что вы задаетесь вопросом, а нужно ли перестраивать дом? И надо ли сеять картофель и морковь, когда четыреста миллионов тонн тяжелых металлов, растворителей и токсичных веществ — отходов промышленного производства — ежегодно выбрасываются в озера и океаны, а химические удобрения, которые проникают в прибрежные экосистемы, превратили четыреста морских зон в совершенно бесплодные пространства, где ничего не растет по причине нехватки кислорода?

Я оглядываюсь в поисках папы, но он как сквозь землю провалился.

— Представьте, что налетает ураган в двенадцать баллов и МЧС выпускает срочное предупреждение: «Немедленно проследуйте в убежище». Как вы отреагируете?

— Проследую в убежище?

— Именно, вы спрячетесь в надежном убежище.

Я думаю, как бы поскорее свернуть этот разговор, и на пару шагов отхожу от машины с брошюрой в руках. Таксист высовывается из окна:

— В Библии сто пятьдесят три отрывка, кото-

рые отсылают к прошлому, а о будущем речь заходит лишь пятнадцать раз. Вы об этом не размышляли?

Говорю, что не размышляла.

Наконец замечаю папу, который стоит возле каменной изгороди и оглядывает угодье.

— Вот, значит, твое царство, — произносит он. — Завтра подыщем место для клена.

Хлинюр говорил, что, если дерево переживет переезд, тогда оно наверняка укоренится и на новом месте.

Post mortem: посмертно

Кладу брошюру на стол в кухне; оказывается, во время поездки таксист разглагольствовал о неминуемом конце света и с папой.

— Я сказал ему о кончине своего товарища, и он мне напомнил, что *уже не за горами*, мол, мы живем в начале конца. И поспешил сообщить мне радостную весть: очень скоро Бог положит предел всякому злу и превратит землю в рай.

Папа вешает пуховик «Канада-Гус» на крючок и сует руку в карман пиджака, откуда извлекает открытку. Показывает ее мне и говорит, что получил ее от Хлинюра *посмертно*.

— Он отправил ее с Канарских островов десять дней назад, но она пришла только сегодня утром.

На открытке бар у бассейна отеля на фоне красного заката. Такое впечатление, что открытка прошла через много рук. Папа переворачивает ее и читает мне вслух:

— *Лесов на Канарах почти не осталось, а вот лавровые деревья и кактусы растут повсюду. Как и пальмы. Я даже наткнулся на миндальное де-*

рево. Но самую большую радость мне доставила Канарская сосна, которая не похожа ни на какие другие сосны, что я видел. Ветер, дующий из Сахары, освобождает дерево от высохших иголок, но самое отрадное то, что корни у него достаточно глубокие, чтобы противостоять ветрам.

Папа убирает открытку обратно в карман и говорит, что думает остаться у меня на пару ночей, до похорон.

Предупреждаю его, что мне нужно работать, а еще завтра у меня урок в городке.

— С беженцами?

— Да, с беженцами.

— А Даньель тоже в группе?

— Да, он лучший ученик, — отвечаю я с улыбкой. — Хотя он здесь и не так долго, как остальные.

Папа и Даньель виделись почти всякий раз, когда мы ездили в Рейкьявик, несколько раз папа приглашал нас к себе на ужин. Они и в шахматы играли; бухгалтер заметил, что у моего подопечного способности к математике.

Мои ученики уже могут строить предложения и обмениваться элементарными репликами на исландском. Мне кажется, теперь они стали живее, чем вначале. Практикуют язык в пекарне

и, чтобы не заморачиваться со склонением числительных от одного до четырех, покупают пять булочек с глазурью и пять пончиков.

tveirsnúdar (две булочки)
tvo snúða (две булочки)
tveimur snúðum (двум булочкам)
tveggja snúða (двух булочек)

tvær kleinur (два пончика)
tvær kleinur (два пончика)
tveimur kleinum (двум пончикам)
tveggja kleina (двух пончиков)

На самом деле группа уменьшилась на троих человек: выбыл один подросток, товарищ Даньеля, который переехал за границу с родителями, и двое детей помладше, которые ходят в начальную школу. По словам Даньеля, их родители тоже хотели бы перебраться поближе к родственникам, которые поселились в стране с более мягким климатом.

— Я лягу спать на диване и не буду тебе мешать, пока ты работаешь, — говорит папа, доставая из пакета котлеты, банку краснокочанной капусты и горошка и убирая все в холодильник.

Некоторое время он молчит, но я чувствую, что ему хочется о чем-то мне сказать. Он садится на

зеленый диван.

— Много чего важного узнаешь о людях, когда они уходят, — изрекает он наконец.

— Например?

— Хлинюр был не первым, кого окрестили Хлинюром, как он утверждал. И вообще, его звали не Хлинюр.

— А как же?

— Гардар. Я обнаружил это, когда писал некролог и собирал информацию о его бытности капитаном.

— Гардар?

— Да, Гардар Гардарссон. Только во взрослом возрасте он добавил себе имя Хлинюр и стал Хлинюром Гардаром Гардарссоном. Точнее, когда он перестал ходить в моря и поселился этажом выше надо мной. Тогда он представился Хлинюром и сказал, что сад — *это то место, где человек обретает себя*. На самом деле он изменил свое имя только после того, как посадил клен.

Очевидно, что это открытие смутило папу. Может, предложить ему в тексте некролога интерпретировать жизненный путь Хлинюра, основываясь на имени Гардар, которое, кстати, совпадает с множественным числом слова «изгородь», а также, что интересно, слов «сад» и

«буря»? Наверное, не стоит.

— Люди думают, что знают своих друзей, но это не так.

Папа ложится на диван и подкладывает под голову руку.

— Несмотря на сорок лет хождений по морям, Хлинюр Гардар, по-моему, так себя в море и не обрел. Однажды он признался мне, что страдает морской болезнью.

Свою комнату я отдаю в распоряжение папы, а сама отправляюсь спать на чердак. Достаю постельное белье, папа надевает наволочку на подушку и взбивает ее, а я натягиваю пододеяльник на одеяло. Вместе мы расправляем простыню. Спрашиваю его о некрологе, и он говорит, что больше не хочет публиковать его в «Моргюнбладид», а предпочитает сделать это в журнале Ассоциации лесоводства.

— Там нет ограничений по длине текста, поэтому я смогу упомянуть о том, что Хлинюр надеялся дожить до тех времен, когда леса будут покрывать уже не три десятых процента обрабатываемой земли, а хотя бы полпроцента. Но этого ему не удалось.

Забираю с собой брошюру о конце света, листаю ее и получше рассматриваю изображение

на обложке. Вдали виднеются горы, поля и дороги, и если повнимательнее приглядеться, можно различить дома и крошечные фигурки людей, которые работают на земле под голубым небом. При еще более близком рассмотрении можно заметить, что люди одеты легко и опрятно — женщины в длинных платьях, а мужчины — в белых рубашках с засученными рукавами. Похоже, они все радостны и веселы. Прищурившись, я подмечаю, что люди выращивают овощи и фрукты. В правом верхнем углу обложки через просвет в небе пробиваются солнечные лучи, заливающие поля, на которых работают люди. Видимо, художник, создавая эффект тончайшей, прозрачной завесы, смешал золотой и белый цвета, что объясняет, почему пейзаж выглядит так, будто утопает в золотистом сиянии. Разглядывая просвет в небе, я обращаю внимание на стаю крохотных белых птиц, которые парят над землей. По очертаниям они напоминают куропаток, но все же, судя по всему, это голуби. Я открываю первую страницу и читаю: *Вначале Бог сотворил для человека прелестную обитель в Эдемском саду и снабдил его обильной пищей. Некоторое время человек пребывал в саду в полном счастье*.

В тот же момент рядом с моим ухом раздается

жужжание, и я вижу, как к лампочке устремляется муха, а в следующее мгновение обжигает себе крылья.

Не знаю, в котором часу ночи, я просыпаюсь, и мне кажется, будто кто-то прикрывает за собой входную дверь.

Потомки будут крепче родителей

Утром, когда я спускаюсь с чердака, папа уже сварил кофе. Он стоит у плиты с полотенцем на плече и приветствует меня. За завтраком он интересуется, снится ли мне по-прежнему, словно я летаю. Говорю ему, что мне случается видеть сны, в которых я лечу низко над землей, разглядывая окрестности. А иногда во сне я покидаю земную атмосферу. Подумав, рассказываю папе, что в ту ночь, когда умер Хлинюр, мне снилось, будто я парю над своим угодьем, а у каменной изгороди вырос фруктовый сад.

— Там были две яблони в цвету, — припоминаю я.

Папа кивает, и я спрашиваю, не выходил ли он ночью из дома: оказывается, действительно выходил, чтобы подыскать место для клена. Прослушав прогноз погоды от всех метеоцентров во всех уголках страны, он выключает радио, подходит к окну и некоторое время стоит там в тишине, оглядывая участок.

— Хлинюр говорил, что тебе нужно думать о будущем, поэтому дерево не следует сажать

слишком близко к дому. Надо учитывать, что со временем ему потребуется пространство для разрастающейся кроны, создающей тень. Поэтому, если дерево посадить вплотную к дому, может случиться так, что в комнату больше не будет проникать свет, — поясняет папа.

Бухгалтер, кем он и есть по сути, меряет шагами комнату и продолжает излагать аргументы в пользу того, что дерево высотой сто сорок восемь сантиметров должно стоять на соответствующем удалении от дома:

— И если налетит ураган, верхушка может переломиться и угодить прямиком в окно, да и ствол, не дай бог, вырвет с корнем, и все дерево свалится на дом.

Хлинюр, однако, подчеркивал, что с возрастом, когда корневая система становится более разветвленной, дерево становится устойчивее к ветрам.

Папа надевает пуховик «Канада-Гус» и открывает входную дверь, а я следую за ним.

— То, что моему товарищу казалось столь примечательным в клене, это его способность, хоть и с трудом, выживать здесь, несмотря на короткое лето. Он часто повторял, что, если дереву удалось противостоять морозам в первые десять — два-

дцать лет, оно будет долгожителем.

Широкой поступью папа расхаживает по лужайке и подсчитывает шаги от окна кухни. По его предположению, клен, вероятно, приживется, если посадить его вблизи каменной изгороди.

— Хотя, вообще-то, прожить так же долго, как живут аналогичные деревья в других странах, ему не удастся. Там клены и до четырехсот лет доживают, — отмечает папа, глядя в сторону реки. — Ведь иначе ему бы пришлось не поддаваться натиску стихии — всем этим извержениям вулканов и иже с ними.

Луг превратился в футбольное поле, где Даньель с явным удовольствием в одиночку играет в мяч, пока я занимаюсь вычиткой. Периодически я посматриваю на него, и в конце концов он ставит меня на ворота.

— Хлинюр передавал, чтобы ты поливала дерево и подкармливала его известью. Еще он сказал, что потомки будут крепче родителей.

Папа улыбается мне.

— Когда клен подрастет, птицы совьют на нем гнездо.

Мы берем дерево и переносим его вдвоем. Я вонзаю лопату в землю, а папа опирается на дерево.

— Пройдет, однако, еще несколько лет, прежде

чем ты сможешь сидеть под сенью кленовой листвы в лучах вечернего солнца и вычитывать свои тексты.

Я так и жду, что он упомянет *стрекот десяти тысяч крыльев насекомых* над моей головой.

— А потом, осенью, с дерева опадут листья.

— Да, опадут.

— А грядущей весной на ветвях снова набухнут почки, и зазеленеет молодая листва.

Я размышляю, говорит ли папа метафорами, являются ли его слова прелюдией к чему-то большему, например к разговору о жизненном круге или о том, что жизнь разделена на главы, о чем он не преминет упомянуть, а может, это пролог к тому, чтобы поговорить о начале и конце, прежде чем обратиться к самому важному — к мысли о полпути, на котором в жизни находятся все и всегда. Как знать, не цитирует ли он мамины слова, что нельзя заранее распланировать все сражения и баталии, и тогда, хотя я и не раз слышала это из его уст, мне придется сказать: да? Она так говорила? Но вместо этого папа произносит:

— Фруктовый сад, говоришь? Нужно ведь два дерева — мужское и женское, — чтобы они плодоносили, верно?

Ближе к вечеру звонит Бетти, она тревожится,

что у папы выключен мобильник и до него нельзя дозвониться.

— Он у меня.

— У тебя?

— Приехал на такси вчера и пробудет здесь до завтра, до похорон Хлинюра.

— Папа приехал к тебе на такси?

— Он привез дерево.

— Дерево?

— Да, клен, что рос в саду у них с Хлинюром.

— А во сколько обошлась поездка на такси?

— Я не спрашивала.

— А ты не пробовала сбить цену?

— Нет, мне нужно было куда-то поставить дерево, пока папа расплачивался.

— А как он вернется в Рейкьявик?

— Завтра я его привезу. По пути подвезу Даньеля в парикмахерскую.

Я рассказываю сестре о свидетеле Иеговы[27], который привез папу, и о его рассуждениях о конце света.

В трубке ненадолго сохраняется молчание.

— Вполне вероятно, что мир катится к закату,

---

[27] Примечания: 27

Международная религиозная организация «Свидетели Иеговы» признана экстремистской, её деятельность запрещена на территории России.

Альба, а что потом?

— А потом что?

— Тебе, похоже, твоя жизнь видится в новом свете? — Не дожидаясь ответа, Бетти спрашивает в лоб: — Ты собираешься жить там до конца своих дней?

— Не знаю, — отвечаю я. — Может, и не до конца.

— Я, конечно, не шибко разбираюсь в Библии, но, по-моему, человеку не было суждено оставаться в Эдеме на веки вечные. Если не ошибаюсь, он все-таки в конце концов покинул райский сад.

Мысленно возвращаясь к этой беседе, вспоминаю, что Бетти как бы дважды задала один и тот же вопрос: «А что потом, Альба?» Она словно бы спросила: «Ты потеряла себя, да? А что потом, Альба?»

Отель «Укромный уголок»

Папа надел рубашку, которую захватил с собой и выгладил у меня, и завязал галстук. Я замечаю, что у пансиона «Северное сияние» новое название и рекламный щит, который стоит прямо у дороги и также указывает в сторону горы. Теперь на нем значится *Отель «Укромный уголок». Secret escape*[28]. *Friedliches Refiigium*[29]. Хокун упоминал, что пансион продали и новые хозяева надеются перезапустить бизнес летом. На парковке стоит автомобиль, видимо взятый напрокат. Также я замечаю, что кто-то поставил палатку недалеко от места, где сходил оползень, и задаюсь вопросом, не опасно ли это. Вдруг проснешься под завалом? Если вообще проснешься…

По дороге в Рейкьявик мы заезжаем за Даньелем, который молча сидит на заднем сиденье. Папа изъявляет желание послушать новости; радио сообщает, что ежегодно на мировой рынок выпускается две тысячи новых видов электро-

---

[28] Примечания: 28
Тайная обитель (*англ.*).

[29] Примечания: 29
Тихое пристанище (*нем.*).

приборов, среди прочего и утюг, чтобы гладить, не переворачивая одежду. Также сообщается, что армия окружила город, изолировав его жителей от внешнего мира, но, поскольку слушаю я вполуха, не улавливаю, в какой конкретно стране это происходит.

Папа звонит после поминок и говорит, что угощали двумя видами бутербродного торта[30] и дочь Хлинюра Свандис упаковала ему с собой то, что осталось недоеденным.

— Она сказала, что на днях зайдет за тарелкой.

На обратном пути я размышляю о новости, что недавно услышала краем уха: Международный валютный фонд выпустил доклад, в котором говорилось, что, если выбирать из двух альтернатив того, как снизить темпы глобального потепления, предпочтительнее все же спасать китов, нежели высаживать деревья. Объясняется это тем, что в течение жизни каждый кит абсорбирует то же количество углекислого газа, что и две тысячи молодых березок.

Но в идеале нужно бы делать и то, и другое: охранять популяцию китообразных и высаживать деревья.

---

[30] Примечания: 30

Холодное закусочное блюдо на хлебной основе с разнообразными начинками.

ИСА35

Я снимаю перчатки и достаю мобильник из кармана рабочего комбинезона. Звонящий мужчина представляется Лутером Карлссоном и спрашивает, есть ли у меня минутка. Подозреваю, речь пойдет о сборе средств для какой-нибудь организации: помимо того, что я поддерживаю Красный Крест, Исландскую поисково-спасательную ассоциацию и Ассоциацию помощи матерям, еще регулярно покупаю и лотерейные билеты Общества слабовидящих и слабослышащих, Общества инвалидов и Ассоциации людей, страдающих аутизмом. Голос в трубке кажется мне знакомым, и я пытаюсь вспомнить, чей же он.

Долго думать мне не приходится, поскольку сам мужчина поясняет:

— Я таксист, который подвозил вашего папу с деревом на прошлой неделе.

Оказывается, мой номер ему дал папа, вот он и звонит, чтобы узнать, успела ли я ознакомиться с оставленной им брошюрой. Говорю, что заглянула в нее, и тут же жалею о сказанном. Таксист добавляет, что папа сообщил ему о том, что я за-

нимаюсь лингвистикой, и упомянул, что сейчас пытаюсь изменить свою жизнь.

— Я не мог не заметить номер вашей машины, — говорит он.

Наскоро вспоминаю номер своего «пежо».

— ИСА тридцать пять.

— Да, верно, — подтверждаю я.

— Книга пророка Исаии, глава тридцать пятая, стих первый. *Возвеселится пустыня и сухая земля, и возрадуется страна необитаемая и расцветет как нарцисс.*

Я возвращаюсь в дом и снимаю комбинезон.

— Совсем другая история, будь номер машины ЛУК двадцать один, — это отсылало бы к концу света, — слышу я из мобильного.

Раздается шелест страниц, и в ожидании, пока он найдет нужное место в Евангелии от Луки, я открываю холодильник и достаю оттуда сыр и масло.

Таксист прочищает горло, прежде чем зачитать отрывок из Луки 21:10.

— *Тогда сказал им: восстанет народ на народ, и царство на царство; будут большие землетрясения по местам, и глады, и моры, и ужасные явления, и великие знамения с неба.*

Наступает пауза, и у меня мелькает надежда,

что он больше не станет зачитывать пассажи из Библии. Но увы: таксист продолжает в том же духе и хочет, чтобы я послушала о великих напастях из Пятикнижия Моисея. Я ем хлеб с сыром, пока он читает мне о реках крови, о мухах и жуках, что кусают людей, о домашнем скоте, чей падеж случился из-за чумной эпидемии, причиной которой стали дикие животные, и, наконец, о граде, что разрушает деревья и поля.

— И тогда на мир спустилась тьма, — слышу я его слова, и под занавес он просит меня поразмышлять над *словом*, пока он не позвонит мне вновь.

Ближе к вечеру, наводя порядок в кухне, я выглядываю в окно и вижу, что на садовом стуле у клена, где я сидела сегодня, пока не поднялся сильный ветер, что-то шевелится. Сначала мне кажется, что это птица, но, приглядевшись, различаю огромную бабочку. Хватаю мобильник и наскоро обуваюсь. Бабочка продолжает преспокойно сидеть, даже когда я подхожу ближе, чтобы ее сфотографировать. Я пристально смотрю на нее, а она распахивает крылья, чтобы сложить их вновь, и не шелохнется. Голова у нее большая, с короткими черными усиками, а на крыльях — терракотового оттенка узор.

То, что зовется жизнью

Я не ожидала, что редактор позвонит мне снова после того, как вышел сборник стихов «Опасные игры: любовная элегия», который сразу взлетел на третье место в списке бестселлеров в жанре «Современная исландская поэзия».

Мы с Даньелем выходим из продовольственного магазина, когда раздается звонок от Тюры, и, пока я разговариваю с ней, Даньель кладет пакеты с покупками в багажник. Тюра говорит, что не будет меня долго задерживать, и сразу переходит к делу: ей хотелось бы рассказать мне об идее, которая родилась в редакции на этой неделе.

— Я слышала, что ты преподаешь исландский группе беженцев.

— Да, верно. Небольшой группе.

— И ты просишь их писать стихи?

— Откуда ты знаешь?

— У одного из наших сотрудников в том городке есть родственница, которая живет в доме с женщиной, недавно прибывшей в Исландию с двумя детьми и, как выяснилось, посещающей твои уроки. Так вот, родственница увидела ее конспекты

и посчитала, что та вроде как пишет стихи.

Не знаю, насколько это можно назвать стихами. Они всего лишь упражняются в составлении простых предложений.

— В которых описывают свои чувства?..

— В том числе.

— И то, что их окружает?

— И это тоже.

— То есть речь идет об их искренних переживаниях?

— Не знаю…

— Можно сказать, это что-то типа хайку?

— Не уверена, насколько такое определение верно.

В телефоне повисает тишина. Даньель вопросительно смотрит на меня, и я жестом показываю ему, что уже заканчиваю разговор. Он садится в машину.

— Мы в редакции пришли к идее, что настало время исландской литературы беженцев.

Даньель уже теряет терпение и знаками показывает мне, что нам пора ехать. Ему хочется посмотреть финал футбольного чемпионата Исландии по телевизору, который мы купили, когда отвозили папу на похороны.

— Мы, естественно, все отредактируем и под-

правим что нужно. Твоя задача — сделать так, чтобы эмоциональная подача и синтаксис гармонировали. — Тюра понижает голос и чуть ли не шепчет в трубку: — Речь о поэзии, которая описывает, как возможно снести тяготы того, что зовется жизнью.

Я сажусь в машину и завожу мотор.

— Однако мы подумали, что было бы неплохо сохранить в тексте некоторые языковые огрехи, — разъясняет редактор.

Даньель искоса смотрит на экран мобильника, проверяя время, и дает мне знак, что пора сворачивать разговор.

— В качестве названия подошло бы «Стихи в бегах».

Стихи в бегах

1

Я взял с собой
бутылку воды и
телефон,
море соленое, как слезы

(Д., 16 лет)

Я взял с собой
необходимое
воды ботылку
телефон
оставляю
дом мой позади
мамину могилу
кошку
грушу в саду
море соленое, как слезы

(Стихотворение доработано редактором)

2

Здесь всегда ветер,
он все уносит

(Д., 16 лет)

Здесь всегда ветер,
что детство мое уносит
так быстро прочь
в пути утеряна моя невиность

(Стихотворение доработано редактором)

3

Трудно
склонять «enginn», никто и ничто

(Д., 16 лет)

Трудно
скланять ничто
Никогда и всегда
слова, что ни скланяются

(Стихотворение доработано редактором)

4

Надеюсь, не придется больше уезжать

(Д., 16 лет)

Я всегда уезжаю

надеюсь, ни придется больше уезжать

моя боль — боль мира

в эту секунду твой брат совершает убийство

(Стихотворение доработано редактором)

Я подчеркиваю последнюю строку стихотворения в рукописи, присланной мне Тюрой, поскольку мне кажется, что она почти буквально воспроизводит текст эстонской поэтессы Кристины Эхин. Я ищу стихотворение и обнаруживаю те самые слова. Действительно, схожесть очевидна, Кристина пишет: *в эту секунду твой сын совершает убийство*.

Горы и острова двинулись с мест своих, а град, огонь и сера пали с неба

От папы три дня никаких вестей, что на него непохоже, но когда он наконец звонит, рассказываю ему про бабочку, такую большую, что сначала мне показалось, что это птица. Поискав информацию в интернете, я обнаружила, что такой вид называется мертвая голова, это новый *колонист* с размахом крыльев до тринадцати сантиметров, мощным брюшком и характерным рисунком, напоминающим человеческий череп. Видимо, она пересекла океан с потоками теплого воздуха. Я нашла изображение бабочки, подпись под которым гласила, что тот же вид наблюдали на улице Савамири в Рейкьявике в начале лета, о чем я и сообщаю папе.

Папа находит эту информацию весьма примечательной:

— Значит, она сидела возле клена?

— Да, на стуле, что я поставила. — Я добавляю, что провела там полчаса на солнце, вычитывая очередную рукопись, но потом поднялся ветер и

все мои листы чуть не разлетелись.

Папа говорит, что некролог будет напечатан в следующем номере журнала Ассоциации лесоводства и что он решил изменить вступление, приведя слова Чехова.

— Не напрямую, правда. Это вроде как Горький процитировал Чехова. В общем, первое предложение звучит так: «Если каждый человек на куске земли своей сделал бы все, что он может, как прекрасна была бы земля наша!»

Упоминаю о звонке таксиста.

— Свидетеля Иеговы[31]?

— Да, его самого.

— Он все же вызнал у меня твой номер.

— Ты рассказал ему, что я занимаюсь лингвистикой и пытаюсь изменить свою жизнь?

— Возможно, намекнул. А что он хотел?

— Поговорить со мной о конце рода человеческого.

— Начал с того, что уже не за горами?

— Да, не за горами. А еще, что время истекает, и спросил, можно ли ему прочесть мне фрагмент из Библии.

---

[31] Примечания: 31

Международная религиозная организация «Свидетели Иеговы» признана экстремистской, её деятельность запрещена на территории России.

— И ты согласилась?

— Да, и он прочитал отрывки из Евангелия от Луки и из Пятикнижия Моисея.

— Даже так?

— Вообще-то, он дважды звонил.

— И читал тебе о природных катаклизмах и Судном дне?

— Именно.

На другой день таксист звонил снова и зачитывал мне Откровения Иоанна Богослова: *И вот, произошло великое землетрясение, и солнце стало мрачно как власяница, и луна сделалась как кровь. И звезды небесные пали на землю, как смоковница, потрясаемая сильным ветром, роняет незрелые смоквы свои. И небо скрылось, свившись как свиток; и всякая гора и остров двинулись с мест своих*.

Переходя от одного абзаца к другому, он болтал о том о сем и интересовался, как продвигается строительство каменной изгороди, на что я ответила, что потихоньку продвигается.

— Возможно, я не смогу дать вам точные ответы на все вопросы, — заметил он. — Но равняется ли неточный ответ отсутствию ответа? Вовсе нет, — отрезал он и продолжил чтение: *И сделались град и огонь, смешанные с кровью, и пали на*

землю; и третья часть деревъ сгорела, и вся трава зеленая сгорела.

— Он говорил об океане крови?

— Да.

— Об огне, что спалил землю?

— Да.

Об островах, что сдвинулись с мест своих?

— Да.

— И о сотворении нового мира?

— До этого пока не дошел.

Я задумываюсь.

— Он сказал, что я восприимчивая.

Папа делает короткую паузу.

— Когда-нибудь, в будущем, на твоей земле поднимется прекрасный лес, — завершает он разговор.

Попрощавшись с папой, я пару мгновений размышляю над тем, что глагол «вызнать» нечасто услышишь в разговорной речи.

Может, время и истекает, может, и наступают последние дни человечества, но я точно знаю, что конец придет не сегодня, поскольку на дворе совсем не темно, никакой ночи нет, и день перетекает в день, потому что время — это одна бесконечная протяженность света.

Ты там, а я — там

Я захожу в магазин, и Хокун коротко меня приветствует. Он заканчивает обслуживать покупательницу, которая направляется к выходу с цветочной вазой. Когда она удаляется, Хокун объясняет мне, что муж неожиданно подарил женщине букет цветов, а вазы, в которую его можно было бы поставить, у нее не оказалось. Он позвонил мне, чтобы попросить еще книг, и теперь помогает вытащить из машины очередную коробку, откуда сразу принимается извлекать разные издания.

— Мы пытались разобраться, что вы за личность, — говорит он, расставляя книги на полках. — Теперь мы в читательском клубе лучше вас понимаем.

— А у вас есть читательский клуб?

— Мы собираемся вечерами по понедельникам.

— И читаете пособия по грамматике?

— Ваши, да. Мы обнаружили, что вы подчеркивали кое-какие предложения и оставляли заметки на полях.

Он поясняет, что члены читательского клуба методично исследовали книги, чтобы проанализировать предложения, которые отметила именно я.

— И вы нашли что-то стоящее?

— Мы обратили внимание, что заметки на полях не обязательно связаны с содержанием книги.

— А с чем же?

— С чем-то, о чем вы размышляли.

Хокун водит пальцем по строчкам в одной из книг.

— Вот здесь, например, вы подчеркнули словосочетание *не умеющий говорить* в статье об овладении речью детьми, а на полях написали: «Рождаются ли дети со словами в себе?»

Он откладывает книгу.

— Нам кажется, что мы лучше узнали вас.

— То есть?

— Ну, почему вы решили покинуть Рейкьявик и переехать в наши края.

Он разглядывает меня.

— Некая пташка напела одному из членов читательского клуба, будто вы поскользнулись на коварном льду исландского языка в программе «Грамотная речь», что передают по государствен-

ному радио. И вас уволили…

Хокун вопросительно смотрит на меня.

Я поправляю его, что он путает меня с моей коллегой с факультета исландской филологии, которая вела ту программу.

— И ее, вообще-то, не уволили, она ушла в декретный отпуск, — добавляю я.

Я могла бы развить тему и сказать, что, пока моя коллега была в декрете, программу приостановили на это время.

— Кое-кто еще слышал сплетню о вашей любовной связи с неким преподавателем, правда, мнения о том, кто это был, разнятся. Однако известно, что человек семейный. Муж одной из тех, что посещают читательский клуб, работал с женщиной, которая замужем за шурином вашего бывшего коллеги с факультета. Городок у нас маленький, слухами полнится, — поясняет Хокун, передвигая книги на полке, чтобы освободить место для новых.

Я обращаю внимание на то, что над прилавком вместо изображения ангелов-хранителей другое полотно — орнаментальное изделие с красными буквами, вышитыми крестиком, на белом фоне: *Ты там, а я — там*.

Хокун следит за моим взглядом и улыбается:

— У Гердюр возникла идея вручную вышить все посвящения из ваших книг и продавать их. Нам даже пришлось завести лист ожидания для желающих их заполучить.

За разговорами Хокун успел опустошить коробку и отодвигает ее в сторону.

— Я лично вставляю полотна в рамы, ну, и вся прибыль, естественно, идет в Красный Крест.

Сообщаю ему, что привезла последнюю коробку с книгами, он кивает.

— Кстати, она уходит из банка.

— Гердюр?

— Поступила в университет на лингвистику и переселяется в Рейкьявик. — Пару мгновений Хокун молчит. — Она, вообще-то, приезжая.

— А я думала, что ее бабушка с дедушкой отсюда.

— Они, может, и отсюда, но она родилась не здесь. Ничего личного. Все с ней прекрасно общаются, но приезжая есть приезжая.

Хокун меняет тему разговора, и его лицо становится серьезнее: я чувствую, что он подгадывает момент, чтобы поведать мне очередную новость. И действительно — он сообщает мне, что дядя Даньеля собирается покинуть Исландию.

— И другой сантехник тоже, со всей семьей.

Даньель рассказывал мне, что друг его отца планирует переехать куда-нибудь, где климат помягче, но, когда я в последний раз расспрашивала его об этом, выяснилось, что водопроводчики вроде как перенесли переезд на неопределенный срок. Даньель даже не был уверен, действительно ли они намерены уехать. А теперь оказывается, что уже собрали чемоданы.

— Я так понимаю, это было спонтанное решение, — вздыхает Хокун. — Похоже, в Германии нехватка сантехников.

— И когда же они уезжают?

— В начале следующей недели. А это значит, что, когда их семья покинет городок, у нас станет на пять беженцев меньше. На шесть, с учетом дяди.

Хокун умолкает.

— Дядя Даньеля собирался взять его с собой, но тот хочет остаться. Говорит, не поеду, мол, с ними.

Он смотрит мне в глаза.

— Ответа на свой запрос они пока не получили, а это значит, что, когда уедет опекун Даньеля, статус парня поменяется. Он перейдет в категорию несовершеннолетних беженцев без сопровождения, и ему придется подавать прошение о

международной защите. Еще это значит, что ему придется подыскать приемную семью, которая возьмет на себя заботу о нем, пока ему не исполнится восемнадцать лет.

Салат дал всходы, да и белокочанная капуста хорошо растет, и на обратном пути я раздумываю, как мне поступить с десятью кочанами. Приехав домой, беру молоток и, вбив гвоздь над маминым дубовым комодом, который я выкрасила в розовый цвет, вешаю на стену картину: *Ты там, а я — там*.

Требованиям ты соответствуешь

Когда я забираю Даньеля с тренировки по футболу, он подтверждает, что друг его отца уже собрал чемоданы и совсем скоро покинет страну.

— Он не хочет жить там, где в мае идет снег.

Даньель бросает сумку со спортивной формой на заднее сиденье, а сам садится впереди и, нахмурившись, сообщает мне, что хочет остаться здесь.

— То есть ты не поедешь с ним? — спрашиваю я и слышу, что мой голос звучит не так, как должен был бы.

— Мне не хочется больше ездить по другим странам. Я уже насмотрелся достаточно в этом мире.

Я интересуюсь, давно ли остальные приняли решение о переезде.

— Неделю назад.

— Ты в курсе этого уже неделю? И ты мне ничего не рассказывал?

— Не хотел тебя беспокоить. Ты же работала.

Мой пассажир некоторое время молчит.

— Я ездил на собеседование.

— Куда? Когда?

— В миграционную службу. Ездил в Рейкьявик на автобусе.

— На автобусе? А что же ты мне не позвонил?

— Я позвонил Якобу, когда приехал в Рейкьявик. Он ходил со мной.

— Папа ходил с тобой? И что тебе там сказали?

— Женщина, которая со мной беседовала, сказала, что я еще слишком юн, чтобы жить одному, и что, пока рассматривают мой кейс, мне нужно подыскать приемную семью. И я сказал, что хочу жить у тебя.

Я смотрю на него, а он пристально глядит на дорогу перед собой. Стараюсь думать быстрее.

— Твоего желания жить у меня недостаточно. Нужно еще оценить, насколько я соответствую требованиям, которые предъявляют к опекунам. — После секундного колебания я добавляю: — Можно ли передать тебя на мое официальное попечение.

— Я им скажу, что требованиям ты соответствуешь.

В последнее время меня преследует мысль, что с горы покатятся камни, и именно в тот момент, когда я буду проезжать мимо, поэтому, когда в машине Даньель, предпочитаю ехать через пес-

ки, хоть так дольше.

— Я живу в отдаленном месте. Не думаешь, что тебе будет скучно наедине со мной?

— Мы могли бы завести собаку.

— Тебе нужно ходить в школу.

— Как раз об этом и говорил Якоб. Он сказал, что я мог бы жить у него в Рейкьявике, если бы пошел в школу, а выходные проводил бы у тебя.

Даньель смотрит на меня.

— То есть вы с папой это обговорили?

— Еще он сказал, что ему было бы проще готовить на двоих, чем на одного.

— Ну да, типичное папино рассуждение.

— А еще он сказал, что сначала с нашими взаимоотношениями должны определиться мы с тобой.

И тут меня внезапно пронзает мысль, что я уже побывала в подобной ситуации и вела схожие беседы, что я сижу возле шестнадцатилетнего парня в «пежо», который везет нас через пески, а в небе розовая полоса; он смахивает с глаз челку, не дежавю ли это, — мне-то известно, что скажет далее.

— Если я тебе нравлюсь, ты могла бы меня усыновить.

Он натягивает на голову капюшон толстовки и

глядит в окно со своей стороны.

— Якобу эта идея нравится, — раздается его тихий голос.

Струи дождя хлещут по песчаной россыпи, перемежаясь с проблесками солнца.

— Мы что-нибудь придумаем вместе, — говорю я и уверяю: — Все будет в порядке.

Я не совсем уверен, куда лежит мой путь дальше и удастся ли мне спасти мир

Ближе к вечеру звоню папе, и тот подтверждает, что Даньель заходил к нему в гости, и, дескать, не сказал потому, что Даньель хотел сделать это сам.

— Он не хотел тебя беспокоить, поэтому приехал в Рейкьявик на автобусе, и я встретил его на автовокзале. Ему надо было явиться на собеседование в миграционную службу, и я подумал, что надо бы сходить туда с ним. Но мне даже не разрешили зайти с ним в кабинет, предложили посидеть в комнате ожидания. Там и охранники были.

— Послушай, а почему ему нужно было явиться в миграционную службу? Он ведь на попечении Красного Креста, разве нет?

— Нет, его кейс рассматривает миграционная служба. Когда его так называемый дядя покинет Исландию, дело перейдет в компетенцию органов защиты детей, которые подыщут ему приемную семью.

В разговоре повисает непродолжительная пауза.

— И тогда в игру вступим мы. Даньель хочет жить у тебя. С тобой он чувствует себя в безопасности.

— Ты пообещал ему, что он может жить у тебя, если будет учиться в школе в Рейкьявике?

— Я посоветовал ему получить образование и предложил жить в комнате возле прихожей, если он пойдет в школу.

Папа подбирает слова.

— Мы тогда могли бы присматривать друг за другом.

Снова наступает недолгое молчание.

— Пока ждал, пообщался там с одним работником, который рассказал, что они держат ухо востро, потому что бывало такое, что опекуны отправляли сначала подростков, чтобы проверить, как работают иммиграционные законы в разных странах, а потом подать запрос на воссоединение семьи.

— Но у Даньеля никого нет.

— Так я и сказал тому работнику.

Я спрашиваю папу, что они делали, когда собеседование закончилось.

— Заказали пиццу, а потом я показал ему ма-

шину.

— Машину?

— Ну да, «мерседес».

Последний уже шесть лет как стоит в гараже мертвым грузом.

— Вы спускались в гараж?

— Да, ходили. Я подумал, что надо бы починить «мерседес», чтобы он снова был на ходу. На нем бы мог потом ездить Даньель.

— Даньелю шестнадцать лет. Права он сможет получить только через год.

— Я подумал, что мог бы давать ему уроки вождения.

— Даже через год он будет еще слишком юным, чтобы управлять машиной за городом. Знаешь ведь, какие бывают водители? Чуть что, сигналят и ругаются. Или в аварию, не дай бог, попадет, — заключаю я.

Папа решает сменить тему и спрашивает, не звонил ли мне опять свидетель Иеговы[32], и я отвечаю, что все куда хлеще: без приглашения попросту заявился ко мне в гости.

— Вот оно как?

---

[32] Примечания: 32

Международная религиозная организация «Свидетели Иеговы» признана экстремистской, её деятельность запрещена на территории России.

— Сказал, что профсоюз таксистов сдал ему летний дом поблизости и у него в планах пожить там недельку и поездить по округе, чтобы распространить благую весть.

— Опять читал тебе Библию?

— Нет. Я заявила, что достраиваю каменную изгородь и могу его послушать, пока работаю, но была бы крайне признательна, если бы он мне помог.

— В костюме и с галстуком?

— Он действительно был в костюме, но снял пиджак и аккуратненько его сложил. Я предложила ему резиновые сапоги.

— Мои?

— Да, те, что ты оставил. Но в них не было необходимости — оказывается, у него в машине лежали свои.

— Ты и в дом его пригласила?

— Пригласила.

— И?

— Угостила его кофе и бутербродом. Вместо того чтобы говорить о конце света, он рассказывал о начале. Он вроде как собирается завязать с такси и стать шофером скорой помощи.

— Значит, теперь не совсем уверен, удастся ли ему спасти мир?

— Похоже, что так.

Болтая с папой, я иду до ограды и замечаю, что на моей вересковой поляне проглядывают первые ягоды.

Первая положительная

Как я и ожидала, Бетти позвонила, едва вернувшись в Исландию из Ставангера, где в торжественной обстановке вручили диплом ее единственному сыну, инженеру Якобу Лиаму. Воспользовавшись случаем, она встретилась со своей подругой, что работает на станции переливания крови в Осло.

— Я слышала, что у тебя появился приемный сын, — сообщает она первым делом. — И что Даньель переехал к тебе.

— Ему еще должны одобрить вид на жительство. Требуется опекун, — уточняю я.

— И этим опекуном собираешься стать ты?

— Собираюсь. Не хочу его разочаровывать.

— А другие родственники?

— Он один. От его отца никаких вестей уже два года, и Даньель не может вернуться на родину. — Я могла бы продолжить и сказать, что он и так много чего насмотрелся и много чего пережил.

Сестра рассказывает, что заезжала к папе и он как раз красил стены в комнате возле прихожей.

— Папа полагает, что из тебя выйдет хорошая

мать.

— Нужно сначала оценить, отвечаю ли я критериям приемного родителя. Я была на собеседовании в комитете защиты детей, а потом их представитель приезжал ко мне.

— А когда ты узнаешь, отвечаешь ли ты их критериям?

— Этого они не сказали. Предупредили только, что подобные вопросы сразу не решаются. Обещали позвонить. Даньель уже весь в нетерпении — не понимает, почему все так долго тянется.

— Тебе нужно научить его пользоваться стиральной машиной и делать уборку в туалете. Еще ты должна периодически ему звонить и справляться, где он. И установить час, до которого ему следует возвращаться домой.

— Так я и поступлю.

— И нужно выражать беспокойство, если он будет засиживаться за компьютером.

— Я знаю.

Прощаясь, сестра спросила, какая у Даньеля группа крови, и, поскольку я не раз возила его на прием к врачу, мне это известно.

— Первая положительная.

— Он сможет сдавать кровь, когда ему исполнится восемнадцать, — заметила Бетти. — Вперед

ди еще два года.

Птицы Исландии

Я думала, чем бы таким занять Даньеля до того, как осенью начнется школа, чтобы он не только околачивался возле меня без дела или сам с собой играл в футбол на лугу.

Его сверстники в городке в основном задействованы в проектах подростковой занятости, таких как прополка сорняков на клумбах вдоль главной улицы или кошение травы на круговом перекрестке. Я обратила внимание, что Даньель проводит много времени, листая книгу «Птицы Исландии», а также он показывал мне фотографии птиц, которые сделал на мобильник. Еще весной я видела на пробковой доске в пекарне объявление о том, что требуется помощник для переписи куропаток. На днях я заметила, что оно висит там до сих пор. Я записала номер телефона и решила позвонить орнитологу, с которым несколько раз пересекалась, когда он проводил свои изыскания у нас в округе.

Как выясняется, он забыл убрать объявление с доски, но находит примечательным тот факт, что я звоню ему именно сейчас. Оказывается, в

качестве помощницы он взял на работу студентку биофака, которая после весенней переписи отказалась от дальнейшего сотрудничества, поскольку предпочла работать парковщицей в Рейкьявике. Поэтому он подыскивает кого-то, кто помог бы ему с переписью в августе. Орнитолог поясняет, что работа заключается в подсчете самцов в местах их обитания весной и поздним летом.

— Мы также подсчитываем птенцов у каждой самки для определения процента выживаемости. Таким образом, мой ответ — да, мне требуется помощник на две-три недели в августе. Вы можете мне кого-то порекомендовать?

Я осведомляюсь, не слишком ли мал для такой работы шестнадцатилетний подросток.

— Нет, вполне подходит. Ваш сын интересуется пернатыми?

— Приемный сын. Он любит рассматривать книги о птицах и даже купил бинокль, чтобы за ними наблюдать.

Приятель папы Даньеля оставил ему денег, перед тем как покинул Исландию, и тот переселился ко мне. Первым делом парень приобрел бинокль, а потом мы сходили с ним в банк к Гердюр, и я помогла ему открыть счет, чтобы он положил на

него свои сбережения.

На всякий случай вновь расспрашиваю орнитолога о птичьем гриппе, о котором мы уже беседовали в начале лета и который в последнее время часто упоминают в новостях. Меня интересует, не затронула ли болезнь популяцию белых куропаток. Специалист отвечает, что, хотя в Шотландии наблюдается массовая гибель птиц, в исландской популяции никакого мора пока не фиксируется. Цель переписи именно в том и состоит, чтобы установить, выносливее ли в этом плане оседлые птицы, чем перелетные. Он, однако, добавляет, что в морозильнике у него имеется труп куропатки, который еще предстоит исследовать.

«Айскьюб Холдингс»

Уже давненько не приходилось встречать Аульвюра, так что его появление у меня на пороге неожиданно. Я закрываю компьютер, когда со двора доносится тарахтение квадроцикла, а потом мотор глохнет, и раздается стук в дверь. Мой сосед одет в короткую куртку и желтый свитер с высоким воротником. Его собаки с ним на этот раз нет.

— Даже не ожидал, что у вас тут что-то вырастет, — начинает он. — Моя сестра как садовод потерпела полный крах.

Затем он интересуется, не угощу ли я его кофе, и я улавливаю крепкий аромат его лосьона после бритья.

Пока кофе варится, он расхаживает по комнате, оглядывая обстановку, и замечает, что в доме стало очень уютно. Обращает внимание и на появившийся у меня телевизор. Потом спрашивает, не слышала ли я грохотанье в небе пару дней назад, и я отвечаю, что слышала. Аульвюр говорит, что сначала подумал, будто это оползень с горы, но потом о случившемся зашел разговор среди

окрестных фермеров, и многие подтвердили, что ощутили внезапный толчок, за которым последовали гул и рокот. Кто-то увидел в небе вспышку, а жена моего соседа, по ее словам, заметила сине-зелено-фиолетовое свечение. Аульвюр уточняет, не смотрела ли я вчера новости, где это явление обсуждали со специалистом из Гидрометцентра, но я сообщаю, что не смотрела, поскольку работала вне дома.

— Метеоролог полагает, что это, возможно, метеор, появление которого сопровождалось сильными раскатами, а при подлете к Земле он сгорел.

Гость снимает куртку и вешает ее на спинку стула, а потом справляется, не найдется ли у меня молока для кофе. Затем отмечает, что наслышан о моем приемном сыне, и интересуется, где он.

— Его дома нет? — вновь осматривается гость.

Я рассказываю, что несколько недель назад Даньель нашел работу в качестве помощника орнитолога и сейчас находится в рабочей поездке.

Уже три дня они подсчитывают куропаток в соседней общине, и вернется он только завтра. Вместе с ним студентки биофака, две, по его словам, которые пишут дипломную работу. Ночуют они в пансионе, спят в спальных мешках. В пер-

вый день Даньель звонил мне трижды и взахлеб рассказывал обо всем, что попадалось ему на глаза, и сколько пернатых они пометили.

— То есть, чтобы пометить птиц, их нужно поймать сетью? — с любопытством спросила я.

— Да, мы ловим их сетью и закрепляем на них передатчик, чтобы отслеживать их передвижения, а потом отпускаем, — объяснил мне Даньель.

Я справилась, как он там питается. Он ответил, что еда очень вкусная, но, с секунду поразмыслив, добавил, что не такая вкусная, как у меня. Вчера он позвонил только один раз, был явно взбудоражен и постарался как можно быстрее закончить разговор.

Аульвюр, вопреки обыкновению, не заводит шарманку о погоде, а переключает разговор на черный джип и спрашивает, не замечала ли я в окрестностях представителя «Айскьюб Холдинге». Видно, что мой сосед встревожен.

Я рассказываю, что мне действительно звонил адвокат человека, заинтересованного в покупке земли.

— И когда же это?

— Неделю назад.

— И что вы ответили?

— Что не намерена ничего продавать. Больше он не звонил.

Аульвюр отхлебывает кофе и не спеша размешивает сахар, скобля ложкой по дну чашки. Он не произносит ни слова. Допив кофе, встает, надевает куртку и медленно направляется к двери. Ухватившись за ручку, переминается с ноги на ногу и явно медлит.

— Хотел сказать вам, что я решил завязать с овцеводством. — Он делает паузу. — У меня даже жена перестала есть мясо, — добавляет он.

Засунув руки в карманы куртки, он мешкает на пороге. Я жду продолжения.

— Также хотел сказать, что мы продали землю. Корпорация «Айскьюб Холдингс» предложила сумму вдвое больше. — Он еще глубже засовывает руки в карманы и опускает взгляд. — Будущее в воде и в песке, а не в овцах.

Мой сосед садится на квадроцикл, но мотор не заводит, и я чувствую, что ему нужно поделиться со мной чем-то еще.

— Мы, вообще-то, хотели подарить вам щенка. Собака только что ощенилась. Правда, это не чистокровный исландец, а помесь.

Все последние разы сосед заглядывал ко мне без собаки. А еще раньше я заметила, что собака

округлилась и, набегавшись, тяжело дышала.

— А Снати, значит, девочка?

Он кивает.

— Мы так подозреваем, отцом является пес с соседней фермы — шотландская овчарка. Но он не чистокровный — меньше, чем в среднем по породе. Его хозяин предполагает, что он сын пуделихи моей сестры, которая однажды куда-то запропастилась на пару дней. Пуделиху нашли как раз в компании чистокровного пса породы шотландская овчарка. Так что щенок наполовину исландец, на четверть шотландец и на четверть пудель.

Прощаясь, Аульвюр говорит нечто любопытное, что надолго во мне засело:

— Как мало способен сделать человек, человек — это всего лишь муравей во вселенной.

У меня в голове всплывает опечатка в одной рукописи: *maur* «муравей» вместо *maður* «человек». Сначала я подумала, что писатель недостаточно сильно щелкнул мизинцем по клавише с буквой «ð», которая расположена во втором ряду клавиатуры, сразу слева от вопросительного знака, или что клавиша заела. Однако эта опечатка повторялась в рукописи так часто, что я начала убеждаться в том, что это и не опечатка вовсе, а

книга вообще не о человеке, а о муравье.

Чтобы летать, птице нужен воздух под крыльями

Августовское солнце опускается, и куст смородины пылает в его лучах.

Я стою посреди картофельного поля в маминых сапогах с кустиком картофеля в руке. Встряхиваю его, и белые клубни рассыпаются по земле. Я собираю их в ведро, откладываю лопату и снимаю перепачканные землей сапоги.

В небе кишмя кишат птицы — они в приготовлениях к отлету.

Мой подросток объявляет, что у реки видел веретенников, и я думаю о том, что исландское название этой птицы — *jaðrakan* — заимствовано из гэльского языка.

— Они скоро улетят, — говорит Даньель.

— Следующим летом вернутся, — отвечаю я.

— Зато куропатки останутся.

— Они — да.

Я вручаю Даньелю коробку:

— Это тебе.

У него на лице появляется улыбка до ушей, он открывает коробку, примеряет походные ботин-

ки и несколько раз прохаживается взад-вперед по гостиной.

— День, должно быть, выдастся замечательным, — говорит папа, когда звонит. Он прослушал прогнозы метеостанций по всей стране, включая те, что расположены в рыболовных районах. — Сначала пройдет дождь, но прекратится.

Вижу, как из-за горы материализуется облако, которое, словно воздушный шар, проплывает по небу, задевая горную вершину.

Я посеяла озимый лук, который будет ждать своего часа во тьме.

Там, где слово парит свободно

Мы зашнуровываем походные ботинки и отправляемся в путь. Сначала проходим через участок невозделанной земли, а дойдя до ограды, перелезаем через нее и ступаем по плоским камням в сторону горы.

Мы в движении.

Природа замерла.

Белая куропатка уже сбросила перья с крыльев и месяц не сможет летать. Я замедляю ход, пока Даньель фотографирует двух на удивление безмятежных птиц, что облачились в свой серый осенний наряд.

Мы идем дальше. Первый отрезок пути проходим бок о бок и болтаем о том о сем, но, когда приближаемся к подножию горы, крутизна увеличивается, я ступаю впереди, а Даньель следует за мной. Время от времени останавливаемся, чтобы отдышаться и окинуть взглядом землю у нас под ногами: черный песок и белую реку, которая бежит через пески до самого моря, огибая отколовшиеся от ледника торосы. Посреди песчаной равнины, на полпути между ледниковой

рекой и горой, виден четырехугольный зеленый кусок земли, где промеж камней тянутся вверх пять тысяч шестьсот молодых березок, обрамляя мое угодье. В его самой северной оконечности, в расщелинах плоских скал, я также посадила сибирские лиственницы — всего десять деревьев. Земля не такая уж и бесплодная — есть тут кусты голубики и вороники, и разнообразные травы, что я собираю и завариваю: чабрец, дриада, подмаренник, лапчатка. У каменной изгороди стоит клен. Когда он подрастет, под его сенью станут гнездиться птицы, а я буду вычитывать рукописи, ласкаемая лучами вечернего солнца, и хотя осенью с клена опадут листья, по весне он вновь пустит почки, и на молодых ветвях зазеленеет листва. К югу от дома мы посадили две яблони, поскольку, для того чтобы они плодоносили, деревьев должно быть два — мужское и женское. Посмотрим, что из этого выйдет. Может, со временем там появится маленький фруктовый сад. Под окном спальни — декоративная клумба с анютиными глазками с синим отливом и пионами. Возле клумбы набирается сил смородиновый куст. Чуть в стороне от картофельного поля и грядки с морковью красуется только что построенная теплица, где будут расти помидоры,

огурцы и клубника. Еще мы высадили там два торфяных горшочка с рассадой кабачков. Перед домом раскинулся луг, который превратился в футбольное поле.

Это мое угодье.

Это мое царство.

Сначала мы продвигаемся по старой овечьей тропе, и склон резко становится круче. Вскоре оказываемся выше того места, куда добиралась только самая отчаянная овца, и нашему взору предстает вершина, но это лишь обман зрения, потому что впереди еще целая гряда куполообразных сводов. Мы совершаем очередную остановку, и Даньель делает нашу совместную фотографию на фоне плато, что простирается внизу. В одной руке он высоко держит телефон, а другой обнимает меня за плечи, а я кладу свою руку ему на плечо. За лето он вырос и стал выше меня; он улыбается во весь рот, обнажая здоровые зубы шестнадцатилетнего подростка. Потом хочет сфотографировать меня одну и дает мне указания, куда встать и какую позу принять, — ему нужно, чтобы я была прямо в центре кадра.

Добравшись до самой верхушки, мы садимся на каменную глыбу и обозреваем окрестности. И теперь, когда мы поднялись надо всем, что

осталось внизу, оно предстает мне хрустально прозрачным и ясным — земля и то, что на ней, и я вижу, как это все сливается и сплачивается в единое и неразрывное целое: вижу реки, что выходят из берегов и перетекают через границы — та же вода, те же рыбы; и корни деревьев по обе стороны границ беседуют между собой и обмениваются посланиями; вижу птиц, что перелетают из одного языкового ареала в другой, и слышу, как они поют с разными акцентами, в зависимости от того, где оказываются. Вижу, как в сияющем огнями мегаполисе, на который, в отличие от наших краев, спускается ночь, по мокрой от дождя улице проходит женщина, растворяясь в ночи. Когда забираешься так высоко, все будто переливается удивительным, золоченым свечением; все настолько ярче, когда глядишь сверху на то, что внизу; с такой высоты я больше не различаю материки и океаны и ничего не знаю ни о людских конфликтах на земле, ни об уровне моря, что бесконечно повышается; я нахожусь в небесно-голубом с оттенком льда пространстве, и здесь царит тишина — абсолютная тишина; здешний мир наполнен красотой, а уже в следующий миг я покидаю атмосферу и оказываюсь на орбите Земли, с которой Земля

кажется не больше надувного мяча для водных забав. Я заглядываю на МКС, где голливудские киношники и русский режиссер решили объединить усилия и снять сцены фильма, который повествует о спасении как хвойных лесов Сибири, так и тропических лесов Амазонки, поскольку это два легких планеты, а главная героиня картины — ученая, которая только что прибыла с международного симпозиума по климату, и теперь ей предстоит преодолеть сопротивление властительных политиков, чтобы спасти мир. Роль ученой исполняет актриса, которая как раз гримируется и ужасно напоминает мне маму в молодости, когда она играла одну из незамужних дочерей в «Доме Бернарды Альбы». В мгновение ока я оказываюсь в шести миллиардах километрах оттуда и приближаюсь к далеким планетам и солнцам, где толстосумы замышляют открыть караоке-клуб под названием «Плутон», куда они будут периодически прилетать на космических челноках, чтобы попеть и повеселиться, и раз уж я где-то там наверху, а точнее сказать, где-то там вовне, в черной мгле космоса, и созерцаю третью планету от Солнца — бледно-голубую точку размером с игольное ушко в этой черной космической мгле, — взгляд падает на мой зе-

леный кусочек земли посреди черных песков, где куропатки сменили цвет, принарядившись по-осеннему, а щенок носится по двору, гоняясь за огромной бабочкой, которую занесло на наш остров потоками теплого воздуха (если только она не прибыла к нам в ящике с бананами, также известными как *bjúgaldin* — «аркофрукт»); я вижу там капельки росы на лепестках пионов, что растут на клумбе, и моего приемного сына, который гоняет мяч на лугу; сама я стою в маминых сапогах посреди картофельного поля, потому что мы всегда на полпути в нашей жизни, и вижу, как мерцает, бурля в водоворотах, река; я вижу лимб, что несет вечный свет, и собаку, которая бежит за словом, парящим свободно, как в начале начал, как в первый день творения, и думаю: *orðið* — «слово» — средний род, единственное число, а вдали — проблески вечности.

Я прижимаю сына к себе.

Все будет хорошо, говорю я.

Все устроится.

Выходные данные

Аудур Ава Олафсдоттир

ЭДЕМ

Литературно-художественное издание

Издатель *Дарина Якунина*
Генеральный директор *Олег Филиппов*
Ответственный редактор *София Лебедева*
Литературный редактор *Евгений Трофимов*
Художественный редактор *Ольга Явич*
Дизайнер *Елена Подушка*
Корректор *Людмила Виноградова*
Верстка *Елены Падалки*

Подписано в печать 13.01.2026.
Формат издания 84×108 $^{1}/_{32}$. Печать офсетная.
Тираж 2000 экз. Заказ № 07658/25.

ООО «Поляндрия Ноу Эйдж».
197342, Санкт-Петербург, ул. Белоостровская, д. 6, лит. А, офис 422.
www.polyandria.ru, e-mail: noage@polyandria.ru

Отпечатано в соответствии с предоставленны-

ми материалами в ООО «ИПК Парето-Принт».
170546, Тверская область, Промышленная эона Боровлево-1, комплекс № 3А,
www.pareto-print.ru